

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический
университет»

На правах рукописи

БОГОМАЗОВА Виктория Владимировна

**КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ «ЧУЖДОСТЬ»
В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ**

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
доцент Н.Н. Панченко

Волгоград 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛАВА I. ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» КАК ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ЧУЖДОСТИ	11
1.1. «Свой – чужой»: аспекты анализа оппозиции	11
1.1.1. Исследование оппозиции «свой – чужой» как универсальной бинарной оппозиции	13
1.1.2. Когнитивный подход к исследованию оппозиции «свой – чужой»	16
1.1.3. Исследование оппозиции «свой – чужой» как коммуникативной категории	18
1.2. «Свой – чужой» в системе гуманитарного знания	22
1.2.1. «Свой – чужой»: философский аспект	23
1.2.2. «Свой – чужой»: социопсихологический аспект	28
1.2.3. «Свой – чужой»: лингвокультурологический аспект	35
1.3. Языковые средства репрезентации оппозиции «свой – чужой»	38
1.4. Дискурсивная реализация оппозиции «свой – чужой»	53
1.4.1. «Свой – чужой» в политическом дискурсе	54
1.4.2. «Свой – чужой» в религиозном дискурсе	59
1.4.3. «Свой – чужой» в массмедийном дискурсе	61
1.4.4 «Свой – чужой» в юридическом дискурсе	67
Выводы по первой главе	74
ГЛАВА II. СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ «ЧУЖДОСТЬ» В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ	78
2.1. Коммуникативная категория «чуждость»: уточнение понятия	78
2.2. Маркеры чуждости в судебном дискурсе	82
2.3. Средства реализации коммуникативной категории «чуждость»	

в судебном дискурсе	96
2.3.1. Ритуальность как средство реализации чуждости в судебном дискурсе	96
2.3.2. Агональность как средство реализации чуждости в судебном дискурсе	105
2.4. Ролевая структура судебного дискурса, коммуникативное поведение участников	113
2.4.1. Реализация категории чуждости в коммуникативном поведении защитника	116
2.4.2. Реализация категории чуждости в коммуникативном поведении обвинителя	141
2.4.3. Реализация категории чуждости в коммуникативном поведении судьи	155
Выводы по второй главе	169
Заключение	173
Библиография	181
Список лексикографических источников и принятых сокращений	204
Источники примеров и принятые сокращения	206
Приложения	211

ВВЕДЕНИЕ

Дуальное отношение «мы – они», «свой – чужой» присуще даже самым примитивным обществам и является одним из фундаментальных противопоставлений, бытующих в наивном или донаучном сознании. В современном мире оппозиция «свой – чужой», составляющая основу категорий «свойственности» и «чуждости», также не утрачивает своей актуальности и проявляется в самых разнообразных сферах социокультурной жизни.

Коммуникативные категории являются в настоящее время предметом научных дискуссий. Коммуникативная категория «чуждость» изучалась на материале политического, массмедийного, художественного видов дискурса, однако объектом исследования на материале судебного дискурса, по нашим данным, еще не становилась. Судебный дискурс, с одной стороны, характеризуется жесткой регламентацией, а с другой – относительно свободным выбором его участниками стратегий и тактик речевого поведения, что делает *актуальным* выявление механизма реализации коммуникативной категории «чуждость» посредством особых стратегий и тактик.

Настоящее исследование выполнено в русле дискурсивной парадигмы лингвистики. **Объектом** данной работы является коммуникативная категория «чуждость» в судебном дискурсе. **Предметом** изучения выступают средства репрезентации коммуникативной категории чуждости в судебном дискурсе.

В основу выполненной работы положена следующая **гипотеза**: коммуникативная категория «чуждость» представляет собой системное образование, в основе которого лежит оппозиция «свой – чужой», реализуемая через частные категории агональности и ритуальности с помощью специфического набора знаков – маркеров чуждости.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении особенностей реализации коммуникативной категории «чуждость» в

судебном дискурсе. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие основные **задачи**:

- 1) рассмотреть многообразие исследовательских позиций и взглядов на оппозицию «свой – чужой» и определить ее философские, социопсихологические и лингвокультурологические характеристики;
- 2) систематизировать средства реализации оппозиции «свой – чужой» как основы формирования коммуникативной категории чуждости;
- 3) выделить маркеры чуждости в судебном дискурсе;
- 4) проанализировать категории «ритуальность» и «агональность» как средства реализации категории «чуждость» в судебном дискурсе;
- 5) охарактеризовать ролевую структуру судебного дискурса и описать специфику проявления категории «чуждости» в коммуникативном поведении его агентов;
- 6) выделить основные стратегии и тактики, актуализирующие коммуникативную категорию чуждости в поведении агентов судебного дискурса.

Цели и задачи настоящего исследования определили выбор **методов исследования**: 1) общенаучные гипотетико-дедуктивный и описательный методы, представленные приемами классификации, интерпретации и обобщения; 2) интерпретация текстов различных научных парадигм, направленная на осмысление сущности изучаемого явления; 3) контекстуальный и стилистический анализ; 4) прием количественных подсчетов.

В качестве источников **материала** исследования привлекаются стенограммы, протоколы и видеофрагменты реальных судебных процессов, отражающие проявление категории чуждости в речи агентов судебного дискурса. Проанализированы материалы более 100 судебных заседаний, датированных 2000–2014 гг., по уголовным и гражданским делам, рассмотренным в судах РФ. В работе также использованы данные интернет-сайтов, интернет-форумов, примеры художественной и публицистической

литературы. В качестве единицы исследования рассматривался текстовый фрагмент судебного дискурса, содержащий проявление коммуникативной категории «чуждость».

Научная новизна работы определяется тем, что впервые предпринята попытка комплексного исследования содержания и способов реализации коммуникативной категории «чуждость» в судебном дискурсе, выявлены конституирующие ее категории «ритуальность» и «агональность», систематизирована совокупность разноуровневых языковых средств реализации оппозиции «свой – чужой», составляющей основу исследуемой категории, выделены основные стратегии и тактики, актуализирующие коммуникативную категорию чуждости в поведении агентов судебного дискурса.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии дискурсивной парадигмы исследований. В диссертации систематизировано многообразие исследовательских позиций и взглядов на противопоставление «свой – чужой» как основы коммуникативной категории чуждости, на систему потенциальных средств выражения данной оппозиции. Выявлена специфика проявления рассматриваемой категории в российском судебном дискурсе, до сих пор не получившей многостороннего рассмотрения в научной литературе. Исследование также вносит определенный вклад в развитие теории коммуникации и теорию языка, уточняя понятие «коммуникативная категория».

Практическая ценность работы определяется возможностью использования ее материалов и результатов в вузовском преподавании: при разработке учебных курсов по стилистике, языкознанию, теории дискурса, социолингвистике, лингвокультурологии. Материалы диссертации также могут найти применение при подготовке выпускных квалификационных работ студентами, а также в практической деятельности работников правоохранительной сферы.

Методологической базой данной работы послужили исследования ученых, работающих в области теории коммуникации и теории дискурса (А.С. Александров, Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, В.В. Красных, Л.П. Крысин, Е.А. Кожемякин, О.А. Леонтович, О.И. Матьяш, А.В. Олянич, Л.Н. Синельникова, А.Е. Супрун, И.А. Стернин, Е.И. Шейгал, Р.А. Chilton, С. Schaeffner и др.), в том числе, посвященные анализу категорий (Е.П. Захарова, Е.В. Кишина, Дж. Лакофф, А.А. Матвеева, А.Б. Пеньковский, М.Н. Петроченко, Р.Н. Порядина, А.Ю. Скрыльникова, Е.И. Шейгал и др.); социолингвистики (Л.П. Крысин, Н.Б. Мечковская и др.), лингвокультурологии (В.В. Красных, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин Ю.С. Степанов, Н.В. Уфимцева и др.).

Личным вкладом автора являются: 1) определение и описание оппозитивных моделей проявления коммуникативной категории «чуждость» в судебном дискурсе; 2) выделение и рассмотрение агональности и ритуальности как конститuentов коммуникативной категории чуждости, служащих средством ее проявления в судебном дискурсе; 3) анализ проявления чуждости в коммуникативном поведении агентов судебного дискурса.

На защиту выносятся следующие **теоретические положения**:

1. Чуждость представляет собой коммуникативную категорию, в основе формирования которой лежит универсальная бинарная оппозиция «свой – чужой», имеющая архетипическое проявление. Это позволяет определить содержание данной коммуникативной категории как такую организацию коммуникации, при которой происходит противопоставление на своих и чужих, отстранение, отчуждение. Коммуникативная категория «чуждость» является обязательной коммуникативной категорией, проявляющейся в разных типах дискурса, определяющей характер протекания коммуникативного взаимодействия между его участниками.

2. Коммуникативная категория «чуждость» представляет собой сложное многомерное образование, проявляющееся в судебном дискурсе с помощью эксплицитных маркеров чуждости и с помощью конституирующих ее коммуникативных категорий агональности и ритуальности, маркирующих ее проявление в дискурсе.

3. Реализация категории чуждости в коммуникативном поведении агентов судебного дискурса соотносится с двумя основными линиями их дискурсивного поведения – облигаторной, которая обусловлена агональным характером судебного процесса, и факультативной, которая обусловлена: а) рассогласованием между институциональной ролью и невыполнением своих профессиональных обязанностей (у защитника и обвинителя); б) рассогласованием между личным отношением и исполнением своих обязанностей (у защитника и судьи).

4. Коммуникативная категория «чуждость» связана с прагматическими личностно-ценностными установками говорящего и реализуется в стратегическом коммуникативном поведении участников судебного дискурса. Актуализация категории чуждости в коммуникативном поведении защитника осуществляется с помощью стратегий дискредитации и психологического воздействия, в коммуникативном поведении обвинителя доминирующей является стратегия психологического воздействия, в коммуникативном поведении судьи – стратегия следования регламенту судебного разбирательства.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» Волгоградского государственного социально-педагогического университета (2012, 2013, 2014, 2015гг.), а также были представлены в виде докладов и сообщений на конференциях, семинарах и форумах: *международных* – молодежный форум «День победы над стереотипами» (Рязань, 2010), III Международная научная конференция молодых ученых «Парадигмы современной науки» (Караганда, 2011), Международная конференция при

поддержке МИД России «Модель ООН» (Москва, 2011), I Международный семинар «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (Воронеж, 2012), XIV Международная конференция «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (Ульяновск, 2014); *региональных* – «XV региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области» (Волгоград, 2010); *межвузовских* – «IX школа молодого исследователя на базе СОК ВГСПУ» (Волгоград, 2010), «Человек в коммуникации: языковая динамика в современном обществе» (Волгоград, 2014).

Содержание работы отражено в 9 публикациях общим объемом 3 п.л., включая 3 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, списка лексикографических источников и принятых сокращений, источников примеров и 9 приложений.

Во **введении** определяются объект, предмет, цель, задачи исследования, раскрывается его актуальность, научная новизна, обосновывается теоретическая значимость и практическая ценность работы, описываются методы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе, состоящей из четырех параграфов, рассматривается многоаспектная природа оппозиции «свой – чужой», являющейся основой формирования коммуникативной категории чуждости; анализируются и систематизируются языковые средства репрезентации оппозиции «свой – чужой»; определяются особенности проявления данной категории в институциональных видах дискурса, а именно в политическом, религиозном, массмедийном и юридическом.

Вторая глава, состоящая из четырех параграфов, посвящена изучению и описанию специфики реализации коммуникативной категории чуждости в судебном дискурсе. В ней выделяются маркеры чуждости в судебном дискурсе; рассматриваются категории агональности и ритуальности как средства реализации коммуникативной категории чуждости; проводится

анализ ролевой структуры судебного дискурса и специфики проявления категории чуждости в коммуникативном поведении защитника, обвинителя и судьи.

В заключении подводятся основные итоги и намечаются перспективы исследования.

В Приложении приводится иллюстративный материал, демонстрирующий средства экспликации категории чуждости в коммуникативном поведении агентов судебного дискурса (таблицы).

ГЛАВА I. ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» КАК ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ЧУЖДОСТИ

1.1. «Свой – чужой»: аспекты анализа оппозиции

Сложность и неоднородность процесса человеческого общения подразумевают различные толкования понятия «чужой». В научной литературе нашло отражение предположение о том, что «чужой» не обязательно является врагом. По словам Э. Бенвениста, «чужой враг», тот с кем сражаются, может на время стать другом, в силу соглашения, заключенного в соответствии с обрядами и с принятием священных обязательств, которые на время прерывают постоянное состояние враждебности, царящее между народами и общинами. Под защитой торжественных соглашений при условии взаимности могут родиться истинно человеческие отношения, и тогда названия союзов или юридических установлений становятся названиями соответствующих чувств [Бенвенист, 2002, с. 369].

Исследователи уделяют больше внимания изучению «чужого», чем «своего», так как, по мнению психологов, человек бессознательно более детально различает то, что вызывает у него дискомфорт, дифференцирует неприятные эмоции тоньше, чем приятные, что впоследствии закрепляется в языковой картине мира.

В науке существует подробная система чужеродности, в которой выделяют: 1) «близкие Чужие», внутри данной формы чужеродности реализуется смысл «чужой среди своих»; 2) «незнакомые Чужие (чужаки)» – этот достаточно абстрактный образ – в чистом виде продукт психологической альтернативы «мы – они»; 3) «стигматизированные Чужие» – выделение или приписывание кому-либо определенных черт, признаваемых обществом отрицательными, и выделение кого-либо посредством дискриминации; 4) «враждебные Чужие» – восприятие чужого как врага – это путь к конфронтации и враждебности. Образ врага – это

крайнее выражение психологической альтернативы «Мы – Они», когда Они попадают в категорию «нелюдей», «дикарей» [Психология ксенофобии, www].

Сложный узор человеческих взаимоотношений хорошо прослеживается и в языке, к примеру, доминирование смысла ‘чужой’ подтверждается ассоциативными экспериментами, которые показали, что слова с отрицательными семами объединяются в более дифференцированные подклассы, чем слова с положительными семами [Лунцова, 2008].

Среди синонимичных терминов, определяющих явление «свой – чужой», – «диада», «противопоставление» и «оппозиция», можно выделить термин «противоположность». Стоит отметить, что данный термин широко используется в различных областях науки. Так, в философии под термином «противоположность» понимают категорию, выражающую одну из степеней развития противоречия [Фролова, 1991]. В логике термин «противоположность» толкуется как категория, выражающая одну из сторон диалектического противоречия, которое включает в себя взаимодействие между взаимоисключающими, но при этом взаимообуславливающими и взаимопроникающими друг в друга противоположностями внутри единого объекта и его состоянии или же понятии, высказываний, теорий [Кондаков, 1975].

Исследование противопоставления «свой – чужой» имеет длительную историю изучения. Данная оппозиция подвергалась научной рефлексии с позиции разных теоретико-методологических подходов, ученые обращались к анализу данной оппозиции с разных сторон – как бинарной оппозиции [Гуревич, 1972; Серебренникова, 2004; Трубецкой, 2000; Цивьян, 1990;], как концептов [Алефиренко, 2004; Выходцева, 2006; Карасик, 2000; Кранышева, 2008; Куликова, 2002; Паршина, 2004; Петрова, 2006; Степанов, 2004; Хагба, 2006 и др.], как категорий [Захарова, 1998; Кишина, 2006; Лакофф, 1988; Матвеева, 2011; Пеньковский, 1989; Петроченко, 2005; Порядина, 2002;

Скрыльникова, 2008 и т.д.]. Рассмотрим основные исследовательские подходы к анализу противопоставления «свой – чужой».

1.1.1. Исследование оппозиции «свой – чужой» как универсальной бинарной оппозиции

Оппозиции являются объектом изучения в самых разных научных парадигмах. Однако, как отмечает А.Н. Серебренникова, приоритет в их описании, несомненно, принадлежит языкознанию.

Основу заложили Р.О. Якобсон и Н.С. Трубецкой, изучавшие фонетические и морфологические оппозиции, идею которых в дальнейшем развивали их последователи [Серебренникова, 2004]. В частности, Н.С. Трубецкому принадлежит первый опыт систематизации типов языковых оппозиций, классифицирующий их по трем признакам: 1) по отношению данной оппозиции ко всей системе оппозиций (с точки зрения «размерности» – одномерная, многомерная; «встречаемости» – изолированная, пропорциональная); 2) по отношению между членами оппозиций (привативная, градуальная, эквиполентная); 3) по объему смыслоразличительной силы оппозиции (постоянная, нейтрализуемая) [Трубецкой, www]. Логическая классификация смыслоразличительных оппозиций, разработанная Н.С. Трубецким, благодаря своей универсальности и изоморфности уровневой структуры, может в равной степени рассматриваться как общая предпосылка и прием системной интерпретации как в фонологии, так и в морфологии и лексикологии [Приводится по: Аншакова, 2004].

Универсальные бинарные оппозиции являются определяющими категориями человеческого сознания. Такие универсальные понятия связаны между собой и образуют своего рода «модель мира», при помощи которой люди воспринимают окружающую действительность [Пинтова, 2008, с. 144]. Т.В. Цивьян отмечает, что в содержательном плане архетипическая модель

мира ориентирована на предельную космологизированность сущего и тем самым на описание космологизированного *modus vivendi* и основных параметров вселенной – пространственно-временных, причинных, этических, количественных, семантических, персонажных. Для описания взаимосвязанных понятий была выработана система бинарных оппозиций. Согласно классификации Т.В. Цивьян, [Цивьян, 1990, с. 5], их набор обычно включает в себя 10–20 пар противоположных друг другу признаков, имеющих соответственно положительное и отрицательное значения. Эти оппозиции связаны: со структурой пространства – вверх / вниз, небо / земля, восток / запад, север / юг др.; со структурой времени – день / ночь = свет / мрак, лето / зима, весна / лето и т.д.; с цветом – белый / черный, красный / черный; с оппозицией природа / культура; мокрый / сухой, сырой / вареный; с социальными категориями – мужской / женский, старший / младший (в разных значениях – возрастном, генеалогическом, общественном), свой / чужой, близкий / далекий, внутренний / внешний и т.д. По утверждению автора, на основе этих наборов двоичных признаков конструируются универсальные знаковые комплексы, представляющие собой более общие оппозиции, к примеру, счастье / несчастье, жизнь / смерть, чет / нечет, с помощью которых и усваивается мир. Из этого следует, что набор данных универсальных семиотических оппозиций представляет собой результат классифицирующей деятельности человека, которая является основой его жизни [Там же, с. 6].

Значительный арсенал уже имеющихся у исследователей методологических разработок описания оппозиционных отношений обусловлен применением концепции бинаризма для разъяснения лингвистических явлений представителями разных теоретических школ.

Следует признать, что не все ученые признают идею биполярной категоризации как универсальной. Некоторыми исследователями выделяются однополюсные смысловые конструкты. Последователи данной теории отмечают, что «в смысловой сфере то или иное содержание смысла

переживается как единственно существующее, ... не противопоставленное какому-то иному содержанию» [Столин, 1983, с. 158]. Другие авторы ориентируются на более сложные трехчленные универсалии. Хотя большинство исследователей признают мысль о том, что «другие системы категоризации не противостоят бинарной, а лишь дополняют ее» [Стефаненко, 2009, с. 46]. Несмотря на различие мнений, не вызывает сомнений, что «свой – чужой» входит в перечень универсальных бинарных противопоставлений, аккумулирующих в себе все многообразие и многовековой опыт жизни человечества. В этой связи культурный статус оппозиции и вызывает необходимость исследования ее языкового воплощения.

Стоит отметить, что отечественные лингвисты начали обращать внимание на эту проблему сравнительно недавно. А.Н. Серебренникова обращается к историографии вопроса и в качестве первого языкового материала, ставшего основой для выявления и описания культурных универсалий, указывает монографию В.Н. Топорова и В.В. Иванова, воссоздавших праславянскую культуру по данным языка. Учеными была отмечена реализация оппозиции «свой – чужой» в трех планах: 1) социальное толкование этой оппозиции, когда «свой» интерпретируется как принадлежащий данной социальной группе, а под чужим понимается все то, что не является символом данной группы, в качестве примера может выступать отношение Перуна как «своего бога» для Владимировой дружины к Велесу; 2) этнический аспект; 3) характеристика человек – не человек, «свой» означает принадлежность к человеческому, а «чужой» – к нечеловеческому, звериному, колдовскому. Исследователи также выявили круг смежных с противопоставлением «свой – чужой» оппозиций (например, «дом» – «лес», «далеко» – «близко», «внутренний» – «внешний» и т.д.) и описали содержание данных понятий. В заключение своего исследования ученые пришли к мысли о доминирующей роли оппозиции «свой» – «чужой» в социальном толковании действительности [Иванов, Топоров, 1974].

1.1.2. Когнитивный подход к исследованию оппозиции «свой – чужой»

Помимо традиционно-лингвистического направления исследования рассматриваемой оппозиции в последнее время актуальным является когнитивный подход, который детализируется в виде двух аспектов анализа: семиотического (объект – культурная оппозиция, структурирующая модель мира) и концептуального (объект – культурно-специфичный ментальный субстрат) [Серебренникова, 2004, с. 18], при этом предпочтение отдается концептуальному рассмотрению противопоставления «свой – чужой» [Выходцева, 2006; Кранышева, 2008; Паршина, 2004; Петрова, 2006; Хагба, 2006].

И.С. Выходцева рассматривает концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре в период 20 – 30-х гг., анализирует репрезентацию концепта в народной культуре (на материале фольклора и древнерусской литературы), где данный концепт проявляется как «дихотомия» («или-или») и предстает в виде непримиримого деления надвое: «да и нет», «свое и чужое»; рассматривает концепт в элитарной культуре (на материале русской классической литературы), где проявляется принцип «дипластии» («и-и»), подразумевающий нетождественность, расширение границ оппозиции: «и да и нет», «и свое и чужое»; а также изучает концепт «свой – чужой» в массовой культуре (на материале нехудожественной и художественной советской словесности), в которой выявляет чередование принципов «дихотомии» и «дипластии». Среди вербальных средств репрезентации концепта автор выделяет такие ключевые слова, как *товарищ* и *враг* [Выходцева, 2006].

Бинарный концепт «свой – чужой» исследует М.Л. Петрова на материале журналистики и литературы России и Франции на рубеже XX-XXI вв. В рамках дискурсов национально-культурных элит России и Франции ученым было проведено кросс-культурное исследование таких аспектов, как: 1) отношение к особенностям городской сферы; 2) восприятие национальных

традиций; 3) интерпретация и оценка внешнего вида; 4) особенности межличностного общения. В результате М.Л. Петрова предложила собственную интеркультурную модель ядра русской и французской национально-культурной концептосфер [Петрова, 2006].

Концепт «свой – чужой» подробно анализируется Л.А. Кранышевой на материале рассказов о войне [Кранышева, 2008]. Автор противопоставляет две лингвокультуры – советскую и культуру инакомыслия, имеющую антисоветский характер. Оппозиция «свой – чужой», которая играет важную роль в формировании ценностной картины мира советского человека, дополняется такими характеристиками обеих лингвокультур, как «старый – новый» и «будущее – прошлое», которые по-разному репрезентируются в выделенных лингвокультурах [Там же].

О.Н. Паршина акцентирует внимание на концепте «чужой» и рассматривает его на примере реализации тактики дистанцирования в политическом дискурсе [Паршина, 2004, с. 85–94] (подробнее о реализации оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе пойдет речь в параграфе 1.4.1. настоящей главы).

Концепт «свой – чужой» анализируется на примере самых разных языков, в частности, исследуются особенности их вербальной репрезентации на материале абхазского и абазинского языков [Хагба, 2006].

Оппозиция «свой – чужой» благодаря ее содержательной многоплановости (участью целого комплекса концептов: «Мир», «Человек», «Время», «Русь, Россия, русские, россияне», «Язык», «Женщина», «Мужчина», «Род», «Дом», «Друг» и т.д.) определяется М.Л. Лаптевой как концептосфера, относящаяся к культурно-значимому фрагменту картины мира, отраженному сознанием [Лаптева, 2013].

На наш взгляд, оппозиция «свой – чужой», как и любой лингвокультурный концепт, в основе которого лежит освоение мира через контрадикторность восприятия бытия и дуальность категоризации окружающей действительности, может трактоваться как концептуальная

диада. Согласно Ю.А. Храмовой, концептуальные диады отражают противоречивые образы, проявляемые в контрадикторности социального положения (богатый – бедный), статусных характеристик (начальник – подчиненный), качеств личности (добрый – злой) и т.п., базирующиеся на столкновении общественных и индивидуальных интересов, противопоставлении эмоционального и рационального начал и т.д. [Храмова, 2010]. Концептуальная диада «свой – чужой», как уже упоминалось, основывается на бинарности как принципе оценочной квалификации мира, что выражается в амбивалентной оценке. Исходя из определения концептуальной диады как единства, образуемого двумя отдельными членами, в частности, концептами «свой» и «чужой», представляется логичным под концептуальной диадой «свой – чужой» понимать единство, образуемое двумя концептами, т.е. сумму концепта «свой» и концепта «чужой», подразумевающую не столько жесткую оппозицию между его компонентами, а отношения иного порядка – пересечение, симметрию, гармонию и взаимодействие.

1.1.3. Исследование оппозиции «свой - чужой» как коммуникативной категории

Во всех проанализированных нами исследованиях, посвященных интересующей нас проблеме, не подвергается сомнению категориальный статус оппозиции «свой – чужой», в лингвистических изысканиях внимание ученых сосредоточено на рассмотрении категорий «свойственность» и «чуждость» [Серебренникова, 2004]. Бинарная природа оппозиции «свой – чужой» обуславливает её категоризирующую функцию. Другими словами, «свой» – «чужой» – это пара взаимоисключающих означающих, которые являются логически противоположными и которые совместно определяют универсум дискурса, в парадигмальном множестве представляющих собой категорию. В силу своих потенций данное противопоставление обладает

способностью классифицировать (уточнять, типизировать и иерархически выстраивать) все многообразие явлений экстралингвистического и языкового порядка; быть основанием для характеристики предмета, вещества, природного или культурного явления – всего, что составляет картину мира» [Серебренникова, 2004, с. 19–20]. Способность категоризовать – это то, что позволяет использовать предшествующий опыт и интерпретировать новый.

Сегодня в науке имеется несколько классификаций категорий, например: 1) типология на основе отношения к лингвистическому и экстралингвистическому фактору (когнитивные, понятийные и семантические категории); 2) типология на основании принадлежности всему человеческому обществу или только научному сообществу (повседневные и научные категории); 3) типология Дж. Лакоффа, нацеленная на внутрикатегориальные структурные отношения (классические, радиальные и градуированные категории) [Матвеева, 2011, с. 63–65].

В качестве категории оппозиция «свой – чужой» рассматривалась в ряде работ с различных точек зрения и на различном языковом, дискурсивном материале: А.Ю. Скрыльникова изучает категориальную и лингвокультурологическую сущность чуждости в русском языке [Скрыльникова, 2008]; Е.В. Кишина анализирует категорию «свойственность – чуждость» в политическом дискурсе [Кишина, 2006]; М.Н. Петроченко описывает категорию «свой – чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах. По замечанию автора, различные науки, в той или иной степени обращенные к человеку, его сознанию, поведению, рано или поздно сталкиваются с категорией «свойственности / чуждости» как одной из наиболее значимых категорий сознания [Петроченко, 2005, с. 15].

А.А. Матвеева категорию «свой – чужой» рассматривает сквозь призму оценочной параметризации, выделяя оппозиции положительной и отрицательной, эксплицитной и имплицитной, абсолютной и сравнительной, субъективной и объективной, рациональной и эмоциональной, общей и частной оценки [Матвеева, 2011].

А.Б. Пеньковским представлено изучение чуждости как семантической категории [Пеньковский, 1989]. Автор полагает, что сущностное отличие категории «чуждости» от «свойственности» заключается в недискретном характере «чужого». В качестве основы пейоративного отчуждения автором обозначаются гиперболизация и генерализирующее обобщение, сущность последнего заключается в том, что коммуникант, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела, исключая объект из своего культурного и / или аксиологического мира, и, соответственно начинает отчуждать его и характеризовать как элемент другой, чужой и враждебной ему культуры [Там же, с. 54–82].

Рассматривая категорию «свойственности», Р.Н. Порядина приходит к выводу о том, что данная категория распадается на три взаимосвязанные зоны: «близкий к «Я», «необходимый для существования «Я» и «требующий участия «Я». К ядерным средствам выражения категории «свойственность» ученый относит лексические единицы, обозначающие наименования субъекта речи, ребенка, родственников, божеств, домашних животных, частей тела, природных явлений и космических объектов [Порядина, 2002, с. 78].

Е.П. Захарова рассматривает категорию «чуждость» через призму проблем речевого общения. Согласимся с мнением исследователя, что данная категория затрагивает практически все стороны речевой коммуникации, проявляется на всех ее уровнях, реализуется в пределах внутритекстовой организации и в коммуникативной структуре дискурса в целом. Она носит статус обязательной коммуникативной категории и выполняет важную структурно-образующую и информативно организующую роль в высказывании [Захарова, 1998, с. 87–94].

Нам представляется логичным рассматривать оппозицию «свой – чужой» как основу формирования коммуникативных категорий чуждости / свойственности.

Заметим, что в самом общем виде коммуникативная категория определяется как «единство структурно-организованного коммуникативно значимого содержания и комплекса лингвистических и паралингвистических средств его выражения» [Панченко, 2010, с. 23]. Важным нам видится замечание Е.И. Шейгал, считающей, что коммуникативные категории определяют прагматику дискурса, «т.е. способ общения в широком смысле, организацию общения, характер его протекания» [Шейгал, 2006, с. 37].

По мнению Е.И. Шейгал, коммуникативные категории носят объективный характер и проявляются в дискурсе независимо от нашего знания об общении (осознания их наличия), реализуются имплицитно, не вербализуясь эксплицитно, в отличие от концепта, но, проявляясь в дискурсе, определяют характер и прагматику дискурса, принципы его организации [Там же].

Согласно Е.П. Захаровой, коммуникативные категории противопоставлены языковым (связанным только с языком), функционально стилевым (проявляющимся в определенном стиле общения), риторическим (связанным с намеренным обучением) категориям [Захарова, 2000]. По мнению автора, коммуникативная категория чуждости, наряду с тональностью и неопределенностью, является обязательной, определяющей процесс речевого общения, предстает как категория оппозитивного типа с устройством в виде жесткой оппозиции свой / чужой [Там же].

Важным нам представляется тезис, что коммуникативная категория чуждости оказывает существенное воздействие на формирование коммуникативной структуры речевого дискурса и определяет характер протекания речевого общения и связана, прежде всего, с выбором коммуникативной стратегии и тактики речевого поведения [Захарова, 2000].

Соглашаясь с автором, что коммуникативная категория чуждости является обязательной для любого коммуникативного процесса, имеет структуру в виде оппозиции «свой – чужой», подчеркнем, что вопрос о месте

данной категории в системе других коммуникативных категорий является достаточно спорным и требует самостоятельного изучения.

Рассмотрев противопоставление «свой – чужой» с трёх основных исследовательских позиций, мы обнаружили, что среди всего разнообразия взглядов ученых красной нитью проходит мысль о том, что членение мира на своих и чужих базируется на принципе бинаризма. Более того, бинарная природа исследуемой оппозиции, объясняет категоризирующую деятельность человека и служит базой для формирования интересующей нас коммуникативной категории чуждости.

Далее обратимся к анализу множественности взглядов исследователей на оппозицию «свой – чужой».

1.2. «Свой – чужой» в системе гуманитарного знания

Оппозиция «свой – чужой» привлекает внимание социологов, философов, психологов и лингвистов. В данной части исследования рассмотрим особенности проявления оппозиции «свой – чужой» в различных гуманитарных парадигмах.

В биологии утверждается, что распознавание своего и чужого осуществляется, начиная с клеточного уровня у любого живого существа от самого примитивного до высокоразвитого [Лоренс, 2001; Полетаев, 2008; Чайковский, 2009]. Человек наследует многие поведенческие стереотипы и модели поведения из животного мира. Однако нас в большей степени интересует специфика реализации данной оппозиции в гуманитарных науках, далее обратимся к рассмотрению оппозиции «свой – чужой» в философском, социопсихологическом и лингвокультурологическом аспектах.

1.2.1. «Свой – чужой»: философский аспект

Представление об общем родовом понятии членов оппозиции отражено еще в античной философии. Так, Аристотель писал: «благу необходимо противоположно зло. Это показывает наведение в каждом отдельном случае; например, здоровью противоположна болезнь, мужеству – трусость, и одинаково в других случаях ... с другой стороны», отмечает мыслитель, «все противоположности необходимо принадлежат к одному и тому же роду, либо к противоположным родам, или же они сами роды. В самом деле, белое и черное принадлежат к одному и тому же роду (ведь их род – цвет), справедливость и несправедливость – к противоположным родам (ведь для первой род – добродетель, для второй – порок), благо же и зло не принадлежат к какому-либо роду, а сами оказываются родами для другого [Аристотель, www]. Философ делает акцент на обязательном существовании оппозиций в жизни человека и указывает на их взаимозависимость.

Длительная история исследования оппозиции «свой – чужой» объясняет ее способность отражать особенность архаического сознания подмечать существующие в мире объективные противоположности. Свою концепцию структуры коллективных представлений предлагает В.Б. Иорданский, согласно которому для древнего сознания характерна дуалистичность, отражающая двойственность и «извечную конфликтность» реальности. «Эта дуалистичность расщепляла отдельные коллективные представления, в структуре которых оказывалась запечатлена прирожденная дихотомия вселенной. Окружающий микрокосмос раскрывался перед обществом как единство противоположностей, но эти противоположности, хотя и не всегда, были иллюзорны, фантастичны, несли смысл, который не вытекал из их сущности, а обуславливался воздействием мифа на общественное сознание» [Иорданский, 1982, с. 27]. В результате, считает автор, сознание древнего человека выработало систему внутренней организации окружающего мира, представляющую собой «упорядоченную

сеть дуалистических представлений», сформированную по принципу двоичности [Приводится по: Балясникова, 2003, с. 31].

Исследователи отмечают, что становление «мы-сознания» происходило в рамках одновременно предполагающего противопоставления реальным или представляемым «они», когда болезни, смерть и другие беды приписывались «колдовству людей чужого племени, чужой общины. Чаще всего подозрение падало не на определенное лицо, а вообще на чужую группу» [Поршнеv, 1979, с. 99]. Следовательно, источником формирования оппозиции «свой – чужой» является дуальность восприятия, с одной стороны, и, с другой, свойственное архаическому сознанию «состояние собственного имени», вытекающее из синкретизма мышления и заключающееся в интеграции действия с его носителем [Балясникова, 2003, с. 36].

В домарксистской философии учение о противоположности также становилось одним из приоритетных и нашло наиболее полное воплощение в философской системе Г.В.Ф. Гегеля, который рассматривал противоположность как «единство тождества и разности». Для раскрытия сущности противоположных понятий значительным является осмысление Гегелем каждой противоположности не как абстрактной тождественности самой себе, а как внутреннего отрицания друг друга в себе, как собственной внутренней противоположности. Таким образом, по Гегелю, противоположности обладают свойством уравнивать друг друга, обнаруживая симметричность: противоположности «снимают себя в своем соотношении, так что результат равен нулю...» [Гегель, www].

В марксистско-ленинской философии различаются два вида противоположностей: 1) противоположность внутри одной сущности (например, север / юг-полюс) и 2) противоположность между двумя сущностями (полюс-не полюс) [Новиков, 2001, с. 44]. В.И. Ленин, вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом, указывает на наличие противоположных, взаимоисключающих тенденций во всех явлениях действительности и раскрывает сущность диалектического закона единства и борьбы

противоположностей [Приводится по: Лунцова, 2008, с. 27–28]. Данный закон толкует всякую целостность как сложную, расчлененную систему, заключающую в себе элементы или тенденции, непосредственно друг с другом несовместимые, и снимает притязание на окончательность со всякой ограниченной формы существования в природе и обществе. При этом он ориентирует на раскрытие преходящего характера таких форм, их переходов в более высокие и развитые формы по мере исчерпания ими своих возможностей [ФЭ, www].

В неклассической философии XX века, особенно во второй его половине, проблема Другого и его отношений также рассматривается как значимая в самых разных направлениях исследований. В экзистенциализме, философии диалога, философской герменевтике, лингвистической философии устойчивым мотивом является признание изначально коммуникативной природы бытия, понимание Другого как решающего фактора установления бытия Я: фундаментальной фигуры, единственно представляющей возможность конституировать определенность человеческого сознания. Проблема отношения к Другому изучалась и в постклассических философских концепциях, в целом оставаясь созвучной идеям диалогизма.

М. Хайдеггер, описывая «бытие в мире» в своей фундаментальной онтологии, подчеркивает изначально погруженность человеческого существования в событийность – совместный мир, в котором «бытие в» есть «событие с другими» [Приводится по: Ковалева, www]. В герменевтике Г.Г. Гадамера модели понимания выстраиваются по аналогии с моделями коммуникативных отношений «Я – ТЫ» [Там же]. В философии диалога М. Бубера принципиальным является отстаивание приоритета в человеческом мире отношений «Я – ТЫ» в сравнении с отношениями «Я – ОНО» [Там же]. Обусловленность Я Другим, учет инаковости Другого в пространстве диалога становятся центральными темами при разработке Э. Левинасом этической концепции подлинных отношений. В современном

постмодернистском дискурсе фигура Другого рассматривается как возможность для децентрированного субъекта, «фрагментарного человека (Ж. Деррида) быть вновь собранным, в связи с чем на первый план выходит проблема критериев подлинности коммуникации. Анализ современной культуры Ж. Бодрийяром, например, не в последнюю очередь связан с жесткой критикой мира симуляции, уничтожающим Другого, заменяющим его тем же самым клоном, т.е. симулякром Другого [Там же].

Для развития современной философии значимую роль играет анализ социокультурной жизни именно как системы смыслов, пространства смысловых оппозиций и прежде всего бинарных оппозиций. Целая плеяда современных исследователей (А.С. Ахиезер, С.В. Бородавкин, В.Б. Иорданский, А.А. Пелипенко, Т.Г. Стефаненко, И.Г. Яковенко) рассматривает бинарность в широком смысле как универсальный код описания мира в целом и в любой его подсистеме, как важнейший организующий механизм любой структуры. Более того, данное понимание позволяет построить и высказать эвристически значимые соображения относительно дуального и триарнопольного характера мышления человека, инверсии и медиации как механизмов преодоления конкретных форм дуальности, смыслопорождения и становления ее новых форм. То, что противостояние «свой – чужой» универсально и проникает в самые разные сферы социокультурной жизни, доказывают события современного мира. К примеру, в течение всего XX века мир был расколот на «своих» и «чужих» по идеологическим причинам, в нем чуждыми друг другу были представители социалистических стран, с одной стороны, и буржуазных – с другой. В наши дни полоса отчуждения пролегает между «золотым миллиардом» и всем остальным человечеством, по-прежнему между богатыми и бедными, между интеллектуалами и «массовым человеком» [Илиополова, 2010].

Однако столь пристальное внимание к бинарности является не единственным универсальным принципом категоризации в современной

философии, и некоторые ученые, наряду с бинарностью, выделяют однополюсные смысловые конструкты, либо рассматривают бинарность как составную часть трехчленной классификации. Идею существования «междусферы» выдвинул немецкий философ Б. Вальденфельс, который утверждал, что имеется некий зазор, «трещина» между «своим» и «чужим», и говорил об априорной невозможности ее заполнения [Ковалева, www]. Эта принципиальная недоступность «чужого» выступает как креативная возможность самоидентификации и саморазвития. Отсутствие, неопределенность «чужого определяются не как явления недостаточности, а как конститутивные составляющие части опыта. «Свое» конституируется только в пространстве ответа на притязания «чужого». «Свое» и «чужое» конституируются одновременно, а значит «свое» невозможно без «чужого». При этом границы между ними изменчивы и подвижны. «Свое» и «чужое» переходят друг в друга в форме взаимозависимого переплетения [Там же].

Представляется правомерной точка зрения, что, несмотря на важную роль бинарности как структурообразующего принципа мышления и бытия человека, современное быстроменяющееся и быстроразвивающееся общество не может ограничиться лишь четко очерченными бинарными оппозициями. Данный тезис объясняет существование выделенных дополнительных актуальных сегодня смыслов, таких как «свой среди своих», «свой среди чужих», «чужой среди своих», «чужой среди чужих», которые, на наш взгляд, являются результатом развития и модификации базовых бинарных смыслов «свой – чужой» [Красных, 2003].

Таким образом, разнообразие взглядов в их исторической ретроспективе подчеркивает неугасаемый интерес к данной оппозиции, демонстрирует, что в основе мироздания лежит закон единства и борьбы противоположностей, актуализацию которого можно наблюдать во всех социальных полях.

1.2.2. «Свой – чужой»: социопсихологический аспект

Оппозиция «свой – чужой» вполне закономерно исследуется в психологии и социологии, при этом актуальность социопсихологических изысканий по проблеме обусловлена активным ритмом жизни в современном мире, в условиях социальной и личностной интеграции, в мире, где основными требованиями становятся умение жить в этнически диверсифицированном обществе, избегать межнациональных конфликтов и находить взаимопонимание между народами. Иными словами, с точки зрения психологии оппозиция «свой – чужой» связана с понятиями идентификации и идентичности. Под «идентичностью», вслед за Э. Эриксеном, понимается некоторое состояние самоотождествления, а «идентификация» представляет собой совокупность процессов и механизмов, ведущих к достижению этого состояния [Микляева, Румянцева, www].

Заметим, что понятие идентификации может быть рассмотрено в двух аспектах – не только как соотношение «Я-группа», но и соотношение «Я-внутреннее – Я-внешнее». Последнее раскрывается в диалектике «Я» и маски. Речь, таким образом, идет о соотношении Я-истинного и Я-презентируемого адресату / внешнему миру, т.е. некой социальной маски. Маска – это не «Я», а нечто, не имеющее ко мне отношения. Маску надевают, чтобы скрыться от соображений престижа, социальных условностей и обязанности соответствовать ожиданиям окружающих, она помогает обрести анонимность и присвоить себе чужое / не свое обличье [ЭК, www].

Еще одним видом идентификации, также соотносимым с рассматриваемой оппозицией, является социальная идентификация, под которой понимают признание за людьми принадлежности к конкретной группе со стороны внешнего окружения [ЭС, www]. Особенно ярко оно проявляет себя в переломные моменты индивидуальной или социальной жизни, к примеру, смена спутника жизни, профессии, места жительства и пр.

[Иванова, 2012, с. 19]. Под термином «самоидентификация» понимают осознание человеком своего членства в группе через опознание «своих» и «чужих». Достижение личностью состояния самоидентичности рассматривается в качестве одной из самых значимых психологических проблем, т.к. при этом субъекту следует примирить тождественность и непрерывность своего Я, с одной стороны, и те изменения, которые происходят с ним в процессе роста и развития – с другой [Там же, с. 28].

Современные ученые все чаще акцентируют внимание на том, что идентификация выступает важным защитным механизмом психики человека, являющимся одним из основных аспектов при формировании социальной идентичности, интерес к которой обусловлен многими жизненными процессами современного мира. В качестве примера укажем усиление миграции, мобильности (развитие международного бизнеса, туризм, торговля), расширение делового и межкультурного взаимодействия, развитие новых видов коммуникации и т.д. [Заковоротная, 1999].

Три основных подхода к определению идентичности выделяет О.А. Леонтович, а именно, социопсихологический, коммуникативный и критический [Леонтович, 2003, с. 160]. В результате автор резюмирует, что ядром культурной идентичности является «образ самого себя, слитый с культурой, в целостном восприятии действительности индивидом» [Там же] и подчеркивает, что личность использует себя и свое культурное окружение как стандарт для сравнения. Отношение к себе становится критерием личностной идентификации того, что называется «древним этноцентрическим импульсом человечества», выполняющим базовую функцию выживания [Леонтович, 2003, с. 164].

Для современного человека характерен кризис идентичности, который актуализирует градацию «свой – чужой» внутри самого человека, несовпадение внутреннего мироощущения и внешних условий заведомо создает конфликтные установки, чреватые коммуникативными сбоями. Нельзя не согласиться с А.А. Шестаковым, который отмечает, что

«дисгармония между «Я – концепцией» и «социальным Я» выступает одной из самых распространенных причин кризиса идентичности» [Шестаков, www]. Еще одной причиной таких сбоев выступает зависимость современного человека от СМИ и виртуального мира. Иллюзии виртуального мира, сила которых довольно велика, совершенно не находят откликов в мире реальном. В связи с этим выделяют новый вид идентичности, «сетевую» идентичность, которая формирует особый тип личности, на наш взгляд, безликую личность, целостность которой складывается лишь в условиях сетевой коммуникации. «Сетевая среда насыщена произведениями и их авторами, большинство из которых имеет множество имен, рассеянных в просторах сети, и они не могут собрать из всех воедино и сказать «это – я» [Александров, Лукьянов, 2012, с. 258].

Размышляя о построении идентичности, Л. Свендсен отмечает, что «самоидентификация – это совсем не predetermined, неизменная величина, главная особенность современности состоит в том, что индивиды в значительной степени должны создавать собственные повествования о самих себе, поскольку коллективное повествование уже не имеет большого значения» [Свендсен, 2004]. Согласно американскому востоковеду и психиатру Р.Д. Лифтону, складывающаяся современная ситуация предопределила формирование так называемой «протеевской идентичности», включающей изменчивость и многообразие Я [Lifton, 1993, p. 11–12].

Соглашаясь в целом с тем, что процесс глобализации оказывает влияние на современное общество, на взаимоотношения между людьми и на их отношение к самим себе, мы, тем не менее, склонны считать, что следование этой логике означало бы полный отказ от национальной и культурной специфики, следствием чего явилось бы абсолютное стирание границ и обезличивание национальных культур. Тогда как участвовавшие в последнее время столкновения и активная борьба многих современных народов за культурную и политическую независимость, особенно на Востоке, убеждают нас в обратном. Подтверждением служат аргументы

А.В. Шпилова: «каждый из двух соседних городов становится недоброжелательным соперником другого. Родственные, близкие между собой народные ветви отталкиваются друг от друга: южный немец не выносит северянина, англичанин клеветет на шотландца, испанец презирает португальца» и т.д. [Шпилов, 2008, с. 134].

Так как при неопределенной идентичности человек не ощущает себя субъектом построения идентичности, то он старается избежать такого состояния «безместности» и присоединиться к какой-либо группе, принимая ее нормы и установки, входя в систему различения «своих» и «чужих». Прибегая к негативной идентификации, т.е. отрицанию каких-либо качеств или ценностей, персонифицирующих все, что непримиримо для членов данной группы, человек начинает конструировать негативную идентичность. И, прежде всего, это находит свое выражение в образе врага, когда весь мир разделяется на «наших» и «не-наших», причем все собственные беды и неудачи демонстрируются как результат происков внешних и внутренних врагов.

Впервые стройная система психологических взглядов на область межгрупповых отношений была выдвинута сторонником мотивационного подхода З. Фрейдом, который отмечает, что феномен межгрупповой агрессивности, способствующей внутренней сплоченности группы и дискриминации других, способен трактоваться разными способами, однако в целом механизмы аутгрупповой агрессии могут быть выведены как прямые следствия эдипова комплекса [Фромм, www]. Как известно, эти отношения характеризуются одновременно и любовью и ненавистью по отношению к отцу, которому стремятся подражать, но который в то же время является объектом соперничества и агрессии. Амбивалентность эмоциональных отношений раннего детства переносится на социальное взаимодействие: любовь к отцу трансформируется в идентификацию с лидером группы, а также с членами группы, имеющими аналогичную идентификацию. Или другие ситуации, когда мужчины, сильно любившие своих матерей в своей

взрослой жизни ищут себе партнершу, примеряя на нее образ матери и сравнивая ее с ней. Враждебность же и агрессия переносятся на представителей аутгруппы или отдельных ее представителей [Агеев, 1990, с. 6–9].

Согласно представлениям бихевиористов, агрессия является врожденным свойством человека как биологического существа [Skinner, 1971]. Согласно данной позиции, каждому человеку присущ эгоцентризм, заключающийся в противопоставлении себя всем остальным, и это противопоставление характеризуется определенной долей враждебности. Поэтому межгрупповые отношения становятся возможными в результате перехода от эгоцентризма к группоцентризму, что происходит благодаря «проекции своего эгоцентризма и положительной самооценки на ту группу, членом которой оказался индивид» [Налчаджян, 2004, с. 285]. Более того, в этом заключается насущная потребность индивида, психическое здоровье которого напрямую зависит от необходимости единства с другими живыми существами. Невозможность же достижения единения с другим человеком приводит к безумию и разрушению, самоуничтожению или уничтожению других [Корчак, 2006, с. 105].

В исследованиях Э. Фромма [Фромм, www] также говорится, что «для среднего человека нет ничего тяжелее, чем чувствовать себя одиноким, не принадлежащим ни к какой большой группе, пытаюсь же избежать одиночества и достигнуть позитивного самоощущения за счет такой групповой идентификации, он сообщает группе собственную нарциссичность, завистливость, мстительность и подобные черты характера, так что индивидуальный нарциссизм становится групповым и действует схема «МЫ» достойны восхищения – «ОНИ» достойны презрения, «МЫ» добры – «ОНИ» злы». Более того, человеческое существо, по Э. Фромму, заключается в «выброшенности» из природы, что порождает чувство одиночества [Там же]. Мы понимаем, что поведение индивида организуется посредством норм группы, границы которой определяются не территорией и

не формальным членством в ней, а пределами фиктивных коммуникаций, т.е. члены социальных полей контактируют преимущественно с членами своего поля. Соответственно, люди из внешнего поля кажутся им, по меньшей мере, странными, а зачастую они вообще их не воспринимают. Мы, вслед за А.С. Корчаком [Корчак, 2006], считаем, что именно моральное, а не физическое одиночество может привести к психическому расстройству или даже самоубийству. Более того, вполне логично, что такая сильная необходимость во внутригрупповой коммуникации усиливает внутреннюю кооперацию и внешнюю изоляцию группы: группа вырабатывает свой собственный условный язык, системы действий и руководящие ими нормы.

По мнению М. Шерифа, источник межгрупповой враждебности или сотрудничества следует начинать искать в характеристиках самого межгруппового взаимодействия, главным условием конфликта которого выступает столкновение интересов [Приводится по: Шипилов, 2008]. Заметим, что прямая зависимость межгрупповой враждебности от исключительно внешних факторов была опровергнута представителями когнитивистского направления в психологии, которые утверждали, что в межгрупповой дискриминации участвуют лишь чисто когнитивные процессы. Согласно теории социальной идентичности когнитивиста Г. Тэджфела [Приводится по: Шипилов, 2008], оценивая свою группу, индивид сопоставляет ее с другими, сравнивая ценностно-значимые качества и характеристики, при этом положительное отличие своей группы от других порождает повышенный престиж, а отрицательное – пониженный; желая повысить положительную самооценку, члены группы тем самым стремятся к демонстрации достоинств своей группы, что порождает внутренний фаворитизм и внешнюю дискриминацию. По словам когнитивистов, группа – это «совокупность индивидов, которые воспринимают себя как членов одной и той же социальной категории, разделяют эмоциональные последствия этого самоопределения и достигают некоторой степени согласованности в оценке группы и их членства в ней» [Агеев, 1990, с. 23].

Таким образом, с точки зрения когнитивной психологии формирование группы имеет место там, где два или более человека начинают воспринимать и определять себя с позиции ингрупповой – аутгрупповой категоризации.

Человек, утративший индивидуальность, становится более восприимчивым к чужому мнению, он не имеет своей ярко выраженной позиции и зачастую лишь бездумно воспринимает навязанные ему образцы и тенденции. В результате люди, неуверенно чувствующие себя в изменяющемся мире, видят способ преодоления своей неопределенности и безместности во вхождении в группу с четкими и ясными границами, которая способствует укреплению их идентичности. Индивид ищет свое «Я» и почти всегда находит его в каком-нибудь своем социальном поле.

На наш взгляд, сценарий развития отношений оппозиции «свой – чужой» зависит от многих условий: а) может пойти по пути враждебного восприятия чужого – «чужое» интерпретируется как несущее потенциальную угрозу, и в этом случае мы полагаем, что актуализируются такие смыслы, как «свой среди чужих» и «чужой среди чужих»; б) во взаимодействии своего и чужого появляется некий зазор, и оппозиция «свой – чужой» трансформируется в оппозицию «свой – другой», где «чужое» воспринимается как нечто «иное», т.е. не несущее потенциальной опасности, а иногда даже «другой» начинает трансформироваться в «свой» и положительно приниматься представителями всего социального поля, в таких ситуациях проявляется смысл «свой среди своих» или «свой среди чужих». Помимо этого возможен еще один, третий вариант, а именно нейтральные отношения, не имеющие ни положительного, ни отрицательного маркера. Такой вид отношений между членами оппозиции присущ развитым обществам, в которых человек может присутствовать одновременно в нескольких социальных мирах, быть подключенным к разным каналам коммуникации, вследствие чего его восприятие «других» становится более толерантным.

Итак, анализ социопсихологического аспекта диады «свой – чужой» показал, что данная диада связана с проблемой межгрупповых отношений, с вопросом (само-) идентификации и идентичности, с феноменом внутренней кооперации, с понятиями межгрупповой враждебности и внутригрупповыми и внешними конфликтами.

1.2.3. «Свой – чужой»: лингвокультурологический аспект

В современной научной парадигме широко представлен лингвокультурологический подход к описанию оппозиции «свой – чужой», соотнесенный с исследованиями духовной сферы человечества, реконструкцией по данным языка архаической праславянской модели мира, выявлением и описанием лингвокультурем, констант русской культуры, ее ценностными ориентирами [Воробьев, 1997; Иванов, Топоров, 1974; Маслова, 2001; Степанов, 2004; Цивьян, 1990 и др.].

Разделение общностей, членами которых люди воспринимают себя («мы») и тех, которых они не воспринимают своими («они»), восходит к самым истокам становления человечества как социальной общности. Древнейшая система категоризации на «мы» и «они», связанная с зарождением процессов идентификации, подразумевающих, как мы установили, причисление себя к определенной группе, социуму, неразрывно связана в архаичном мышлении человека с другим процессом – дифференциацией (отделением, отъединением себя от чужого социума) [Дмитрюк, Кадеева, 2000, с. 112]. Речь, таким образом, в данном параграфе пойдет об оппозиции «свой – чужой» как культурной универсалии, имеющей архетипическое проявление.

По замечанию Ю.С. Степанова, противопоставление «свои» и «чужие» в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения [Степанов, 2004, с. 126].

Более того, данная оппозиция является базовой в понимании основных функций культуры, о которых пишет В.В. Красных, а именно конгломерирующая (объединяющая «своих»), дифференцирующая (отгораживающая «своих» от «иных – других – чужих»), идентифицирующая (устанавливающая принадлежность кого-либо или чего-либо данному сообществу; например, либо «я / ты, свой, это наше», либо «я / ты иной / другой / чужой, это не наше») [Красных, 2012, с. 268].

Анализируя проблему своего и чужого под углом зрения культурологии, следует отметить, что существует два толкования происхождения этого бинарного комплекса: с одной стороны, ряд ученых утверждает, что оппозиция «свой – чужой» берет свое начало в природе и априори является характеристикой любого сообщества. Другая группа исследователей [Пелипенко, Яковенко, 1998] полагает, что данная оппозиция не берет своего начала в природе, а появляется только в момент противопоставления человека и природы.

Идею природного начала оппозиции «свой – чужой» мы наблюдаем в работах Ю.С. Степанова, который утверждает, что «нет резкой границы, разрыва и обрыва между животным и человеческим мирами» [Степанов, 2004]. Исследуемое нами противопоставление, по мнению Ю.С. Степанова, уходит корнями в глубокие принципы организации дочеловеческого, животного мира и присоединятся к теории К. Лоренца [Лоренц, 2001].

А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко, напротив, связывают биполярную оппозицию «свой – чужой» с культурогенезом и выдвигают идею о первоначальном отсутствии вычленения, которое происходит значительно позже в виде «вычленения субъективного Я» и является причиной «частичного выпадения человека из континуальных структур природных космо- и биоритмов», что ведет к появлению мощнейшего импульса отчуждения. «Вынужденное инополагание спонтанного экзистенциального переживания внешнему миру» способствует образованию «самостности», которая стала одной из сторон первичной метаоппозиции «Я – другое» и ее

производных «внешнее – внутреннее», «свое – чужое» [Пелипенко, Яковенко, 1998, с. 31].

В итоге, мы приходим к выводу, что обе данные теории не противоречат друг другу, а подчеркивают естественный ход обыденного сознания, в рамках которого «чужое» предстает странным, неестественным, отклонением от единственно правильного образа жизни, свойственного собственной культуре [Выготский, 1982, с. 135].

Согласно принципу культурного релятивизма, культурные феномены должны пониматься и оцениваться в терминах той культуры, в которой они существуют [Уфимцева, 2012, с. 74]. Помимо этого, данный принцип подразумевает разделение культур на «свои» и «чужие», с целью избегания субъективной оценки своей культуры.

А дихотомическое отношение «мы – они» в целом, по мнению А.П. Садохина, представляется главным условием существования этничности. Если такого отношения не существует, тогда нет смысла говорить об этничности как таковой, поскольку она предполагает отношения между группами, члены которых, различают друг друга по каким-либо культурным характеристикам [Садохин, 2003, с. 87]. В качестве основных факторов этничности в этнографических исследованиях называются: язык и языковое сознание, культура, религия, место рождения, представление об общности исторического прошлого.

Структурирование мира вокруг человека и определение его возможностей и условий действия является функцией этнической культуры, благодаря которой у человека формируется свое представление и понятие о мире и происходящих событиях этого мира или, другими словами, «этническую картину мира», под которой С.В. Лурье понимает некоторое связанное представление о бытии, присущее членам данного общества. Известно также, что оппозиция «свой – чужой» лежит в основе формирования этнических стереотипов, которые оказывают непосредственное влияние на этнические симпатии-антипатии, на

национальные установки и определяют характер межэтнического взаимодействия [Уфимцева, 2012, с. 74]. Таким образом, этнический стереотип поведения – это то главное, что определяет этнос, и этнический стереотип поведения при культурологическом подходе следует брать за основу научного исследования явления «свои» в противопоставлении «чужие».

Итак, оппозиция «свой – чужой» относится к базовым оппозициям языковой картины мира, дифференциация мира на «свой» и «чужой» охватывает все области человеческой деятельности. Архаическое осмысление оппозиции «свой – чужой», обуславливающее ее аксиологическую направленность, универсальный характер данного противопоставления, бытующего в наивном сознании, мотивирует отражение данной оппозиции в языке, в его системе, а также широкую экспликацию в дискурсе. Обратимся далее к рассмотрению репрезентации данной оппозиции на уровне языка.

1.3. Языковые средства репрезентации оппозиции «свой – чужой»

Рассмотрение оппозиции «свой – чужой» в рамках лингвистической парадигмы вовлекает в свою орбиту исследование языковых средств, которые ее объективируют. Стоит отметить, что данные языковые средства не раз становились объектом изучения и классификации [Аншакова, 2004; Кишина, 2006; Лаптева, 2013; Пеньковский, 1989; Петроченко, 2005; Порядина, 2002; Резанова, 1996; Сахно, 1991; Серебренникова, 2004, Скрыльникова, 2008 и мн. др.]. Задачей данного параграфа является систематизация типологий, выделенных в многочисленных исследованиях, с тем, чтобы составить наиболее полное представление по интересующему нас вопросу.

Нами обнаружены несколько подходов к систематизации средств, объективирующих интересующую нас оппозицию. Начнем с подхода,

который предложила М.Н. Петроченко [2005], исследователь выделяет две группы средств вербализации оппозиции «свой – чужой»: синтагматические (семантика раскрывается по ходу разворачивания текста) и парадигматические (предполагающие наличие семантики «свойственности» или «чуждости» в качестве культурного компонента у лексической единицы).

На две группы – внутрисловные и контекстные – дифференцирует языковые средства репрезентации оппозиции «свой – чужой» А.Н. Серебренникова [Серебренникова, 2004]. В рамках политического дискурса свой подход к классификации языковых средств предлагают Е.И. Шейгал и О.Л. Михалёва. Согласно Е.И. Шейгал, различаются эксплицитные и имплицитные способы репрезентации данного противопоставления, при этом имплицитные способы включают в себя использование специальных маркеров, идеологической коннотации политических терминов, подбор тональности дискурса, подчеркнутой этикетности или антиэтикетности, а также целенаправленный подбор положительно или отрицательно оценочной лексики [Шейгал, 2000]. О.Л. Михалёва ранжирует все языковые средства по уровням языка, а именно выделяет языковые средства лексического, морфологического и синтаксического уровня [Михалёва, 2004].

Р.Н. Порядина, изучая категорию «свойственности» и средства ее репрезентации, предлагает градацию внутри данной категории, а к прототипам этой категории относит семантическую, грамматическую и лексическую области. Такие субъекты речи, как ребенок, родственники, божество, домашние животные, части тела, природные явления и космические объекты создают денотативную основу категории и входят в лексический минимум языка. Семантическую область категории «свойственность» ученый делит на три взаимосвязанных зоны: ‘близкий к «Я»’, ‘необходимый для существования «Я»’, ‘требующий участия «Я»’. В первую зону входят семы *родной, близкий по родству, близкий по духу, свой, ребенок, любимый*; во вторую входят семы *родитель, дающий жизнь,*

дающий блага, заботящийся и, как следствие, *вызывающий благодарность*; в третью зону включены семьи *маленький, детеныш, нуждающийся в заботе, являющийся результатом труда*. В грамматической области производится отбор языковых средств на разных грамматических уровнях, а именно, на словообразовательном, лексическом, грамматическом и синтаксическом [Порядина, 2002, с. 78–79]. Не оспаривая уже существующие типологии, мы, вслед за О.Л. Михалёвой и Р.Н. Порядиной, намерены классифицировать средства экспликации оппозиции «свой – чужой» согласно уровням языковой системы.

Переходя непосредственно к классификации, следует указать, что к ядерным средствам выражения оппозиции «свой – чужой» относятся единицы лексического уровня и в первую очередь лексемы *свой* и *чужой*. Ближе к периферии располагаются словообразовательные, синтаксические средства. Их выбор, как правило, варьируется в зависимости от жанрообразующих особенностей и типов коммуникации. Поэтому целесообразно будет начать с краткого обзора этимологии лексем *свой*, *чужой*, которая расширяет знание об их концептуальной структуре и помогает раскрыть и понять смыслы, заложенные в данные единицы историческим развитием языка.

Э. Бенвенист заключил, что по данным анализа индоевропейских лексических единиц понятие «свой» изначально является проявлением идеи кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которой человек осознает свой социальный статус как «свободный от рождения, свободный по рождению» и противопоставляет себя «другим» – «чужим, врагам, рабам» [Бенвенист, 1995]. Настоящее утверждение остается актуальным и в наши дни, так как родные люди заранее оцениваются как «свои», а осознание свободы проявляется в свободном праве выбора, действий, слова и т.д. В дополнение к этому положению Э. Бенвенист выявил четыре различных способа «синонимизации» одной концептуальной формы «свои» – «своя группа» – «свободные» с другими концептами и

соответственно словами, в результате чего прослеживаются корреляции с такими понятиями, как: 1) «взрасти»; 2) «сам, себя»; 3) «производить, рождать (-ся)»; 4) «приятный, любить».

Относительно лексической единицы *чужой* указывается, что в старославянском языке формы *tudjo *tjudjo не являются продолжением какого-либо славянского корня, это производные от германского заимствования, что и объясняет принцип «чужой». Понятно, «почему прилагательное, производное от заимствованного слова со значением ‘народ’, значит именно ‘чужой’; для славян германские народы были, прежде всего, и главным образом *чужим народом*» [Бенвенист, 1995, с. 238]. Таким образом, форма и смысл древнего славянского слова *tuzdi* подтверждают, что термином *teuta характеризовались германские народы в глазах своих славянских соседей.

Согласно словарю И.И. Срезневского [Срезневский, 1912], древнерусское слово *чужий* (*щужий*) толкуется как ‘чужой’, ‘чуждый’, ‘злодей’, ‘нечестивец’, ‘отвратительный’. Общая для всех славянских языков специфика семантической структуры производных, образующих лексические гнезда с корнем чуж- / чужд-, согласно М. Фасмеру, представляет комплекс взаимосвязанных значений: ‘чужой – чуждый – враждебный – плохой’ [Фасмер, 1986].

По замечанию Ю.С. Степанова [2004], отличительной чертой западноевропейского концепта «чужой» от его русского аналога является связь данного концепта с концептом «чудо» и его совпадение с именем народа – чудь. «Чудь – народ или несколько народов, объединенных одним именем, издревле населял территорию теперешнего Северо-Востока России – район Чудского озера, каких-то частей Новгородской и Псковской областей, Карелии и, вероятно, Финляндии» [Степанов, 2004, с. 140].

Как мы уже упомянули выше, язык располагает и предлагает говорящему многообразный выбор различных разноуровневых средств – морфемных, лексических, синтаксических – для обозначения оппозиции

«свой – чужой», категорий свойственности и чуждости. Подчеркнем, что мы осознаем условность выделенной нами классификации, впрочем, как и любой другой в языке, что обусловлено невозможностью жесткой категоризации в языке и подвижностью границ между единицами, способными обозначать и свойственность, и чуждость. Ведь неслучайно В.Г. Гак отмечал невозможность построения одной общей типологии явлений, так как она способна отразить лишь одну, может быть наиболее существенную, но лишь одну сторону явления [Гак, 1998, с 310].

Начнем с характеристики единиц лексического уровня языка как базового и наиболее представительного в количественном отношении при выражении оппозиции «свой – чужой».

I. Идея ‘свойственности – чуждости’ может выражаться с помощью единиц лексического уровня

1. В первую очередь, это лексические единицы с семантикой ‘свое’ – ‘чужое’, так называемые «смысловые модализаторы»: *Вдруг раздался громкий лай собак и вывел его из задумчивости; он осмотрелся и при свете огня увидел себя в **чужой** деревне* [Кишина, 2006, с. 55]. В этом отрывке лексема *чужой* служит средством экспликации смысла ‘чужой’.

2. К основному кругу языковых средств выражения данной оппозиции исследователи относят местоименные слова, основной набор которых сводится к следующим парам противопоставления сфер «свое – чужое»: *я – ты; мы – вы; мы – они; мой – твой; наш – ваш; наш – их; этот – тот* [Захарова, 1998; Пеньковский, 1989; Скрыльникова, 2008]. Отметим, что Э. Бенвенист различал два вида «мы»: если «мы» включает в себя собеседника, то это «мы–инклюзивное», если же собеседник исключается, то – «эксклюзивное». «Используя «мы–инклюзивное», говорящий как бы объединяет свои проблемы с проблемами аудитории, солидаризируется со слушателями в понимании насущных задач, стоящих перед страной [Михалёва, 2004, с. 108]. На семантику оппозиционности работают также

падежные формы личных местоимений с предлогами и без (и возможное их противопоставление): *у меня – у тебя, мне – тебе* и т.д. [Петроченко, 2005].

Помимо перечисленных пар противопоставлений, приведем также лексические единицы, указывающие на пространственную и временную локализацию объектов: *вместе – врозь, здесь, тут – там, сейчас, теперь – тогда, раньше – сейчас* и т.д. [Петроченко, 2005]. Пространственно-временные условия, при которых происходят события, способствуют очерчиванию круга «своих и чужих». В подтверждение наших рассуждений приведем пример: *Не здесь, всей жизни бедной, но там живет мой дух* (И.И. Лажечников. Спасская лужайка. НКРЯ)¹. Мы наблюдаем противопоставление на пространственной координате *здесь – там*. В том, что лексема *здесь* в данном примере передает смысл ‘чужой’ позволяет понять эпитет *бедная* (жизнь) и противопоставление *не здесь.., но там....*

Противопоставление временных координат обнаруживается в примере, в котором оппозиция проявляется следующим образом: раньше было хуже, соответственно ‘чужое’, а сейчас стало лучше, хотя и не совсем хорошо, но, тем не менее, более терпимо, что приближает данную ситуацию и ее участников к ‘своему’: *...Столичные рынки стали цивилизованнее – продавцы, по-прежнему не гнушаются приобретением фальшивых медицинских книжек, в открытую, как раньше, сейчас шашлык из тузика не сделают и в сметану мыла не натрут...* (Комсомольская правда. 17.07. 2012. НКРЯ).

3. Слова-усилители. К данным средствам исследователи относят лексические единицы с эмоционально-оценочным и экспрессивным значением [Серебренникова, 2004]: *Заставил перевязать Зверева, промыть ему нос и вышвырнуть из больницы вон* (З. Плавинская. Отражение. НКРЯ); *Он то, вражина, и спаивает его, и нашептывает ему все эти томящие*

¹ Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка [URL: www.ruscorpora.ru] имеют помету (НКРЯ).

душу, куда-то зовущие крамольный песни (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания. НКРЯ).

В данных примерах слова с эмоционально-оценочным значением усиливают эффект отчуждения, демонстрируют эмоционально-экспрессивный накал высказываний, подчеркивают протест, непримиримость говорящих с ситуацией, поведением других людей.

4. Внедрение семантических компонентов иностранных слов в лексическое значение общелитературных слов, звучащих в политических текстах (*чувствительные товары, прозрачная экономика, амбициозные цели, суверенная демократия*) и т.д. [Гаврилова, 2010, с. 111]. Во многом новые термины заменяют или подменяют уже существующие понятия, но, являясь новыми и не всегда понятными, они помогают говорящему дистанцироваться от адресата, скрыть свои истинные цели и преподнести информацию в нужном свете. Зачастую неосведомленность реципиентов помогает оказать говорящему / пишущему манипуляционное воздействие на них.

5. Прагмемы, в данном случае – лексические единицы, образующие противопоставления с нейтральным эквивалентом. В примерах представлены пары слов, первый компонент пары имеет положительную семантику, соответственно слова данного списка могут выражать смысл ‘свой’, а второй член пары эксплицирует смысл ‘чужой’: *танцевать – дрыгаться, миролюбие – примиренчество, свобода – вседозволенность, патриотизм – национализм, собрание – сборище, усилия – потуги, сподвижник – пособник, мать – мачеха* др. [Серебренникова, 2004; Шейгал, 2000; Петроченко, 2005].

6. Глаголы, обозначающие способ действия в «своем» мире и в «чужом». Внутри данного пункта выделяют следующие группы глаголов:

а) глаголы со значением обладания и принадлежности: *иметь, владеть, обладать: Не имеет дома, как кукушка своего гнезда* (посл.) [Петроченко, 2005];

б) глаголы со значением восприятия органами чувств: *видеть, смотреть, глядеть, слышать, слушать*: *На этом свете-то хорошо жить, а на том ниче не увидишь и ниче знать не будешь* [Петроченко, 2005];

в) глаголы со значением эмоциональных состояний: *Не счастлива та девчонка, которая любит моряка, моряк сядет да уедет, а ты останешься одна* [Петроченко, 2005];

г) глагольные единицы с семантикой перемещения в пространстве. Здесь возможны два маршрута, либо движение происходит от 'своего' к 'чужому' или, наоборот, от 'чужого' к 'своему'. Пример: *Я приехал сюда на пару лет, а остался на всю жизнь* («Наука и жизнь». НКРЯ) демонстрирует перемещение в 'чужое' пространство, которое затем стало 'своим'. Перемещение из 'своей' сферы (имеющей пейоративную оценку) в сферу 'чужого', которое изначально было более привлекательным для субъекта, отражено в следующем примере: *В середине девяностых Ганин уехал туда, потому что не видел здесь для себя никаких перспектив* (Т. Тронина. *Никогда не говори «навсегда»*. НКРЯ).

7. Субстантивированные прилагательные, несущие семантику «свойственности / чуждости» [Петроченко, 2005]. При субстантивации лексем *свой, чужой, наш* осуществляется категоризация понятия «народ» по принципу «свои / чужие». Актуализацию смысла 'чужой' в значении 'не родной', 'не родственник' мы наблюдаем в примере: *Ирина не понимала, как можно быть равнодушной к своей крови, к родной дочери, тем более она такая красивая и качественная. Чужие восхищаются, а своему всё равно. Мусульмане так не поступают... Она рассчитывала на Ирину, хотела прислониться к чужой, приبلудшей душе. Но чужие – это чужие. Только свои могут подставить руки, потому что свои – это свои* (В. Токарева. *Своя правда*. НКРЯ). В эту же группу можно отнести прилагательные (в том числе субстантивированные) с заданной семантикой чуждости: *незнакомый, посторонний, другой, приезжий, прохожий* [Абдуллина, 2010].

Кроме перечисленного, можно выделить отдельные группы средств, характерных только для категории свойственности или чуждости. Так, к потенциальным средствам экспликации семантики *‘чуждости’* можно отнести:

1. Лексические единицы, обозначающие человека, насильно или добровольно покинувшего *‘свой’* мир, ставшего аутсайдером группы «своих». Среди таких лексических единиц укажем *отшельник, отшелец, отщепенец, отступник* и т.д. [Серебренникова, 2004]: *Он часто повторял: надо больше выступать в средствах массовой информации, писать статьи, а то живу как **отшельник**, оторванный от всей жизни* (А. Висков. Наследник апостола Иоанна. НКРЯ).

Иногда возможна смена векторов и лексическая единица *отшельник* может поменять пейоративно отчуждающее значение на мелиоративное: *А потом такой вот **отшельник** возвращался в общество с руками, покрытыми корой чудовищных мозолей и передавал свое учение восхищенным ученикам* (Боевое искусство планеты. НКРЯ).

2. Идею *‘чуждости’* способны выражать номинализации, другими словами – свертывание тематической и рематической информации реализованной части текста и ее перевод в номинативное единство, которые «еще больше затушевывает субъекта, чем пассивная конструкция» [Гак, 1976, с. 95]. Продемонстрируем использование номинализации на примере: *Мы за упразднение, за ликвидацию привилегий, любых чиновников, включая своих депутатов* [Цит. по: Михалёва, 2004, с. 116], в котором использование обобщенных или неопределенных номинаций приводит к тому, что политический деятель мыслится говорящим не как конкретное лицо, а как некий политический институт или некие абстрактные силы, что отдаляет, отчуждает его от адресата и позволяет снять с себя ответственность за высказывание.

3. Некоторые неопределенные местоимения с *-нибудь*, например, *где-нибудь, какой-нибудь, куда-нибудь* и т.д. [Пеньковский, 1989]: *Меня*

много раз подмывало уйти из дому и поселиться *где-нибудь* в другом месте (В. Белоусова. Второй выстрел. НКРЯ).

Подчеркнем, что не во всех случаях местоимения с *-нибудь* могут выражать лишь пейоративно-отчуждающий смысл ‘чужой’, к примеру, в отрывке: *Представь, что лежишь на берегу моря где-нибудь в самом теплом и приятном месте на земле* (Даша. 2004. НКРЯ), местоимение *где-нибудь* объективирует смысл ‘чужой’ в значении ‘далекий лишь по расстоянию’, но не в значении ‘неприятный’ или ‘плохой’.

4. Определительные местоимения *всякий* и *какой-то* потенциально могут передавать семантику отчуждения, например: *Помните, в кино – идут солдаты..., какой-то косогор, разбитая вдрызг дорога, погода плохая, солдаты идут с вещмешками и винтовками...* (Е. Гришковец. Одновременно. НКРЯ).

5. Семантика ‘отчуждения’ может передаваться при помощи употребления полипрефиксальных интенсивных глаголов в сочетании с указательными или неопределенными местоимениями (*понаприедут, рассядутся + тут / здесь + всякие / какие-то* [Серебренникова, 2004]: *Раньше хорошо было, а сейчас горожане поприедут оттудова, да полужеленую повытаскивают (ягоду). Сейчас ниче не понимают* [Там же]).

6. Дейктические и полнозначные знаки, содержащие компонент дистанцированности: *эти, и уже с ними, там, заморские, заграничные* и др. [Шейгал, 2000].

7. Отдельно хотелось бы выделить группу номинативных единиц, в которую отнесем так называемые показатели недоверия – *якобы, так называемый, пресловутый* и др., которые могут использоваться для выражения идеи ‘чуждости’: *Весь фильм нам показывали представителей гнилой интеллигенции, которые не могут дать счастья героине, а под конец появился пресловутый Гоша* (В. Черных. Москва слезам не верит. НКРЯ).

8. Использование иноязычной лексики. Отсутствие внутренней формы слова помогает завуалировать истинную позицию говорящего, а

размытое семантическое значение иноязычного слова препятствует четкой и ясной характеристике действий [Гаврилова, 2010, с. 111], что может использоваться и для реализации категории чуждости: *Все три исторических события в российской экономике имеют некий общий стержень: нашей экономике явно нужны базовые структурные реформы, чтобы она, наконец, начала расти увереннее и быстрее. Нужны инвестиции – свои и заморские. А политические и хозяйственные игры на министерских постах – уже не комильфо* (Известия. 14.01.2003. НКРЯ). В приведенном примере употреблено французское слово *комильфо* ('согласно правилам, как следует'), которое помогает автору завуалировано, в уважительной форме показать степень своего недовольства, несогласия с властью.

9. Переход имен собственных в имена нарицательные в форме множественного числа. «Преобразование имен собственных в нарицательные может использоваться как знак принадлежности их денотатов чужому миру и тем самым как средство подчеркнутого выражения их резко отрицательной оценки» [Пеньковский, 1989, с. 59]. В качестве примера А.Б. Пеньковский указывает переход имени собственного *Батыга* (былинный персонаж, предводитель татарской рати) в *батыги* (неоднородное множество татарских воинов, возглавляемых Батыгой), кроме этого, согласно истории войны татаро-монгольского ига – это захватчики, т.е. потенциально 'чужие'.

Однако справедливости ради следует заметить, что не всегда переход имени собственного в единственном числе в имя нарицательное во множественном, способен выражать идею 'чужого'. В некоторых случаях имя собственное занимает промежуточное, нейтральное положение и может передавать смысл 'ни свой, ни чужой', в случаях типа Ньютоны (великие физики). Значение неоднородного множества в данном случае, по замечанию А.Б. Пеньковского [1989], никак не связано с характеристиками чужого мира и множественное число не вносит в них оценочного компонента значения, а свидетельствует лишь об обычном употреблении с определителями

временной и этно-национальной и т.д. семантики, например, новые Ньютоны, Ньютоны наших дней, российские Ньютоны и т.д.

В этой связи нельзя не вспомнить, что в русской культуре ярким примером нейтрализации оппозиции «свой – чужой» служат лексические единицы *гость* и *сосед*. В славянской народной традиции *гость* – лицо, соединяющее сферы ‘своего’ и ‘чужого’, объект сакрализации и почитания, представитель «иноного» мира. Превращение «чужого» в гостя связано с ритуализированными формами обмена, включающими пиры, угощения, чествования. Гость в славянской культуре воспринимается как носитель судьбы, лицо, способное повлиять на все сферы человеческой жизни. В свою очередь хозяин стремиться как можно лучше принять гостя, надеясь путем символического договора с высшими силами, представителем которых является гость, обеспечить свое будущее. Гостю предлагают ночлег, угощение, отводят самое почетное место за столом, а иногда и сажают его во главу угла [Толстой, 1995, с. 531–532].

По отношению к соседу также действует принцип нейтрализации оппозиции «свой – чужой». Соседа в Древней Руси долго называли су-седом, в этом слове тот же префикс, что и в словах *супруги* и *сутки*. Соседи не просто «сидят» рядом на одной земле, они связаны общим долгом и правом, подобно тому, как навсегда «сопряжены» супруги и «сотканы в единую нить» сутки. Сосед никогда не был на Руси лицом посторонним, в горе и в радости он был вместе с родными. Со временем изменяется отношение к соседям; и власть, и враг, и сосед одинаково враждебны хозяину средневекового «дома – семьи». Слова *соседи* и *холопы* означали людей подневольных; не своих и не чужих. Сосед, как и близкий, мог быть вместе с тем не из своих, хотя и родных по крови, но одновременно и ‘чужим’ [Колесов, 1986, с. 44–46].

Возвращаясь к основной задаче параграфа, кратко перечислим языковые средства, которые могут использоваться для передачи идеи ‘своего / свойственности’:

1. Лексемы со значением совместности: *вместе, все, единый, союз, объединение*.

2. Лексические единицы с компонентами совместности, выступающие в функции вокатива с коннотацией 'я свой': *друзья, товарищи, братья и сестры, россияне, дорогие товарищи, земляки, мужики и др.*

Помимо лексических, отдельно следует выделить **фразеологические единицы**, которые также могут выражать оппозицию «свой – чужой».

Анализ образных репрезентантов с семантикой 'свойственности / чуждости' в данном случае способствует постижению национального самосознания, концептуализации человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности. В исследовании М.Л. Лаптевой [2013] выявлены и описаны фраземы с различным структурно-семантическим соотношением культурного (интернационального), этнокультурного (своего) и инокультурного (чужого) компонентов, выделены 11 классификационных когнитивных признаков, на которых базируется категория «свой – чужой» и произведена дифференциация уровней их фразеологической объективации. Согласно ученому, основные типы этно- и инокультурных фразем представлены единицами: 1) с компонентом-этнонимом (*тихий американец, цыганская душа*); 2) с компонентом-топонимом (*загнать за Можай, курским соловьем заливаться*); 3) с компонентом-антропонимом (*Анна на шее, Иван не помнящий родства*); 4) с компонентом артефактом (*развести гарем, чувствовать себя как в латах*). По результатам метода корреляционного анализа ученым были выделены несколько уровней объективации оппозиции «свой – чужой». 1. Поверхностный уровень, или уровень фразеологического значения (*жить в любви и согласии – жить каждый по себе*). 2. Ассоциативно-образный уровень (кроется в глубинных пластах фразеологической семантики, составляя ассоциативно-образный элемент значения), например, *сделать себе имя*. 3. Культурно-когнитивный уровень (противопоставление своего и чужого содержится в генетическом образе

фраземы и для его распознавания необходимо овладение определенным объемом культурных знаний), к примеру, *от ворот порот*.

II. **‘Свой – чужой’ может быть передан с помощью единиц морфемного уровня**, в частности префиксов, которые вносят сему «свойственности» – «чуждости» в семантическое содержание слова [Серебренникова, 2004].

Идея ‘свойственности’ чаще всего вносится префиксом *с-* (*со*), идея ‘чуждости’ выражается путем прибавления приставки *вы-*, *ра-*, *от-*. Рассмотрим подробнее на примере: *Уверенный в любви ее, он готовился просить у госпожи В* позволения **соединиться** с Лизой, как вдруг нечаянный случай отзывал его на некоторое время в **отдаленный** город* (Несчастливая Лиза. НКРЯ).

Смысл ‘свой’ может быть выражен путем использования деминутивов со значением положительной аксиологической оценки «хороший» (к примеру, уменьшительно-ласкательные суффиксы), которая, может развиваться в аспектах «хороший + нужный», «хороший + полезный» [Резанова, 1996, с. 193].

Как правило, обозначенные уменьшительно-ласкательные суффиксы (*-ик*, *-чик*, *-к*, *-ек*, *-ок*, *-очек/-ечек*, *-ушк* и др.) эксплицируют смысл ‘свойственность’, хотя можно найти и случаи употребления данных суффиксов в прямо противоположном значении, выражающем смысл ‘чуждость’, особенным образом это проявляется в диалектном языке: случай употребления оценочно-нейтрального *сураз*, желание обозначить его «чуждость» (+ осудить) выражается словом *суразенок* [ВС, с. 428].

Идею ‘чужого’ могут выражать:

1. Префиксы *раз-*, *рас-*, *вы-*, передающие идею нарушения привычного уклада жизни, разрыва контакта, удаления [Серебренникова, 2004]: *Разъехаться бы и вздохнуть свободно. Какие ни родные, но у каждого – своё* (Б. Екимов. Пиночет. НКРЯ).

2. Приставка *у-*, имеющая древнее отрицательное значение и обозначающая наименование человека (*урод, убогий, ублюдок*). Корпус таких лексем относят к отдельной группе под названием «тот, кто обездолен», т.е. *‘не такой, как все, чужой’* [Серебренникова, 2004, с. 70]. Объективация смысла *‘чуждость’* на морфемном уровне может быть продемонстрирована на примере слов, в которых приставка этимологически срослась с корнем и не воспринимается отдельно от него, при этом семантика *‘чуждости’* закреплена в их значении. В качестве примера можно указать лексемы *развестись, развалить*, которые объединяются на основании выражаемого ими общего значения *‘уничтожить нечто, что воспринималось ранее как единое, неделимое «свое»’* [Серебренникова, 2004]: *Затем, путем интриг внутри «своего» парламента, сумел его **развалить** и парализовать* (В. Ф. Ходасевич. Брюсов. НКРЯ).

III. Оппозиция «свой – чужой» может быть выражена с помощью единиц синтаксического уровня

1. Словосочетания с именами существительными, в которых семантику *‘свойственности / чуждости’* образуют зависимые единицы: имя прилагательное со значением *‘свойственности / чуждости’*, местоименное прилагательное, притяжательное местоимение / прилагательное + имя существительное; словосочетания имен существительных с посессивным значением [Петроченко, 2005].

2. Конструкции противопоставления с отрицанием *не*: *Это ведь тебе не что-нибудь, не мотоцикл какой-нибудь паршивый, а ма-ши-на!* [Пеньковский, 1989, с. 77].

3. Употребление безличной конструкции [Михалёва, 2004]: *Чтобы люди не бежали из деревень в города, **нужно решать** социальные проблемы, которые **начинаются** просто с нормальных дорог, соединяющих деревни и фермы с центрами районной цивилизации, со школами, библиотеками, концертными залами или дискотеками, в конце концов («Наука и жизнь». 2008. НКРЯ). При помощи безличной конструкции *нужно решать* адресант*

отстраняет себя от ответственности, смотрит на ситуацию в роли чужого наблюдателя.

4. Пассивные конструкции с предикатом, выраженным: а) спрягаемой формой глагола с постфиксом –ся в страдательном значении или б) краткой формой страдательного причастия [Михалёва, 2004].

Кроме перечисленных синтаксических средств, на идею реализации оппозиции «свой – чужой» работает выражение чужой речи. В качестве способов выражения чужой речи исследователями [Сахно, 1991] признается особое концептуальное устройство языка, т.е. те слова, которые осознаются носителями языка как ‘не свои’, приобретают коннотации, характерные для описания чужого мира, чего-то ‘чужого’. Сюда же можно отнести средства авторизации: *По его словам, ...* .

Нельзя не сказать, что оппозиция «свой – чужой» может также выражаться с помощью разнообразных стилистических приемов и средств (эвфемизмы, дисфемизмы, метафоры, антитезы и т.д.). Анализ средств и способов языковой объективации бинарной оппозиции «свой – чужой» показал, что фундаментальный характер членения мира с позиции определения «своего» и «чужого» провоцирует практически безграничную экспликацию семантики оппозиции «свой – чужой» с помощью разноуровневых средств языка.

Поскольку коммуникативная категория чуждости не может не актуализироваться на уровне дискурса, проявляясь с помощью различных коммуникативных средств, стратегий, тактик (речь о которых пойдет во 2 главе), далее обратимся к рассмотрению специфики ее реализации в различных институциональных типах дискурса.

1.4. Дискурсивная реализация оппозиции «свой – чужой»

Оппозиция «свой – чужой» (как и формирующиеся на ее основе категории «свойственность» и «чуждость») представляет собой

социологизированную сущность, т.е. имеют социальную природу и не может не проявлять себя в самых разных социальных сферах жизнедеятельности, в частности, четко прослеживается в целом ряде дискурсов. Рассмотрим дискурсивную реализацию данной оппозиции, тезисно обозначив подходы и возможные варианты ее анализа в политическом, религиозном, массмедийном и юридическом видах дискурса.

1.4.1. «Свой – чужой» в политическом дискурсе

Сконцентрировав внимание на имеющихся в лингвистике исследованиях способов реализации бинарной оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе [Васильева, 2010; Кишина, 2006; Молодыхенко, 2010; Паршина, 2005; Синельникова, 2010; Шейгал, 2004], мы приходим к очевидным выводам, что данное противопоставление является его понятийно-смысловым ядром, так как суть политики составляет борьба за власть, предполагающая разделение на «своих» и «чужих». Данный тезис обуславливает семантико-ценностные параметры «свойственности – чуждости», которые реализуются в качестве прагматического противопоставления элементов политической деятельности.

По мнению Е.И. Шейгал, «оппозиция «свои – чужие» представляет специфику политического дискурса, так же как оппозиция «добро – зло» является базовой для области морального, «прекрасное – безобразное» – в области эстетического ... любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичными по отношению к данной оппозиции» [Шейгал, 2000, с. 122].

Идею о ведущей роли оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе поддерживает Л.Н. Синельникова [Синельникова, www], которая утверждает, что бинарная оппозиция «свой – чужой» всегда базируется на жесткой аксиологической оппозиции: «свой» занимает место на шкале «хорошо», «правильно», «чужой» – на шкале «плохо», «неправильно», что

коррелирует с основной функцией политического дискурса, а именно, борьбой за власть.

Как известно, базовыми свойствами политического дискурса признаются: агональность, интенциональная направленность (борьба за власть), агитация за власть, захват и удержание власти, ее стабилизация, институциональный характер, доминирование манипулятивной функции и т.д. Перечисленные признаки доказывают противопоставление совокупного «МЫ» в качестве категоризирующего объекта политического дискурса индивидуальному «Я», который выступает категоризирующим объектом лишь в ситуациях, обладающих определёнными личностно-ценностными смыслами [Кишина, 2011].

«Мы» относится к числу сложных и выразительных по своему смысловому объёму категорий, присущих любой общности людей и подразумевающей «противопоставление каким-либо – то определенным, то неопределённым – «они» [Поршнева, 2007, с. 14]. Думается, что в рамках политического дискурса «мы» модифицируется применительно к специфике политических взаимоотношений и еще более усложняется, что напрямую связано с манипулятивными целями, которые объясняют заявления нереальной, желаемой взаимосвязи людей как реальной. Таким образом, политическое расслоение социума сводится к выделению групп, где МЫ («свои») – это «*наша партия* – ОНИ («чужие») «*их партия*», МЫ («свои») – это «*единомышленники* – ОНИ («чужие») – это «*оппоненты*». Как справедливо заметила Е.И. Шейгал, «основу политического дискурса составляет непрекращающийся диалог-поединок между «партией власти» и оппозицией, в которой противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление» [Шейгал, 2000, с. 31].

Из выделяемых исследователями основных функций политического дискурса [Супрун, 1996; Шейгал, 2000; Chilton, Schaeffner, 1997] оппозиция «свой – чужой», на наш взгляд, непосредственно коррелирует с функцией

социальной солидарности, под которой подразумевается интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп, т.е. реализуется смысл 'свой'; с функцией социальной дифференциации (имеется в виду отчуждение социальных групп, объективация смысла 'чужой'); с агональной функцией (иницирование и разрешение социального конфликта, выражения несогласия и протеста против действий властей, иными словами происходит дистанцирование от власти и отношения строятся по схеме «свои» (народ) – «чужие» (власть) [Шейгал, 2000, с. 36]; с магической функцией (путем «магического» отношения к слову, через употребление табуированной лексики и эвфемизмов, осуществляется идеологический контроль и манипулирование массовым сознанием, по сути, происходит навязывание «своих», правильных идей и порицание за принятие «чужих») [Мечковская, 1994, с. 133–134].

Весь процесс борьбы за власть зиждется на противопоставлении «свой – чужой», целью которого является убедить, воздействовать на адресата для поддержания идеологии социальных ценностей и «правил игры» правящей политической элиты. Доминирующая роль данной оппозиции оказывает непосредственное влияние на поведение политического деятеля и в том числе на его речевое поведение.

Характерной чертой речевого поведения политика, как известно, является использование приемов языковой демагогии и ментальных конструктов подобного воздействия (коммуникативные стратегии, тактики, иллюкутивные намерения и перлокутивные эффекты). К примеру, О.Н. Паршина [2004] выделяет ряд агонально-ориентированных стратегий (в частности, информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную, стратегию самопрезентации, самозащиты, формирования у адресата определенного эмоционального настроения и др.), а также реализующие их тактики, которые активно используются современными российскими политиками и опираются на семиотическую оппозицию «свой –

чужой» (или в терминологии некоторых исследователей – категорию чуждости).

Исследователи политического дискурса обращают внимание на то, что политический процесс в целом весьма динамичен и идеологический компонент в структуре оппозиции «свой» – «чужой» подвижен. Размышляя о текучести и изменчивости анализируемой оппозиции, С.Л. Васильева отмечает, что в отличие от архетипического конструкта «мы – они», в большей степени характеризующего существующий в мире диалог культур, оппозиция «мы – они» в политике утрачивает присущее культурологической оппозиции качество четкого дуализма, связанное с делением мира только на «своих» и «чужих», то есть на относящихся к данной культуре и не относящихся к ней [Васильева, 2010]. Скорее всего, имеется тенденция к некоторой градации данной оппозиции, суть которой заключается в возможности дифференциации нескольких социально-политических группировок как в пределах категории «своих», в культурологическом понимании, то есть в данной культурной общности, так и в рамках категории «чужих», то есть в других культурных общностях. Причем из принадлежности различных социально-политических группировок к одной и той же культурной общности не следует единство их взглядов, что приводит к выстраиванию частных случаев глобальной оппозиции «мы – они», отражающих специфику взаимоотношений как между отдельными социально-политическими группами внутри одной культурной общности, так и между социальными группами различных культурных обществ [Там же]. Речь идет о том, что в политическом дискурсе данная оппозиция вариативна, реализуется на его разных уровнях, другими словами, может проявляться на уровнях: внешнем – «наше государство» и идеологически чуждое ему государство и внутреннем – а) власть и народ; б) политическая партия / движение – политическая партия / движение; в) даже в пределах одного политического направления / движения категория «свои» может быть далее дифференцирована на своих и чужих по частным вопросам / убеждениям.

Помимо вариативности, характерной чертой реализации оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе учеными называется определенная подвижность / динамичность, (или в терминологии В.И. Акимовой – «перемаркировка») [Акимова, 2004], которая зависит от трех параметров: 1) *свое* становится *чужим* хронологически; 2) *свое* становится *чужим* идеологически; 3) *свое* становится *чужим* хронологически и идеологически одновременно [Там же]. Изменение хронологическое можно проиллюстрировать примером, когда новые политические партии появляются на основе существующих политических движений или путем реорганизации существовавших ранее партий, при этом так называемые «партии-преемницы» наследуют ресурсы партий предшественниц. Примером появления партии на базе существующего политического движения является политическая партия «Умная Россия», созданная в недрах прокремлёвского молодёжного движения «Наши». Проявление идеологических изменений можно проиллюстрировать примером, когда политик переходит из одной политической партии в другую и бывшие «свои» становятся «чужими»: широко известный факт смены партийной принадлежности Алексеем Митрофановым, который предпочел «Справедливую Россию» партии ЛДПР.

Обобщая выводы исследователей политического дискурса, отметим, что противопоставление «свой – чужой» занимает в нем ядерную позицию, имеет амбивалентный характер и является основополагающим в выборе линии коммуникативного поведения политика. Агональная природа данного дискурса позволяет нам выделить следующие оппозитивные модели: «агент – агент» (представитель одной политической партии / течения противопоставлен представителю другой политической партии / течения и пр.); «агент – клиент» (представитель какой-либо политической партии / течения противопоставлен клиенту, разделяющему другие политические взгляды); «клиент – клиент» (аудитория какого-либо политического блока противопоставлена аудитории с другими политическими взглядами).

1.4.2. «Свой – чужой» в религиозном дискурсе

Религиозный дискурс относится к крупнейшим сферам институционального общения, являя собой область интеграции и концентрации языка и идеологии, формирующих, наряду с национальным характером, психический склад целой нации, поэтому не может не привлекать внимание исследователей.

Религиозный дискурс в целом построен на внушении, под которым в психологии понимается возможность навязывать определенные действия или состояния. По замечанию Л.П. Крысина, в религиозно-проповедническом стиле значителен агитационный момент, а функция религии состоит в объединении на основе веры [Крысин, 1996]. Главная цель религиозного дискурса заключается в определении критериев для правильного распознавания истинного от ложного, должного от мнимого, доброго от злого. Другими словами, цель состоит в отделении «своего», что приносит спокойствие, умиротворение от «чужого», беспокоящего, терзающего, волнующего; через разграничение «своего – чужого», «доброе – злого» человек учится устраивать свою жизнь с счастьем для себя и с пользой для других. Другими словами, «жизнь в религии всегда получает покой и удовлетворенность, или, по Апостолу, «правду, мир и радость о Духе Святом...» [Чельцов, www].

Сакральный характер самого дискурса обуславливает ранжирование его участников на «своих» и «чужих» по следующим критериям: приверженец какого-либо религиозного течения (свой) – его противник (чужой), соблюдающий суперморальные и моральные нормы / ценности (следующий заповедям) – не следующий заповедям. Таким образом, исследуемая оппозиция «свой – чужой» является одной из ключевых в религиозном дискурсе.

Ученые подчеркивают, что религиозный дискурс уходит глубоко корнями в древность и имеет богатую историю развития. Религиозная

актуализация оппозиционных отношений по принципу «свой – чужой» началась еще в период раннего христианства и в основном была связана с распространением различного рода еретических вероучений, типа николантов, маркионитов, монтанистов, павликиан, ариан, несториан и т.д. [Славкина, 2003], при этом отмечается, что «чужой» как один из составляющих бинарной пары, получил распространение в нескольких вариантах: 1) «чужой» как представитель христианства для язычников (в эпоху раннего христианства); 2) «чужой» как представитель язычества (на ранних этапах становления христианства); 3) «чужой» как иноверец по отношению к христианам; 4) «чужой» как представитель той или иной ереси в самом христианстве или даже разновидности той или иной ветви в самом христианстве; 5) «чужой» как представитель одного еретического движения; 6) «чужой» как представитель безверия, атеизма (по отношению к той или иной вере) [Там же]. Иными словами, для религиозного дискурса характерны те же метаморфозы и варианты трансформаций оппозиции «свой – чужой», о которых мы уже упоминали при характеристике политического дискурса, что в очередной раз свидетельствует о ее динамичном и изменчивом характере.

Еще одним критерием дифференциации участников религиозного дискурса по принципу «свой – чужой» выступает язык. Язык религии представляет собой «язык для посвященных», требующий определенных усилий и погружения в веру для осознания его глубинного смысла. Но он не до конца понятен широким массам (представителям «чужих») в силу своей эзотеричности (тайноречия), подразумевающей иносказательность, внутреннюю мистику языковых знаков, которая создает эффект нереального, божественного, иногда сказочного. *«Судия всех придет; комуждо отдати по делом его; да не падше и обленившееся, но бодрствующее и воздвижении в делание обрящемся готови, в радость и Божественный чертог славы Его совнидем, ижеде празднующих глас непрестанный, и неизреченная сладость зрящих Твоего лица доброту неизреченную»* [Цит. по: Бобырева, www]. Глубокий сакральный смысл данного пассажа может быть воспринят

человеком с религиозным сознанием или готовым к присоединению, принятию веры и, тем самым, переходу в класс «своих».

Резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что противопоставление «свой – чужой» является конституирующим в религии, плотно вплетено в ткань религиозного дискурса, имеет длительную историю существования и выполняет функцию одного из главных ориентиров, помогающему человеку примкнуть и быть принятым в какое-либо религиозное единение. Ранжирование участников религиозного дискурса на «своих» и «чужих» происходит по следующим критериям: приверженец какого-либо религиозного течения (свой) – его противник (чужой), соблюдающий суперморальные и моральные нормы / ценности (следующий заповедям) – не следующий заповедям.

1.4.3. «Свой – чужой» в массмедийном дискурсе

«Свой – чужой», будучи универсальной оппозицией, не может не проявляться в массмедийном дискурсе, хотя бы потому, что последний является медиатором, опосредующим многие дискурсы и представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества. В данной части тезисно обозначим варианты реализации анализируемой оппозиции в массмедийном дискурсе и, прежде всего, укажем, что дискурс массмедиа характеризуется оперативным распространением информации, релевантностью, своевременностью, точностью и достоверностью; представляет собой «проекцию порождающего его лингвокультурного пространства, содержащего упоминания разного рода реалий, исторических событий, ключевых слов той или иной исторической эпохи» [Губик, 2006]. Адресатом дискурса массмедиа является широкая социально неоднородная аудитория.

На наш взгляд, реализация оппозиции «свой – чужой» в массмедийном дискурсе может быть проанализирована с четырех основных сторон: 1)

журналист – государство; 2) журналист – адресат; 3) журналист – журналист; 4) адресат СМИ1 – адресат СМИ2. Рассмотрим кратко каждый из выделенных нами аспектов и проиллюстрируем их примерами, сознательно ограничив их объем.

1) журналист – государство.

В рамках данного аспекта по принципу «свой – чужой» противопоставлены журналист и государство. Стоит отметить, что явная или неявная борьба между служением и оппонированием власти неизбежна в любые периоды общественного развития. Но в самой острой форме она протекает в переходном обществе, «когда все более заметным в информационной среде, особенно региональной, становится перевес «сопряженности с властью» над «независимостью от нее», от чего существенно снижается качество совокупного журналистского продукта, падает авторитет журналистики в народе и в целом проигрывает общество, позволяющее государству наступать на демократические свободы граждан с помощью ангажированной прессы» [Киричек, Федотова, www]. В роли «чужого» оказывается журналист с «невыгодными» для политики государства взглядами, что в свою очередь влечет, со стороны государства введение цензуры, запугивание журналистов, арест, применение DoS-атак. Особенно ярко данная оппозиция может быть проиллюстрирована на примере украинских СМИ: по оценке экспертов, запугивание журналистов в стране является серьезной проблемой. Как показывает статистика, «в 2011 году было зафиксировано 37 подобных фактов, а в 2012 их количество приблизилось к 100» (Херсонские вести, www).

2) журналист и адресат.

В данном случае позиция журналиста отличается от мнения аудитории, журналист проповедует идеи, чуждые отдельным социальным группам или большинству потребителей массмедийного дискурса. Разница во взглядах может вызывать недоверие, непонимание, раздражение и даже презрение у аудитории. Доступ к информации может выступать в качестве основного

козыря в руках журналистов, которые способны акцентировать внимание или скрыть некоторые аспекты проблемной ситуации, а спорные, неясные моменты обсуждаемого предмета способны вывести из поля зрения адресата.

Как справедливо отметила С.В. Иванова, «указательно-отношенческая природа данной оппозиции означает ранжирование окружающего мира с точки зрения соотнесенности тех или иных объектов окружающей действительности с личным пространством говорящего лица, что служит идентификации адресанта и адресата с позиции принадлежности к «своим» или «чужим» [Иванова, 2007, с 18].

Одним из примеров неприятия журналиста адресатом могут послужить отзывы телезрителей о кулинарной программе Ю. Высоцкой «Едим дома». Как показал анализ рефлексии, телезрителей раздражает поведение ведущей на кухне: *мечется по кухне как недобитый зверь²; Она носится по кухне, постоянно чем-то громыхая, режет какую-нибудь зелень так, что куски веером во все стороны, если перемешивает соус, то потом ложку, на которую налипло чуть ли не половина содержимого кастрюли, безжалостно выкидывает в раковину, постоянно что-нибудь заляпает* (Recommend. ru); ее коммуникативное поведение, сопровождающее процесс приготовления пищи (неправильное ударение в словах, избыточность и не структурированность подаваемой информации). Дополнительным источником возмущения и раздражения аудитории выступает использование редких, дорогих продуктов, бытовой техники только ведущих брендов, которые практически не доступны для среднего российского потребителя: *Мне вот после таких рецептов всегда интересно, на кого вообще рассчитана эта передача «Едим дома»? Ну явно не на того, кто ест дома 😊 Посчитала один раз ради интереса, во сколько мне выльется готовка блюд из одной передачи. Извините, но на такую сумму я могу неделю питаться от пуза привычными мне продуктами* (Recommend. ru).

---

² Здесь и далее в интернет-примерах сохранена стилистика, орфография и пунктуация авторов.

Итак, факторы непонимания между журналистом и аудиторией весьма разнообразны. Поскольку практически в каждом случае перед журналистом стоит сложная профессиональная задача – выявить социальный смысл частного факта или события. Кроме того, в представленном материале отражается не только объективное – особенности исследуемого факта, события, явления, но и субъективное – взгляды, вкусы, пристрастия автора. На наш взгляд, ни один журналист не может избежать субъективного, своего индивидуального взгляда на описываемые явления и факты.

3) журналист – журналист.

Журналисты как представители разных профессиональных взглядов, с разным подходом к селекции информации, к ее достоверности и объективности, к методам и средствам трансляции информации, как носители разной коммуникативной культуры поведения могут находиться в отношении оппозиции друг к другу.

Из множества примеров рассмотрим частный случай критического комментария одним журналистом профессиональной линии поведения другого, в котором очевидно негативное отношение журналиста¹ (В. Шендеровича) к журналисту² (К. Соколовой), принципиально поменявшей свою позицию в связи с переходом в команду к новому работодателю (претенденту на пост президента РФ). Журналист¹, критикуя данный переход, подчеркивает неискренность данного союза и толкует некоторые высказывания журналиста² как: *Унылый текст, вялый язык, мутное объяснение... Между тем Ксения Соколова — талантливый человек с ярким пером, и тут не противоречие, а парадокс: чем талантливее литератор, тем заметнее, когда он лжет* [Шендерович, www]. Таким образом, перед нами противостояние позиций двух журналистов, которое не имеет форм ярко выраженной враждебности, но, тем не менее, демонстрирует степень их разногласия.

4) адресат СМИ¹ – адресат СМИ².

В данном противостоянии в качестве СМИ может выступать медиаканал, агент данного медиаканала, автор медиапродукта и т.д. Аудитория одного журналиста / телеканала / интернет-ресурса и пр. противопоставлена аудитории с другими вкусами и предпочтениями как «свои – чужие». Поясним данную оппозицию с помощью отрывка обсуждений, который был опубликован на одном из интернет-форумов (Ответы@mail.ru). Аудитория форума, выбирая лучшего телеведущего, разделилась на «своих», поддерживающих определенного ведущего первого канала и «чужих», не поддерживающих его. Аргументы группы «своих»:

Катя Андреева – великая диктор на первом канале, имеет неплохой внешний вид и уверенность, приятно смотреть...;

Андреева брала интервью у президента, наверно, уж плохую не выберут для этого...;

Я думаю, правильно она читает! Все телезрители знают Катю как одну из наиболее профессиональных и привлекательных ведущих информационных программ! Жаль только в последнее время ее на экране не видно :-).

Группа «чужих» не поддерживает ни данный канал, ни телеведущего, что очевидно из следующих комментариев:

В чем собственно ее талант??! я смотрю обыкновенное лицо. По поводу ума на лице это не написано. Читает себе человек, как попугай десять лет с монитора. Чего же ей особенно меняться? Не за станком работает и не в поле...

Я редко смотрю новости, особенно 1 канала. Но иногда, бывает, попадаю на Катю Андрееву. Человек абсолютно ОДИНАКОВЫМ голосом произносит, скажем, следующее: Сегодня там-то наводнение, есть жертвы. Сегодня в Московском зоопарке слониха родила слоненка... ОДИНАКОВАЯ интонация... Наверное, не норма, когда Сорокина чересчур эмоционально читала текст, но она, Сорокина - человек... А Катя Андреева,

мне кажется, нельзя так читать текст новостей. Большие минуты не могу смотреть... Неприятно...

Мы видим, что адресатам разных СМИ свойственно разделение на полярные группировки, хотя часто деление носит субъективный характер, о котором мы упоминали выше. Таким образом, каждый из участников массмедийного дискурса (агент или адресат) может занимать позицию своего или чужого как по отношению друг к другу, так и к потенциально своему (агент – агент или адресат – адресат).

Помимо выделенных нами четырех сторон проявления оппозиции «свой – чужой» в медиатекстах, мы можем заметить ее проявление с помощью определенных маркеров-идентификаторов, одним из которых выступает прецедентность. Имеется в виду, что прецедентные реалии, события, которые хорошо знакомы членам общества, априори сближают их и включают в круг «своих», а чуждые реалии, исторические события, ключевые слова наоборот исключают их из ряда «своих» [Красных, 2003]. Наряду с прецедентностью, еще одним идентификатором оппозиции может выступать апелляция к ценностям того или иного лингвокультурного сообщества / отдельных субкультур, что также позволяет разделить представителей социума на «своих» и «чужих».

Существуют и другие варианты экспликации интересующей нас оппозиции в дискурсе массмедиа. Среди таких вариантов следует отметить два разнонаправленных процесса современных СМИ: с одной стороны, массмедийный дискурс не может не отражать стремление к глобализации; с другой стороны, любой массмедийный текст создается представителем того или иного лингвокультурного сообщества и не может не отражать его ценностные установки, его культуру, субъективную оценку. Из чего следует, что тенденция к интеграции / глобализации, несомненно, несет в себе идею слияния своего и чужого (уничтожение национальной специфики, уникальности и самобытности), тогда как желание сохранить свою культурную уникальность и передать этнокультурную специфику – это

пример проявления чуждости по отношению к внешнему миру и проявление свойственности по отношению к внутреннему миру «своих», включенных в «свое» пространство.

Подводя итоги краткого рассмотрения, мы видим, что бинарная оппозиция «свой – чужой» присутствует в дискурсе массмедиа, ее вариативность обусловлена реализацией в четырех основных моделях, связанных с участниками дискурса, оказывает влияние как на способ презентации информации с позиции агента СМИ, так и на восприятие ее аудиторией.

1.4.4. «Свой – чужой» в юридическом дискурсе

Если предыдущие параграфы были посвящены обобщению результатов исследования оппозиции «свой – чужой» в рассматриваемых видах дискурса и выделению на основе этих обобщений возможных оппозитивных моделей, то данный параграф представляет собой попытку показать, что вопреки существованию некоторых мнений об «абсолютно недопустимой ситуации разделения предметного поля юридического дискурса на «свои» и «чужие» объекты» [Кожемякин, www], тем не менее проявление оппозиции «свой – чужой» обнаруживается также и в рамках данного дискурса.

Выводы о недопустимости разделения внутри юридического дискурса на своих – чужих в основном базируются на следующих характеристиках дискурса: внимание к фактической стороне дела, значимость установления истины по делу, беспристрастность, формализованность, текстоцентричность и объективность. Помимо этого, в качестве главного доказательства, подтверждающего невозможность проявления оппозиции «свой – чужой» в юридическом дискурсе, приводятся особенности его языка в целом и особенности юридических текстов в частности, для которых характерно употребление пассивных конструкций (*назначается, преследуется, требуется, постановляется*) и лексических средств с обобщающей

семантикой (*каждый, все, никто*). Во всех случаях, все указанные средства призваны снимать возможную оппозитивность.

Не оспаривая существующее мнение, мы предполагаем, что юридический дискурс не способен полностью игнорировать универсальную оппозицию «свой – чужой», которая является неотъемлемой частью любой сферы человека, в том числе и юридической. Уже в самой структуре институциональных видов дискурса (юридический дискурс в данном случае не является исключением) «просвечивает» базовая оппозиция интересующей нас категории чуждости, т.к. агенты дискурса отчуждаются от обычных граждан. Агент является чужим по отношению к клиенту, они не являются членами единого профессионального дискурсивного пространства, а строгие правила внутри дискурса делают его практически недоступным для понимания непрофессионала, т.е. клиента.

Охарактеризуем вкратце основные варианты проявления данной оппозиции в юридическом дискурсе.

Начнем с характеристики базовой цели дискурса, которая заключается в поддержании закона и обеспечении правового и социального положения человека, в недопущении его нарушения и отчуждения от социума. Тот факт, что ключевым концептом, обобщенным в юридическом дискурсе, является закон [Карасик, www], дает нам основание предположить тесную взаимосвязь юридического дискурса и категории чуждости, ведь фактически закон в сознании гражданина – это предел, ограничитель свободы, преступая который человек попадает в мир беззакония и преступности, он становится чужим для общества. Все те, кто были раньше своими, начинают порицать и осуждать преступившего закон. Любое нарушение закона вызывает агрессию, отторжение и острое чувство несправедливости, т.е. суть закона – определение границ между соблюдающими его («своими») и нарушающими («чужими»). Данный факт находит объяснение в исторической взаимосвязи концепта закон с архаическим индоевропейским концептом «мир», означающим «место, где живут люди «моего племени», «моего рода», «мы»,

место хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствуют «порядок», «согласие между людьми», «закон»; оно отделяется от того, что внешнее, от других мест, вообще – от другого пространства, где живут «чужие», неизвестные, где наши законы не признаются и где, может быть, законов нет вообще, где нам страшно» [Степанов, 1997, с. 95].

Другими словами, закон действует в пределах «своего» и отделяет мир «своего» от мира «чужого». Заметим, что установление соответствия или несоответствия норме во многом сближает юридический дискурс с религиозным. Разница лишь в том, что юридическое познание строится на системе формально-логического доказательства, а религиозное сознание апеллирует к моральным принципам.

Поскольку «свой – чужой» – это амбивалентная оппозиция, подчеркнем важность такой функции юридического дискурса, как способность урегулирования правового конфликта, стабилизации системы, а не поиск «объективной истины» в общем. Ведь вся деятельность агентов юридического дискурса ориентирована на поддержание системы социального контроля и отчуждение / изоляцию субъектов, нарушающих нормы системы, с целью корректировки их действий.

Так, если судебный «приговор разрушает солидарность общества, раскалывает его, противопоставляет власть народу, содержащееся в нем знание является неверным. Суду надо стремиться познать не «объективную истину», а найти оптимальное решение в заданных обстоятельствах, такое решение, которое объединяет нацию на чувстве общности, солидарности и укрепляет социальную структуру»... Судебное решение – презюмируется истинным – именно потому, что в любом обществе в качестве первоочередной ценности рассматривается упорядоченность отношений и вера членов общества в справедливость существующего порядка вещей. Таким образом, судебным деятелям надо разыграть спектакль, чтобы актуализировать в сознании аудитории те представления о справедливости, правде, добре, которые усвоены на бессознательном уровне каждым

сопричастным с повествовательной культурой. Поэтому любое уголовное дело – это рассказ о борьбе зла с добром и утверждении этического выбора в пользу добра [Александров, www].

Среди выделяемых исследователями функций юридического дискурса непосредственную связь с оппозицией «свой – чужой» имеет: 1) регулятивная, при которой, во-первых, право предстает как особый вид регулятора отношений, отделяющий своих, соблюдающих закон, и чужих, его престаупающих, во-вторых, право как возможность пользования определенными полномочиями, набор которых варьируется в зависимости от статусных позиций участников; 2) кодовая или дистанционная функция, суть которой состоит в создании специального языка, эффективного для выполнения целей и задач институциональной деятельности, а также в установлении дистанции между агентами и клиентами дискурса, т.е. очерчивания круга «своих» и «чужих». Поясним, что язык юридического дискурса является одним из наиболее своеобразных коммуникативных кодов институциональной среды. Его уникальность проявляется «в широком использовании понятийно-смысловых языковых средств (терминов), клише и канцеляризмов, отсутствием (и даже целенаправленным вымещением) экспрессивных средств, сложностью синтаксических структур, устойчивым использованием ограниченного спектра жанрово-стилистических средств, низкой контекстуальностью и т.д. [Кожемякин, www].

Все названные языковые и стилистические средства, виды речевого акта образуют герметичную, закрытую систему, не всегда имеющую аналоги (например, «иск», «презумпция», «правореализация») или имеющую «ложные аналоги» в обыденном языке (например, «государство», «свидетель», «риск») [Там же]. Именно данные обстоятельства затрудняют понимание «языка права» обыденными реципиентами, т.е. подобно языку религиозного дискурса глубокий смысл в юридическом дискурсе может быть понят и правильно интерпретирован лишь специалистами, т.е. «своими», принадлежащими данной системе.

Языковые личности агентов юридического дискурса – это субъекты, представляющие собой синкретический феномен. С одной стороны, их деятельность оказывается ограниченной строгими рамками данного институционального дискурса и здесь можно говорить о таком феномене как деперсонализация личности. Категория чуждости в данном случае проявляет себя в процессе отчуждения агента юридического дискурса от некоторых собственных приоритетов и предпочтений при выполнении своих должностных обязанностей. По замечанию Р. Водак, «лишаясь личностных характеристик, человек, тем не менее, чувствует себя «комфортно», поскольку находится под защитой института, при этом институт присваивает личностные характеристики индивида» [Водак, 1997, с. 73]. Данный факт, несомненно, накладывает свой отпечаток на используемые ими стилистические и языковые средства, речевые стратегии и тактики.

С другой стороны, агенты юридического дискурса не утрачивают своей индивидуальности и способны реализовать себя и в качестве уникальных языковых личностей, поведение которых во многом, но не полностью предопределено внутридискурсивным жанром. К примеру, беседа с нотариусом или консультация у юриста предполагает большую степень свободы и активной роли субъекта, нежели судебное заседание, где расстановка участников осуществляется с соблюдением иерархических отношений.

Мы приходим к выводу, что универсальная бинарная оппозиция «свой – чужой» способна реализоваться в юридическом дискурсе, данная возможность обусловлена уже самой целью дискурса, заключающейся в установлении законности или границы, преступая которую, агент или клиент дискурса начинает оцениваться как «чужой», не соответствующий общим нормам и правилам. Более того, его такие характеристики как закрытость, наличие строгих правил и норм оформления, социокультурных условий, ролевой структуры, организации хронотопа, жестких рамок употребления, высокой степени клишированности языка, трафаретность и предсказуемость

[Кожемякин, www] становятся критериями для ранжирования агентов и клиентов юридического дискурса через призму «свой – чужой».

Таким образом, нам представляется возможным выделить пять основных оппозитивных моделей реализации «свой – чужой» в юридическом дискурсе: 1) соблюдающий закон (свой) – не соблюдающий закон (чужой); 2) специалист (вхожий в систему, владеющий юридическим языком, его терминологической базой) – не специалист (обыватель, не принадлежащий к данной системе); 3) агент – клиент, по отношению к клиенту агент может выступать в качестве «своего» – адвокат (защитник) и в качестве «чужого» – прокурор (обвинитель); 4) агент – агент, в данном случае имеется в виду различная степень противопоставления одного агента другому в рамках институциональной ситуации общения, к примеру, обвинитель – защитник (свой – чужой); обвинитель – судья, защитник – судья (ни свой – ни чужой); 5) клиент – клиент, в этом примере клиент дискурса может разделять мнение другого клиента, в результате чего они становятся своими или, напротив, противостоят ему, тогда они вступают в отношения «свой – чужой».

Поскольку интересующая нас коммуникативная категория будет рассматриваться на материале судебного дискурса, далее уточним его место в системе юридической коммуникации.

Понимая многоплановость и неоднородность юридического дискурса, его неоднозначную позицию в системе других видов дискурса, отметим, что, с одной стороны, он представляет собой часть более общего профессионального дискурса работников правоохранительных органов, а с другой – включает в себя множество подвидов дискурса, разнообразие коммуникативных моделей и жанров. При этом единая классификация выделяемых разновидностей юридического дискурса отсутствует.

На основе моделируемых производственных ситуаций в практике судопроизводства, прокурорской и охранной деятельности, Вальтер Отто определил следующие основные подтипы юридического дискурса: законодательный дискурс, судебный дискурс, административный дискурс

[Приводится по: Федулова, 2010]. И.В. Палашевская [2012] выделяет судебный, законодательный, юрисдикционный дискурсы, дискурс общего надзора и контроля, следственно-дознательный, полицейский, пенитенциарный, нотариальный, таможенный, дискурс адвокатуры как подтипы юридического дискурса. Судебный дискурс считает главным подтипом юридического дискурса О.В. Климович [Климович, www].

Другими словами, несмотря на существующие различные подходы к структурированию юридического дискурса, одним из основных, выделяемых всеми исследователями, является судебный дискурс. Данный вид юридического дискурса может ранжироваться далее и выступать уже в качестве обобщающего понятия, объединяющего в себе другие дискурсы. Среди частных разновидностей судебного дискурса учеными выделяются: дискурс правоприменителя, дискурс обвинения и защиты, дискурс судей, устная речь в учреждениях и т.д. [Там же].

Мы полагаем, что наиболее ярко оппозиция «свой – чужой», выступающая базой формирования коммуникативной категории чуждости, проявляется именно в судебном дискурсе, под которым мы, вслед за О.В. Климович, понимаем «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации в ходе судебного процесса, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и намерений коммуникантов» [Климович, www]. Исследователь также считает возможным рассматривать в качестве судебного дискурса отдельные судебные процессы или их отрезки.

Проанализировав варианты терминологических обозначений интересующего нас дискурса (судебный дискурс [Палашевская, 2012], дискурс судебного заседания [Тютюнова, 2008], судебно-процессуальный дискурс [Резуненко, 2007] и пр.), мы предполагаем в дальнейшем использовать термины «судебный дискурс» и «дискурс судебного заседания»

взаимозаменяемо, т.е. употребляя термин «судебный дискурс», мы отождествляем его с ситуацией общения в рамках судебного заседания.

Благодаря своему агональному, ритуализованному характеру, постоянному набору активно используемых коммуникативных стратегий (подробнее см. параграф 2.4. Главы 2), наличию двух противоборствующих сил защиты и обвинения, законности и беззакония, которые противостоят друг другу как «свой» и «чужой», на наш взгляд, именно судебный дискурс наиболее ярко репрезентирует коммуникативную категорию «чуждость», которая не становилась объектом специального научного интереса на примере данного вида дискурса.

Следующую главу посвятим анализу специфики проявления коммуникативной категории чуждости в судебном дискурсе.

Выводы по первой главе

Основной целью данной главы было рассмотрение представленного в гуманитарных дисциплинах многообразия исследовательских позиций и взглядов на противопоставление «свой – чужой» как основы коммуникативной категории чуждости, потенциальных средств выражения данной оппозиции и специфики ее проявления в различных видах дискурса.

Длительная история изучения противопоставления «свой – чужой» обуславливает наличие хорошо разработанной теоретической и практической базы, анализ которой позволил выделить три основные исследовательские позиции, изучающие «свой – чужой» как бинарную оппозицию, как концепт и как категорию. Объединяющим эти подходы фактором является идея о базовом принципе бинаризма оппозиции «свой – чужой», объясняющем категоризирующую деятельность человека и служащем ядром интересующей нас коммуникативной категории чуждости.

Рассмотрение многоаспектной природы оппозиции «свой – чужой» подтвердило ее универсальный характер. Систематизация существующих

точек зрения на процесс формирования представлений об универсальной бинарной оппозиции «свой – чужой» сквозь призму философской науки показал, что, начиная с античной философии, исследователи делали акцент на обязательном существовании оппозиций в жизни человека и указывали на их взаимозависимость. Источником формирования данной оппозиции, с одной стороны, называлась дуальность восприятия, а с другой – свойственное архаическому сознанию «состояние собственного имени», вытекающее из синкретизма мышления и заключающееся в соединении действия с его носителем. Наряду с устоявшимися взглядами на бинарность, современные философы допускают выделение однополюсных смысловых конструктов, либо рассматривают бинарность как составную часть трехчленной классификации. В основе мироздания лежит закон единства и борьбы противоположностей, актуализацию которого можно наблюдать во всех социальных полях.

Проведенный анализ социопсихологического аспекта диады «свой – чужой» показал, что она связана с проблемами (само-) идентификации и (само-) идентичности, выступающими в качестве важных защитных механизмов психики человека и обусловленных многочисленными процессами жизни современного мира. Данный аспект рассмотрения акцентирует внимание на вопросах межгрупповых отношений, феномене внутренней кооперации и проблемах межгрупповой враждебности, внутригрупповых и внешних конфликтов. Противопоставление «свой – чужой» как культурная универсалия имеет архетипическое проявление и в разных видах пронизывает всю культуру; является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения; предстает в виде базового при формировании этнических стереотипов и выступает одним из главных условий существования этничности в целом.

Систематизация и рассмотрение возможных средств языковой объективации противопоставления «свой – чужой» доказали, что основной

характер членения мира с позиции определения «своего» и «чужого» обеспечивает практически безграничную экспликацию семантики оппозиции «свой – чужой» с помощью большого массива средств, включающих лексико-фразеологические, морфемные, синтаксические единицы.

Анализ реализации оппозиции «свой – чужой» в различных институциональных видах дискурса показал, что данная оппозиция наиболее ярко проявляется в политическом, массмедийном, религиозном и юридическом видах дискурса.

В политическом дискурсе вся суть процесса борьбы за власть основывается на противопоставлении «свой – чужой», которое определяет выбор линии поведения любого политика и объясняет его позицию, соотносится с особенностями агональной природы дискурса, характеризуется подвижностью, вариативностью на различных уровнях дискурса.

Ключевая роль исследуемой диады в религиозном дискурсе обусловлена его сакральным характером, отделением «своего», приносящего спокойствие, умиротворение, от «чужого», беспокоящего, терзающего, волнующего. Ранжирование участников религиозного дискурса на «своих» и «чужих» осуществляется по следующим критериям: приверженец какого-либо религиозного течения (свой) – его противник (чужой); соблюдающий суперморальные и моральные нормы / ценности (следующий заповедям) – не следующий заповедям; владеющий языком религии, остающимся не до конца понятным основным массам в силу своего тайноречия (свой) – не владеющий языком религии.

«Свой – чужой» в массмедийном дискурсе проявляет себя в четырех оппозитивных моделях: 1) журналист – государство (в роли «чужого» оказывается журналист с «невыгодными» для политики государства взглядами, что в свою очередь влечет, со стороны государства: введение цензуры, запугивание журналистов, арест, применение DoS-атак и пр.); 2) журналист – адресат (актуализируется в случае, если позиция журналиста отличается от мнения аудитории, журналист проповедует идеи, чуждые

отдельным социальным группам или большинству потребителей массмедийного дискурса); 3) журналист – журналист (предполагает противопоставление двух журналистов, профессиональные взгляды которых имеют какие-либо разногласия); 4) адресат СМИ1 – адресат СМИ2 (противопоставляется аудитория одного журналиста / телеканала / интернет-ресурса и пр. аудитории с другими вкусами и предпочтениями). Каждый из участников массмедийного дискурса (агент или адресат) может занимать позицию своего или чужого как по отношению друг к другу, так и к потенциально своему (агент – агент или адресат – адресат).

Возможность реализации «свой – чужой» в юридическом дискурсе изначально обусловлена его целью, заключающейся в установлении законности или границы, преступая которые, агент / клиент дискурса начинает оцениваться как «чужой», не соответствующий общим нормам и правилам. Установлено, что в многообразии разновидностей юридического дискурса оппозиция «свой – чужой» проявляется в пяти основных оппозитивных моделях: 1) соблюдающий закон (свой) – не соблюдающий закон (чужой); 2) специалист (вхожий в систему, владеющий терминологической базой) – не специалист (обыватель, не принадлежащий к данной системе); 3) агент – клиент, по отношению к клиенту агент может выступать в качестве «своего» – адвокат (защитник) и в качестве «чужого» – прокурор (обвинитель); 4) агент – агент, где противопоставляется один агент другому в рамках институциональной ситуации общения: обвинитель – защитник (свой – чужой); обвинитель – судья, защитник – судья (ни свой – ни чужой); 5) клиент – клиент, т.е. клиент дискурса может разделять мнение другого клиента, в результате чего они становятся своими или, напротив, противостоять ему, тогда они вступают в отношения «свой – чужой».

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ «ЧУЖДОСТЬ» В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Коммуникативная категория «чуждость»: уточнение понятия

Прежде чем приступить непосредственно к анализу особенностей реализации чуждости в судебном дискурсе, на наш взгляд, следует расставить все точки над «i», уточнив наше понимание данной категории.

В первую очередь, требует комментария соотношение понятий коммуникативная и когнитивная категория. Не повторяя сказанного в первой главе по поводу термина «коммуникативная категория», заметим, что коммуникативные и когнитивные категории не являются, на наш взгляд, принципиально разнородными явлениями. Безусловно, чуждость, как и любая другая коммуникативная категория, может исследоваться как концепт / когнитивная категория. Однако в данной работе мы придерживаемся коммуникативного подхода к исследованию чуждости и не рассматриваем ее в качестве когнитивной категории.

Следующий вопрос, требующий пояснений, касается терминологического обозначения категории. В лингвистических работах, вслед за А.Б. Пеньковским [1989], впервые сформулировавшим гипотезу о существовании данной семантической категории и предпринявшим попытку ее описания, привычным стало наименование «чуждость», в то время как в философских работах, обсуждающих темы «своего» и «чужого», можно встретить понятие «чужесть» [Вальденфельс, www; Тейтельбаум, 2011].

Не вторгаясь в сферу зыбких философских различий между данными понятиями, а также не принимая во внимание наивно-языковую дифференциацию (*чужой* – не свой, *чуждый* – не свойственный, *неприемлемый*) (<http://otvet.mail.ru/question/172196656>), отметим имеющееся различие между данными словами с точки зрения стилистической коннотации (*чуждый* имеет в словарях помету *книжн.*), что в свою очередь

обусловлено различием в их происхождении. Согласно данным этимологических словарей [Фасмер, 1986], исконно русским является слово ‘чужой’, а слово ‘чуждый’, восходящее к сербск.-церк.-слав. *чуждъ*, является заимствованием, что мотивирует стилистическую окраску и абстрактность значения. Как пишет А.Ю. Скрыльникова, ссылаясь на В.В. Колесова: «в древнерусском языке «чужой» воспринимался как мир похожих, однородных, а не уникальных лиц и предметов, мир собирательности (...) происходит раздвоение прежде единого корня на две формы: одна воплотилась в разговорном слове *чужой*, – другая в книжном *чуждый*» [Скрыльникова, 2008, с. 97–98].

На наш взгляд, понятие «чуждость» соотносится не с пространственно-временной, а с духовной, внутренней удаленностью (неприемлемостью): *чуждые взгляды, поступки, интересы, чуждое мировоззрение, чуждая идеология, чужд зависти* и т.д. Это различие в семантике слов, вытекающее из различий форм, дифференцируется исследователями: «Разговорная форма слова (*чужой*) выражает обычно имущественные отношения, тогда как высокое книжное слово (*чуждый*) по-прежнему сохраняет все оттенки значения, передающего отвлеченный смысл чуждого, непонятного и потому неприемлемого» [Там же, с. 98]. Отмечая общую для всех славянских языков специфику семантической структуры производных, образующих лексические гнезда с корнем *чуж-* / *чужд*, А.Б. Пеньковский представляет их как комплекс взаимосвязанных значений: ‘чужой’ → ‘чуждый’ → ‘враждебный’ → ‘плохой’ [Пеньковский, 1989, с. 4–5]. Он демонстрирует сопряжённость категории чуждости с категориями отрицательной и положительной оценки: «говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и / или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно – в силу собственной враждебности) культуры, другого – чуждого – мира» [Там же, с. 8–9]. Объяснение внутреннего

механизма этой операции и особенностей ее языкового отражения и выражения автор предлагает искать в специфике структуры образов «своего» и «чужого» мира [Там же].

Накопленный внушительный лингвистический багаж исследования коммуникативной категории чуждости (Е.Э. Абдуллина, Е.Н. Вершинина, Е.П. Захарова, Е.В. Кишина, О.Н. Паршина, А.Б. Пеньковский, М.Н. Петроченко, Р.Н. Порядина, З.И. Резанова, А.Н. Серебренникова, А.Ю. Скрыльникова, Е.И. Шейгал и др.) позволяет нам, опираясь на многочисленные доказанные положения и выводы, обозначить тезисно следующие позиции, соотносимые с решением поставленных в данной главе задач.

В основе формирования коммуникативной категории «чуждость» лежит универсальная бинарная оппозиция «свой – чужой», что позволяет отнести данную категорию к оппозитивному типу, а также определить содержание данной коммуникативной категории как такую организацию коммуникации, при которой происходит противопоставление на своих и чужих, отстранение, отчуждение.

Дифференциация мира на «свой» и «чужой» охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности, любые межличностные бытовые и институциональные отношения строятся с учетом данного противопоставления. В связи с этим категория чуждости является обязательной категорией, участвующей в организации коммуникативного процесса, проявляющейся в разных типах коммуникативных ситуаций, обнаруживаемой в разных типах дискурса.

Согласно Е.П. Захаровой, коммуникативная категория чуждости выполняет две основные функции – смыслоорганизующую, связанную с предметом обсуждения или описания, и коммуникативноорганизующую функцию, проявляющуюся в характере использования средств, выборе набора стратегий и тактик говорящего [Захарова, 1998, с. 91].

А.Б. Пеньковскому принадлежит предположение, что выделенная им категория чуждости обладает собственными регулярными средствами языкового выражения (что показано в параграфе 1.3. Главы 1), а прагматический потенциал оппозиции «свой – чужой» обеспечивает широкую репрезентативность чуждости в дискурсе (что мы планируем продемонстрировать на примере судебного дискурса в настоящей главе).

Категория «чуждость» связана с речевой деятельностью говорящего, прагматический характер категории обусловлен личностно-ценностными установками говорящего, что проявляется в его коммуникативном поведении, выборе определенных стратегий и тактик. Уточним, что коммуникативная категория чуждости актуализируется в судебном дискурсе посредством коммуникативных стратегий и тактик (их рассмотрению будет посвящен параграф 2.4. данной главы).

Коммуникативная категория «чуждость» представляет, на наш взгляд, сложное многомерное образование, проявляющееся эксплицитно – с помощью системы собственных регулярных средств языкового выражения (1.3. глава 1), вербальных знаков чуждости (2.2. глава 2) и имплицитно – с помощью других, более частных коммуникативных категорий, конституирующих ее и маркирующих ее проявление в дискурсе. Такими базовыми конститuentами сложноорганизованной категории чуждости в судебном дискурсе выступают категории агональности и ритуальности (что будет показано в 2.3. главы 2).

Таким образом, коммуникативная категория «чуждость»; а) является обязательной коммуникативной категорией, проявляющейся в разных типах дискурса; б) обладает собственными средствами выражения и имеет собственное содержание, основой формирования которого выступает универсальная архетипическая оппозиция «свой – чужой»; в) связана с прагматическими установками говорящего и реализуется в его стратегическом коммуникативном поведении; г) является сложным

образованием, в состав которого включены частные категории, служащие одним из способов ее проявления в дискурсе.

2.2. Маркеры чуждости в судебном дискурсе

Мы определяем чуждость как такую организацию коммуникации, при которой обязательно происходит противопоставление на своих и чужих, реализуемое при помощи определенных стратегий и тактик, а также при помощи вербальных и невербальных средств – знаков чуждости.

Задачей данного параграфа является рассмотрение маркеров чуждости в судебном дискурсе. Учитывая, что в любом виде общения естественным образом переплетаются два вида семиотики: вербальная и невербальная, выделим вербальные и невербальные маркеры чуждости и рассмотрим их последовательно.

Как мы показали ранее, коммуникативная категория чуждости, базирующаяся на оппозиции «свой – чужой», располагает многообразными языковыми средствами, потенциально способными выступать знаками чуждости (параграф 1.3. главы 1).

Не повторяя сказанного, в данной части исследования перечислим те маркеры чуждости, которые выделяются исследователями [Пеньковский, 1989; Шейгал, 2000]:

- Дейктические и полнозначные знаки, содержащие компонент дистанцирования – *эти, они, и уже с ними* и т.д.
- Показатели умаления значимости – идентификаторы нижнего уровня тимиологической оценки – *всякие, разные, какой-нибудь там*. Под тимиологической оценкой понимается оценочное ранжирование по параметру «важное, существенное, значительное, серьезное – неважное, несущественное, несерьезное, то, чем можно пренебречь, на что не следует обращать внимание».

- Показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов: кавычки и лексические маркеры *якобы, так называемый, пресловутый*. Деривационно-смысловая цепочка пейоративного отчуждения в данном случае выглядит следующим образом: «сомнительный, не заслуживающий доверия» → потенциально опасный → чужой, незнакомый → враг».

Проведенный нами анализ стенограмм судебных заседаний и видеофрагментов позволил выделить следующие маркеры чуждости в судебном дискурсе:

1. Дейктические и однозначные знаки, содержащие компонент дистанцирования: *эти, они, и уже с ними, там, заморские, забугорные, заграничные* и др.

Прокурор: *Собственником этой квартиры кто стал в итоге? (...)*

Свидетель: *А не в конечном можно поговорить с нашими финансистами, пусть **они** скажут, кто **там** стал (ССЗ).*

При употреблении данных знаков свидетель мысленно очерчивает круг, отделяющий своих от чужих. Он дистанцируется от лиц, которые должны нести ответственность за совершенное деяние и давать показания вместо него. Аналогичную цель, используя указанные знаки, преследует в своем комментарии защитник: *Нет, у вас написано: «Потерпевший». Мы уточняем, вдруг **там** появился кто (ССЗЛ1).* Лексема *там* используемая в значении ‘чуждая сторона обвинения’, подчеркивает, что противопоставленные защитнику ОНИ находятся по ту сторону границы мысленно очерченного круга.

2. Ядерные средства реализации оппозиции «свой – чужой» – местоименные слова, основной набор которых сводится к следующим парам противопоставления сфер «свое – чужое»: *я – ты; мы – вы; мы – они; мой – твой; наш – ваш; наш – их; этот – тот; здесь, тут – там; сейчас, теперь – тогда, у меня – у тебя, мне – тебе* находит выражение в судебном дискурсе:

Рассмотрим на примерах:

Защитник: *Тогда получается, что у стороны обвинения вопросы уже заранее подготовлены.*

Обвинитель: *Мы сидели, писали здесь.*

Защитник: *Но они заранее знали о вызове эксперта (ССЗА3).*

В данном эпизоде защитник противопоставит чуждой для него стороне обвинения, критикуя которую, он побуждает ее к ответному возражению-опровержению. Местоимение *мы* противопоставлено *они*. Помимо этого, защитник устанавливает пространственно-временные границы *здесь (=сейчас) – заранее (=раньше)*, демонстрируя их оппозитивность, указывает суду на явные нарушения обвинением судебной процедуры.

В следующем комментарии: *Так, Е., мы разберемся: что там соответствует, а что нет. Ваше сейчас дело – сидеть и молчать* (ССЗА, Л, Е, Д-14), судья использует указанные знаки для очерчивания границ, напоминает ему о необходимости следования регламенту судебного разбирательства и подчеркивает свою позицию.

В следующем примере используемые знаки *моя – не ваша, мы – я* позволяет судье выразить личную позицию, дистанцироваться от всех остальных участников судебного дискурса, с одной стороны, с другой – включить в круг своих защитника и обвинителя, противопоставляя данный тандем присяжным заседателям:

Судья: *Вопрос по присяжным — это моя компетенция, не ваша. Поэтому обсуждать мы ничего не будем. Я лишь довожу до вашего сведения, что у нас также болят присяжные (ССЗА1).*

3. Показатели умаления значимости, относимые к идентификаторам нижнего уровня тимиологической оценки: *всякие, какие-то, какой-нибудь там* и пр. В приводимом ниже примере с помощью знака *с этим вашим* происходит ранжирование по параметру «существенное – несущественное», что подчеркивает несущественный характер тех замечаний, которые были изложены оппонентами, умаляет значимость обвинителя перед судом,

выражает значение «обезразличивающего обобщения», выводят референт за границы круга «своих» и провоцирует коннотацию «пейоративного отчуждения» (по А.Б. Пеньковскому):

Адвокат: *Значит, мы ознакомились с этим вашим ходатайством о продлении стражи (ССЗЛ1).*

Умаление значимости превращается в принижение и оборачивается отчуждением.

В следующем примере употребление неопределенного местоимения *какой-то* с ироничным подтекстом усиливает противопоставление *наших свидетелей* и *свидетелей из Чечни*, находящихся в круге чужих, что вместе маркирует проявление чуждости в судебном дискурсе:

Защитник: *Абсолютное искажение показаний свидетелей, которые были вызваны по нашему ходатайству. Я согласен, что вот свидетели из Чечни, которые были вызваны по ходатайству представителей потерпевшего, одновременно и свидетели по настоящему делу – странно, что прокурор не упомянула в показаниях господина К. как обвинительного доказательства, но, видимо, тут какой-то пробел (ССЗО2).*

Заметим, что помимо смысла ‘чужой’, в данном примере выделенное языковое средство работает на имплицитное выражение **возражения замечание**, являющееся ответной реакцией на критику со стороны обвинения (ССЗО2).

4. Показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов: *якобы, так называемый, пресловутый* и пр. являются еще одним маркером чуждости, обнаруживаемом в судебном дискурсе.

Рассмотрим фрагмент стенограммы судебного заседания: *Поскольку эксперты в данной ситуации ссылаются на материалы уголовного дела, они, безусловно, могли увидеть в материалах, хотя бы показания тех лиц, которые утверждают, что якобы выстрелы с незначительного расстояния производил Х. или А.. Внимательный эксперт в таком случае не мог не обнаружить следов пороховых, которые могли быть на лице, т.к. там*

отмечаются выстрелы в височную область убитых, поэтому я обращаю внимание на то, что экспертизы были поверхностные (ССЗА).

В данной реплике защитника его пейоративное отчуждение по отношению к экспертам основывается на следующей деривационно-смысловой цепочке «непрофессиональный → сомнительный → не заслуживающий доверия → чуждый для стороны защиты».

В следующем эпизоде судья ставит под сомнение показания свидетеля: *А откуда к Вам поступила информация, что Ц. якобы задержан не в том месте, как это указано в документах?* Сомнение в достоверности показаний свидетеля является знаком недоверия, маркером отчуждения.

Описав вербальные знаки, маркирующие проявление чуждости в судебном дискурсе, нельзя не отметить, что невербальные знаки судебного дискурса могут также выступать маркерами чуждости. Прежде всего, следует заметить, что сама семиотика судебного процесса заставляет гражданское лицо ощущать себя неуютно, чувствовать себя чужим в зале суда. Этому способствуют специфические семиотические маркеры.

Семиотика одежды является одним из маркеров чуждости. Общеизвестно, что использование семиотически маркированной одежды позволяет подчеркнуть свой авторитет и отделить себя от непосвященных. К примеру, служители права облачаются в мантию, форму, носят головные уборы – как символ власти и возвышения, погоны. Отсутствие мантии у судьи в какой-то мере лишает его той государственной власти, которую он должен олицетворять.

Судебный гардероб состоит из нескольких элементов, но основным его атрибутом является мантия, напоминающая участникам судебного процесса и всем, кто присутствует при осуществлении правосудия, об особом статусе судьи как беспристрастного вершителя правосудия. Современная судейская одежда, в том числе в России, восходит к придворной моде и церковным и монашеским облачениям европейского средневековья, зафиксированным в Судейских правилах (Judges' Rules) 1635 года [Судейская мантия как лицо

правосудия, www]. Заимствованный покрой мантии в виде свободной одежды, напоминающей крылья ангелов у священнослужителей, символизирует избранность судей и позиционирование их как посланников Бога при вершении правосудия. Округлость рукавов указывает на утонченность манер, прямота швов – неподкупность при свершении правосудия, нижний край – горизонтальность коромысла весов, твердость воли и спокойствие сердца [Википедия, www].

Семиотика цвета также играет важную роль: черный базовый цвет мантии, символизирующий беспристрастность судьи, на наш взгляд, можно отнести к маркерам чуждости. Однако, по замечанию А.В. Олянича и Т.Н. Астафуровой, «в Европе наряду с позитивной аксиологией, семиотика черного включала ярко выраженные негативные коннотации смерти, гибели, любого злого деяния, скорби, тоски, коварства, лжи, убийства, колдовства, черных замыслов и пр.» [Олянич, Астафурова, 2014, с. 38]. Таким образом, можно объяснить наличие негативной коннотации в британской концептосфере, основанной на черной колореме: «*black cap* – черная шапочка судьи, надеваемая при произнесении смертного приговора; *black flag* – черный флаг, поднимаемый над зданием тюрьмы в день казни; *black-bag job* – незаконный обыск в отсутствие владельца; *blacklaw* – сегрегационные признаки правосудия, применяемого только к цветным» [Там же, с. 39]. Что касается цвета одежды других участников судебного заседания, то закрепленный синий цвет формы у государственных обвинителей в российской системе правосудия толкуется как цвет истины [Амур.Инфо].

Парик как дополнение к форме одежды судей в настоящее время сохранился только в традициях английского правосудия. Изначально лингвосемиотика белого цвета париков оценивалась как символ справедливости, парики служили некой защитой, помогали судьям скрыть свои истинные лица, что придавало их решениям еще больше объективности.

Данный аксессуар также можно рассматривать как маркер чуждости, как средство отчуждения и отстранения от клиентов дискурса.

Среди других символических знаков судебного дискурса можем указать такие, как статуя Фемиды, небольшой церемониальный молоток судьи и плашка, символизирующая право на необратимое решение. В последние несколько десятилетий в Восточной Европе также стали особенно популярны медальоны и цепи, транслирующие статус носителя и источника власти, т.е. чьим именем выносятся решение. Кроме того, маркируют проявление коммуникативной категории чуждости такие средства, как очки, костюм и другие символические артефакты или, другими словами, атрибуты среды. Например, взгляд судьи поверх очков можно рассматривать как потенциальный маркер оценки и критического отношения, который провоцирует последующее поведение партнера по коммуникации: он скрещивает на груди руки, закладывает одну ногу на другую, за этим следует целая серия жестов, говорящих о негативном отношении к собеседнику.

Еще одним значимым маркером чуждости, проявляемым в судебном дискурсе, является семиотика пространства. Известно, что проксемика содержит в себе много скрытых значений, так как каждый человек бессознательно включен в незримый диалог с вещами, окружающими его в интерьере и воздействующими на него и его близких. В судебном дискурсе к категории символов-артефактов, сохранивших свою значимость и в наше время, относятся здания и помещения, в которых располагаются залы судебных заседаний. В большинстве случаев они располагаются на возвышении – это трибуна, дворец, отдельное строение. Так мысленный образ физического пространства закрепляется в сознании людей и служит знаком определенного события. Обязательное наличие совещательной комнаты, куда удаляется суд для обдумывания решения по рассматриваемому делу, еще раз демонстрирует статусное неравенство участников судебного заседания, становится маркером чуждости, т.к. судьи

оказываются в дистанцированном положении, противопоставленном всем остальным участникам заседания.

Традиционное расположение мебели в зале судебных заседаний – представители защиты и обвинения располагаются друг напротив друга, место судьи находится выше общего уровня зала, отдельная трибуна для свидетелей на нейтральной территории, несколько мест для публики также создают эффект отчуждения противоборствующих сторон и нейтральное, даже возвышенное положение судьи, подчеркивая тем самым его статус как высшего органа законности. Подобная обстановка залов с присущим ему минимализмом в интерьере, создает ощущение значимости непосредственно происходящего коммуникативного события, отчетливого понимания, что именно в зале судебного заседания будут решены судьбы многих людей.

Закрытый доступ, необходимость удостоверений и других разрешающих документов для входа на территорию правовых институтов также могут служить особым маркером чуждости в судебном дискурсе, ее взаимосвязь с ритуальностью как конститутивного признака рассматриваемого дискурса (о ритуальности пойдет речь ниже). Специфическая атмосфера судебного дискурса, в которой посторонний человек (ни агент и ни клиент) является чужим, создается также с помощью особых знаков – эмблемы органов правосудия, строго фиксированных форм оформления юридических документов.

В судебном дискурсе, помимо указанных искусственных знаков реализации чуждости, не менее значимыми оказываются естественные невербальные знаки.

Не рассматривая существующие классификации невербальных средств [Крейдлин, 2002; Пиз, 2000; Nöth, 1990 и др.], заметим, что непосредственную корреляцию с категорией чуждости в судебном дискурсе мы находим в таких видах невербальных средств, как: 1) кинетические средства (жесты и позы); 2) фонационные средства (тембр голоса, темп и громкость речи, устойчивые интонации, особенности произнесения звуков,

заполнения пауз); 3) мимические средства (окулесика в терминологии Г.Е. Крейдлина); 5) актонические средства.

Невербальное поведение людей условно делится на два типа: «поведение, ориентированное на достижение кооперации с партнером и поведение, направленное на доминацию в коммуникативном акте. Второй тип поведения часто бывает агрессивным, угрожающим, враждебным или воинственным, контролирующим поведение партнера и вызывающим у него стресс» [Крейдлин, 2005, с. 133].

Поэтому неслучайным является использование агрессивных жестов у противоборствующих сторон в зале судебного заседания, демонстрирующих агональный характер их поведения.

Анализ видеоматериалов судебных заседаний показал, что к маркерам чуждости в судебном дискурсе к невербальным маркерам чуждости относятся знаки агональной борьбы, агрессивные знаки, которые участники зачастую демонстрируют интуитивно. Как известно, агональному коммуникативному поведению свойственны такие знаки, как рубящий жест рукой, символизирующий взмах оружия; сомкнутый кулак, как признанный символ агрессии; покачивание головой как знак негативной оценки действий адресата; эмоциональный тембр голоса, сигнализирующий о неодобрении своего оппонента, о неприятии его точки зрения; громкость голоса, являющаяся средством выражения гнева, недовольства. Кроме данных знаков агональности, к маркерам чуждости также можно отнести закрытые жесты, воспринимаемые как угрожающие или символизирующие попытку отгородиться от окружающих.

В качестве иллюстрации сказанного приведем пример описания поведения во время прений сторон в уголовном деле Кучеренко В.В.: во время своего выступления защитник опирается на стол обеими руками, тело выдвигает немного вперед, т.е. принимает позу нападающего, пальцы рук при этом держит в кулаках (УДК). Кулаки в данном примере демонстрируют боевой настрой адвоката, желание борьбы и соперничества, что маркирует

проявление чуждости. Жест «адаптор» – скрещивание рук на груди, их постоянное потирание совместно с жестом «манипулятором» – захват ручки, свидетельствует о наличии стресса, эмоционального напряжения у адвоката и его желании напасть на оппозиционную сторону обвинения с целью получения оправдательного приговора для подсудимого.

Соотносится с идеей объективации категории чуждости манипулирование большими пальцами, которое обозначает превосходство над всеми остальными.

Наряду с этим, жесты «адапторы» (прикосновение к собственному телу) также потенциально способны актуализировать коммуникативную категорию «чуждость» в общении, к примеру, захват висящей руки другой, согнутой в локте, или сцепление обеих рук внизу, их скрещивание на груди или за спиной, посадка нога на ногу или скрещивание ног в положении стоя, почесывание или потирание века, уха, шеи, оттягивание воротничка, жесты самоочищения. Жест поднесения руки ко рту во время слушания партнера свидетельствует о недоверии к нему, а аналогичный жест во время собственной речи – свидетельство ее неискренности.

К потенциальным маркерам чуждости мы также относим ряд жестов «манипуляторов» (прикосновение к предмету, например, к сумке, ручке, карандашу, часам, документам и / или удерживание его обеими руками). Все эти знаки свидетельствуют о внутреннем эмоциональном накале коммуникантов и, как следствие, проявлении категории чуждости: говорящие пытаются отгородиться, отвлечься от своего внутреннего стресса. В этом случае отчуждение, в первую очередь, направлено на свои внутренние переживания и стресс, человек интуитивно ищет пути нормализации психического состояния, тяготеет к гармонии. Во-вторых, происходит отчуждение оппонента, который представляет угрозу для говорящего, в рамках судебного заседания оппонентами для адвоката и подзащитного является сторона обвинения, для обвинителя – сторона защиты, для

потерпевшего – подсудимый, для свидетелей – стороны, представляющие интересы противоположной стороны.

Рассмотрим еще пример видеофрагмента, в котором на реализацию категории чуждости работают невербальные жесты «адапторы» и «манипуляторы» совместно с вербальными маркерами. Противоположные позиции занимают адвокат и судья, вопреки регламентированному нейтралитету судья в данном примере также демонстрирует использование чуждости в своей речи и поведении. Судья, во-первых, постоянно перебивает адвоката, пользуясь своим авторитетом, и не дает ему слово. Следующая реплика судьи: *Произвольные записи я запрещаю делать в уголовной записи, без моего ведома, тем более* (УДК) демонстрирует его интенцию очертить грань дозволенного, нарушение которой символизирует, что адвокат становится чужим. Маркерами чуждости выступает сочетание вербальных знаков (повелительное наклонение, усилительная частица *тем более*) с невербальными: а) повышение голоса, свидетельствующее о некоторой степени гнева и раздражении, логическое ударение на слове *запрещаю* и *без моего ведома*; б) скрещенные руки и ноги судьи, символизирующие несогласие, дистанцирование; в) избегание прямого контакта глаз, взгляд в сторону, выражение лица – хмурое, уголки рта опущены, брови сведены; г) во время своих реплик судья постоянно перебирает бумаги на столе, открывает и закрывает рассматриваемое дело, перекладывает стопки дел (жест «манипулятор» в данном случае говорит о внутреннем несогласии, стрессе). На попытку адвоката вставить реплику-мнение по поводу своих действий, судья отвечает: *Вы можете на меня отреагировать ...* (пауза) *процессуально на Ваши такие действия.*

Речевой перебив совместно с паузой и пристальным взглядом свидетельствует о негативном настрое судьи, что служит маркером проявления чуждости по отношению к адвокату.

Кроме перечисленного, анализ примеров видеофрагментов судебных заседаний показал, что одним из маркеров чуждости выступает

отрицательный мимический рисунок, характеризующийся опусканием уголков рта и нижней челюсти, сведением бровей, при общем снижении мышечного тонуса всей системы тела.

Не менее функциональным средством для выражения категории чуждости являются глаза и взгляд, играющие роль коммуникативного центра и притягивающие внимание других коммуникантов. Особенно многозначен взгляд человека, он включает в себя множество оттенков переживаний человека и в какой-то мере даже способен заменить голос. «Общение “лицом к лицу” включает контакт глаз, т.е. обмен взглядами, который может означать больше, чем произнесенные слова или совершаемые действия. Встречаясь взглядами на доли секунды, люди непосредственно проникают во внутренний мир друг друга, понимают его и стараются учитывать. При единоборстве взгляд используется как оружие; иногда он прячется, но редко обманывает» [Барабанщиков, 2012, с. 33]. Так, пристальный взгляд (пороговой отметкой считается 10 сек.) рассматривается в качестве показателя нервного перевозбуждения адресатов и может выявить желание к доминированию, показаться угрожающим [Зуев, 2004], следовательно, может рассматриваться как выражение чуждости.

В качестве примера опишем небольшой эпизод судебного заседания, в начале которого адвокат, не соглашаясь с замечанием судьи по поводу сделанных замечок на листах уголовного дела, настойчиво пытается отстоять свою точку зрения. Судья противостоит всем аргументам, но защитнику все же удается высказаться. Во время выступления судья пристально смотрит на адвоката и постоянно качает головой, уголки рта и нижней челюсти судьи опущены, брови сведены, нахмурены. Все эти знаки служат выражением несогласия судьи, его негативной оценки действий стороны защиты, маркируют его отчуждение.

Избегание контакта глаз может означать желание отстраниться или может продемонстрировать пренебрежение. Взгляд искоса в сочетании с отрицательным рисунком лица (нахмуренные брови или же опущенные

уголки рта) является знаком подозрительного или критического отношения. Рассмотрим обозначенные маркеры чуждости на примере поведения адвоката (УДК). Во время судебных прений сторон адвокат избегает контакта глаз, не смотрит ни на оппозиционную сторону обвинения, ни на судью: его глаза направлены в пол, демонстрируя полную концентрацию, использует жест «адаптор» и «манипулятор», захват одной опущенной рукой другую, в которой находится ручка. Защитник постоянно трогает и вертит ручку в руках, большим пальцем теревит рукав пиджака, поправляет и запахивает его перед собеседниками. Данный набор жестов указывает на высокую степень эмоционального стресса и желание закрыться, сконцентрироваться, выражает неприятие адвокатом действий оппонентов и всей ситуации в целом.

Среди фонациональных средств коммуникации маркерами чуждости в судебном дискурсе выступают: повышение высоты и громкости голоса, поскольку громкий голос – это показатель нервного возбуждения и желания показать свое превосходство, подавить противника. Практический материал показал, что весьма часто к данному способу прибегает судья, нередко случаи, когда замечания участникам процесса сделаны громким голосом. С одной стороны, судья привлекает внимание, а с другой – указывает на важность следования строго определенным нормам поведения каждого участника процесса, призывает к порядку, напоминая тем самым, что участники судебного дискурса чужие по отношению к своим личным предпочтениям и должны следовать только нормам дискурса. Но как показывают проанализированные примеры, повышение голоса может быть и признаком возмущения со стороны защиты. Рассмотрим небольшой отрывок из уголовного дела, в котором адвокат, высказывая свое мнение, эксплицирует чуждость. С самого начала он резко отодвинул стул и произнес:

Я считаю, что этот ордер, по которому именно вы Ваша Честь ввели и рекомендовали его, в ущерб моей профессиональной репутации (голос повышается) (УДК).

Судья начинает перебивать защитника, вставляет: *Остановитесь, остановитесь, остановитесь, Я Вам делаю замечание за **некорректные** высказывания в адрес председательствующего.*

Повышение голоса обоих агентов подчеркивает их нервозность, эмоциональную напряженность ситуации, маркирует проявление чуждости по отношению друг к другу.

Обратимся к описанию поведения адвоката (УДКВ): выслушивая замечания, он держит свои руки скрещенными (что создает барьер, закрывает его), большие пальцы рук перебирают (свидетельствует о напряжении), трогает себя, пытается успокоиться. Судья: *Следите за своей речью, что вы говорите.* После этого адвокат присаживается, резко подставляет стул, берет ручку, несколько раз ее вращает в руках, открывает и закрывает колпачок, резко швыряет ее на стол.

Комплекс описанных невербальных знаков выражает негативные эмоции адвоката, его неприятие, отстраненность от позиции партнера по коммуникации.

Проанализированные маркеры чуждости в судебном дискурсе по характеру плана выражения можно разделить на вербальные и невербальные. Семиотически значимыми для судебного дискурса являются вербальные маркеры чуждости: местоименные слова, относящиеся к ядерным средствам выражения оппозиции «свой – чужой», дейктические и полнозначные знаки, содержащие компонент дистанцирования, показатели недоверия и умаления значимости. К невербальным маркерам чуждости относятся специфические атрибуты сред, семиотика пространства, просодические, жестовые, мимические, актонические компоненты коммуникации, потенциально присутствующие в судебном дискурсе и сопровождающие вербальные средства.

2.3. Средства реализации коммуникативной категории «чуждость» в судебном дискурсе

Доказанными сегодня являются положения, что судебный дискурс реализуется в двух основных типах – состязательном и совещательном, которые отличаются высокой степенью ритуальности, при этом состязательный дискурс в судебном процессе приоритетен по отношению к совещательному [Васильянова, 2007; Климович, www].

Очевидно, что состязательность (или агональность) и ритуальность являются базовыми свойствами судебного дискурса, его ключевыми характеристиками, маркирующими данный вид дискурса. Нам представляется логичным считать, что коммуникативные категории «ритуальность» и «агональность» структурируют коммуникативную категорию чуждости и служат средствами ее идентификации в судебном дискурсе.

В данной части исследования нас интересуют те маркеры ритуальности и агональности, которые выступают средствами реализации категории чуждости. Рассмотрим данные категории последовательно.

2.3.1. Ритуальность как средство реализации чуждости в судебном дискурсе

Неоднократно подчеркивалось, что судебный дискурс имеет наиболее ритуализованный характер: «судебный дискурс представляет собой особый вид речевой деятельности, имеющий институциональную природу и ритуальный характер» [Тютюнова, 2008, с. 56]. По мнению М.Г. Извековой [2006], среди всех коммуникативных действий, имеющих место в юридическом дискурсе, наиболее ритуализованным является именно судебное заседание, т.к. ему характерна меньшая доля свободы в выборе языковых средств, оно отличается стандартизацией деятельности и четкой

привязанностью к нормам поведения. Статус ритуального события полностью оправдывается такими его характеристиками как сценарность, ролевая структура и символичность. Попутно заметим, что степень ритуализованности дискурса способна варьироваться: «чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они регламентированы, тем сильнее контролируется соблюдение норм, стандартов и образцов» [Дженкова, Тютюнова, 2014, с. 532]. Исходя из сказанного, мы понимаем, что судебное заседание является жестко регламентированной сферой поведения с высокой степенью контроля за соблюдением норм ведения дела в суде.

Поскольку коммуникативная категория «ритуальность», насколько нам известно, не рассматривалась как категория, конституирующая коммуникативную категорию чуждости и выступающая средством реализации последней в судебном дискурсе, нам представляется актуальным в данном параграфе проанализировать специфику проявления ритуальности как средства реализации чуждости.

Под ритуалом обычно понимается «выработанный обычаям или установленный порядок совершения чего-либо; церемониал» [Грамота.ру]. Высокая степень ритуализованности судебного дискурса отражена в его структуре. Данный тезис вытекает из определения видов дискурса М. Фуко «религиозные, юридические, терапевтические, а также частично – политические дискурсы, – пишет он, – совершенно неотделимы от такого выполнения ритуала, который определяет для говорящих субъектов одновременно и их особые свойства и отведенные им роли» [Фуко, 1996, с. 71]. Ритуал закрепляет постоянные характеристики представителей определенной группы, и в этом смысле он не подвержен изменению. Ритуал сориентирован на некоторое действие в его сюжетной целостности [Карасик, 2004, с. 333].

Прежде всего, проявление категории чуждости посредством ритуальности маркирует невербальная семиотика, а именно, искусственные невербальные средства выражения ритуальности, описанные ранее (параграф

2.2. данной главы) – семиотика пространства (организация пространства в зале суда, символизирующая наличие противоборствующих сторон и непримиримость позиций оппонентов), семиотика одежды, костюма и атрибуты среды, неизменно присутствующие в судебном дискурсе.

Внутренняя характеристика ритуального действия проявляется в степени жесткости фиксации тех или иных параметров исходной ситуации, если проецировать данное замечание на судебный дискурс, то здесь отметим строго фиксированный состав участников, четкие цели, хронотоп, условия протекания событий и т.д.

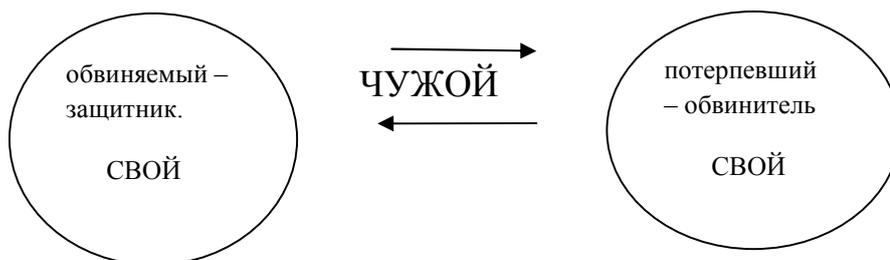
Начнем с характеристики структуры судебного заседания. Согласно ритуалу, любое судебное заседание открывает самое высокое по статусу должностное лицо – **председательствующий**, который объявляет какое дело подлежит разбирательству. Проявление коммуникативной категории чуждости можно проследить уже с самого начала заседания, так как председательствующий априори по своему статусу противопоставлен всем остальным участникам судебного дискурса, он является *чужим* как по отношению к стороне обвинения, так и к стороне защиты, не проявляет какой-либо симпатии / антипатии ни к одной из сторон.

Еще одной традиционной частью судебного заседания, демонстрирующей категорию чуждости, является процедура **судебных прений**, во время которых две конфронтативные стороны – представитель органа прокуратуры / обвинитель и потерпевший со своим защитником поочередно берут слово и оперируют фактами и доказательствами своей позиции. Заметим попутно, что данная ритуально закрепленная часть заседания в наибольшей степени выражает агональный характер судебного дискурса (о средствах агональности пойдет речь в следующей части исследования): стороны соревнуются, доказывая *свою* правду по рассматриваемому делу. Участники судебных прений группируются по принципу «свой – чужой», таким образом, мы имеем диадную структуру судебного заседания, с одной стороны, диада – обвиняемый и его защитник

(являющиеся *своими* по отношению друг к другу), с другой стороны, диада – потерпевший и обвинитель (также являющиеся *своими* по отношению друг к другу), однако между собой данные диады противопоставлены как *чужие*. Проиллюстрируем на схеме.

Схема № 1

Оппозиционные отношения агентов судебного дискурса

Весь ход судебного заседания базируется на чередовании процессуальных действий сторон, так за каждой репликой защиты следует реплика обвинения, за действиями анализа доказательств одной стороной сразу же следует изложение позиции, противостоящей этому анализу, иными словами на каждый ход предусмотрена возможность ответного хода.

Ритуализированный характер процедуры называния участников судебного дискурса, т.е. определения лиц по признакам, обусловленным каким-либо их действием, отношением, положением: государственный обвинитель, судьи, подсудимый, потерпевший, свидетель также служит средством выражения коммуникативной категории чуждости. Агенты и клиенты судебного дискурса одновременно получают определенное наименование и целый спектр новых соответствующих функций и обязательств, они отчуждаются друг от друга и от своего предыдущего статуса. Обретение нового статуса и временное отстранение от своего привычного положения выступает в роли еще одного способа экспликации коммуникативной категории чуждости в судебном дискурсе. Так, участник судебного разбирательства вместо обычного гражданина становится защитником, обвинителем, судьей, потерпевшим, подсудимым, свидетелем и

пр. со своими строго закрепленными правами и обязанностями. Рассмотрим данный тезис на примере:

Адвокат Суньян Исмаилов начал свое выступление словами: «Ваша честь, я считаю, что мой подзащитный невиновен», на что последовал бурный протест судьи: «А вот я вас сейчас удалю из зала суда, поскольку ваша позиция расходится с признанием обвиняемого» (Дискриминация по признаку места жительства и этническому признаку в Москве и Московской области. Август-декабрь. 1999. НКРЯ).

Обязательное обращение к суду со словами «Ваша честь» строго определяет доминирующую позицию суда по отношению к остальным участникам судебного дискурса, эксплицирует представления о суде как органе государственной власти, осуществляющим правосудие.

Переход участников судебного дискурса из мира повседневности в мир правовых отношений сопровождается набором ритуальных действий, жестко клишированных ритуальных текстов, которые произносят участники, например, ритуальные реплики, иницирующие начало и конец судебного заседания (*Прошу всех встать, суд идет!*), присяга / клятва свидетелей, другими словами, своеобразных правил игры, по которым производится высказывание (завещание, дарение и т.п.). Заметим, что на данный момент российская правовая система не предусматривает такого элемента, как присяга / клятва свидетелей, он был закреплен лишь в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., согласно ст. 711 «свидетели приводятся к присяге в судебном заседании» [Российское законодательство X-XX веков, 1984, с. 178]. Аналогом присяги свидетелей в РФ является обязательное осведомление всех участников судебного процесса об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, либо отказ от дачи показаний [УК РФ, ст. 307, 308, www].

Таким образом, перечисленные характеристики и условия организации судебного дискурса служат средством актуализации коммуникативной категории чуждости, так как агенты и клиенты дискурса согласно

установленному ритуалу отчуждаются, отстраняются от внешнего мира и начинают существовать внутри своего сложившегося дискурсивного пространства.

Помимо отмеченных средств, признаком ритуальности судебного дискурса может служить и частое использование общественно закрепленных формул (клише), выражающих юридические отношения, однозначно и точно передающих соответствующие понятия и факты: *отсрочка наказания, квалифицировать действия, вредные последствия, по предварительному сговору* и т.д. [Абрамова, Бенъяминова, 2008, с. 31]:

Это давало основание суду квалифицировать действия Б. не по 105-й статье УК, значившейся в обвинительном заключении, а по 107-й, предусматривающей более мягкое наказание и попадающей под амнистию (Известия. 07.02. 2002. НКРЯ).

В приведенном пассаже действия агента обусловлены строгим соблюдением должностной инструкции, не допускающей каких-либо личных мнений и эмоций.

Коммуникативные стратегии агентов судебного дискурса также подвергаются ритуализации. При этом они теряют такие важные характеристики, как гибкость и динамика, практически перестают зависеть от оппонента, меняющегося контекста и закрепляются за социальными институтами и ролями агентов и клиентов юридического дискурса. Так исследователи утверждают, что за защитником и / или адвокатом закреплена коммуникативная стратегия защиты (определяемая как совокупность речевых действий адвоката судебного заседания, направленных на опровержение обвинения и/или смягчение ответственности подсудимого), за обвинителем – стратегия обвинения, что определено принципом построения их коммуникативного поведения [Климович, www; Никифорова, 2013; Резуненко, 2007; Тютюнова, 2008]. Очевидно, что данные стратегии нацелены на реализацию категории чуждости, с их помощью оппоненты группируются по принципу «свой – чужой». К примеру, сторона защиты

старается выразить *свою* правду и не допустить вторжения со стороны обвинения, противоположную цель достигает стратегия обвинения со стороны обвинителей, они также пытаются воздействовать на оппонентов, отчуждаются от них и делают все возможное, чтобы для судьи их противники стали *чужими*, т.е. нарушающими закон.

Думается, что ритуальность судебного дискурса, связанная также с преобладанием языковых элементов официально-делового стиля, выражаемого в клишированности, терминологической точности и т.д., служит средством выражением категории чуждости, проявляемой по отношению к клиентам данного дискурса.

Богатая система юридических терминов, устоявшиеся выражения, клишированные фразы, использование приемов логики, отсутствие эмоциональности обусловлено основной целью – донести смысл закона в однозначной трактовке. Данные характеристики демонстрируют отчужденность агентов от клиентов, их нейтральное отношение к правовым ситуациям, делая тем самым правовую систему закрытой областью профессиональной коммуникации.

Формулировки и характерный тип интонирования (нейтральный, неэмоциональный) – создает атмосферу строгости и ритуализованности юридического общения. Например, своей речи судья использует клишированную фразу: *свидетелю разъясняются права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 56 УПК РФ, и одновременно он предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст.ст. 307 и 308 УК РФ, о чем у него отобрана подписка (ПСЗК)*. В приведённом примере отчетливо указывается предел, перейдя который агент / клиент становится *чужим*, т.е. в данном случае свидетель, дающий заведомо ложные показания или отказывающийся от их дачи, будет считаться нарушителем закона.

Предельная точность, характерная для судебного дискурса, не предполагает инотолкования. Еще Л.В. Щерба писал, что язык закона не

допускает «каких-либо кривотолков» [Щерба, 1957, с. 119]. На наш взгляд, можно провести параллель между точностью и терминологической плотностью судебного дискурса и категорией чуждости. Полагаем, что обозначенные признаки служат своеобразными маркерами коммуникативной категории «чуждость», отграничивающими агентов от клиентов данного дискурса.

На вербальном уровне соблюдение точности в судебном дискурсе ведет к использованию большого количества существительных и прилагательных (чаще терминологического характера), составных юридических терминов с последовательной цепочкой родительных падежей [Абрамова, Беньяминова, 2008, с. 30]: *Приостановив предварительное следствие, следователь уведомляет об этом потерпевшего, его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей и одновременно разъясняет им порядок обжалования данного решения. В случае приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным пунктами 3 и 4 части первой статьи 208 настоящего Кодекса, об этом уведомляются также подозреваемый, обвиняемый и его защитник* [УПК РФ, ст. 209, www].

Официальный характер дискурса требует объективности выражения, т.е. идея исходит не от говорящего лица с его личным мнением, а от лица государства, правосудия. Иными словами, объективность правовой картины мира противопоставлена субъективности обыденной, наивной картины мира. Данный тезис подтверждается: 1) использованием пассивной формы изложения (сказуемое выражается страдательным причастием или глаголом страдательного залога). Продемонстрируем на примере:

По делу Петровых судом было установлено, что ответчик, выехав из жилого помещения в связи с распадом семьи, оставил там свои личные вещи, другого жилья не приобрели в течение всего периода отсутствия в жилом помещении принимал меры для разрешения «квартирного вопроса»,

предлагая бывшей жене разменять занимаемую квартиру на два других жилых помещения (Биржа плюс свой дом. 20.05.2002. НКРЯ);

2) использованием «расщепленного» сказуемого, в котором глагол употребляется с ослабленным лексическим значением, а основное значение сконцентрировано в именной части сказуемого:

*Однако мы не хотели бы **нести ответственность** (отвечать) за жизни людей в ситуации, когда они находятся в опасности (Дипломатический вестник. 25. 05. 2004. НКРЯ).*

И наконец, еще одним способом проявления ритуальности судебного дискурса может служить выражение волеизъявления, реализующееся в большом количестве безличных предложений со значением долженствования: *Сейчас такие справки, согласно статье 26 закона N395-1, могут получить органы предварительного следствия только по уже возбужденным уголовным делам и только с согласия прокурора (Учет, налоги, право. 03.08.2004. НКРЯ).*

Ритуальность рассматриваемого дискурса находит свое отражение и в его перформативной функции, которая выражена в коммуникативных практиках, организующих мир права и сопровождающих его символические структуры. К важным условиям перформативности судебного дискурса относят наличие набора ритуальных процедур, определенного шаблона, по которому производится высказывание (завещание, дарение и т.д.), а также соблюдение этих правил говорящими. Для успешности перформатива в судебном дискурсе он должен соответствовать установленной нормами права процедуре, «церемониалу». Еще с древних времен символические действия, сопровождающие словесные формулы в юридическом дискурсе, воспринимались как публичные свидетельства сторон и обладали юридической силой. Смысл ритуалов (например, процедуры отправления правосудия) и сопровождающих их коммуникативных формул заключается в повторяющейся актуализации институциональных символов, укреплении авторитета права, а глубокие традиции юридического дискурса

подчеркивают преемственность опыта и способствуют усилению степени доверия граждан к праву. Ритуал судебного дискурса обязывает его участников перейти в новый статус, в результате чего происходит отчуждение от своих личных позиций и следование установленным правилам дискурса.

Таким образом, все выявленные признаки ритуализованности судебного дискурса, а именно его сценарность, ролевая структура, символическая нагруженность, четкий регламент события, переход субъекта в новый статус, клишированность языка, терминологическая точность, ритуализованный характер стратегий формируют категорию ритуальности, актуализирующую коммуникативную категорию чуждости.

Ритуал ведения судебного заседания предполагает обязательное наличие противостоящих сторон, которые ведут активную борьбу своих точек зрения в суде. Данное противостояние зиждется на универсальной оппозиции «свой – чужой», составляющей основу формирования коммуникативной категории чуждости, что находит отражение в агональности судебного дискурса.

2.3.2. Агональность как средство реализации чуждости в судебном дискурсе

Понятие агональности имеет длительную историю и представляет собой как социальный, так и коммуникативный феномен. Его разносторонность во многом объясняет отсутствие единого универсального подхода к толкованию, в результате, большая часть исследователей отождествляет агональность с конфликтом. К примеру, А.К. Михальская пишет о том, что агональность охватывает различные проявления агрессивности и определяет агональную модель общения как «военную», а гармонизирующую – как «мирную» [Михальская, 1996, с. 58]. Аналогичное мнение встречаем у В.И. Карасика, который фактически приравнивает

агональный дискурс к конфликтному, противопоставляя его этикетному / кооперативному. По замечанию ученого, участники агонального дискурса «намеренно обостряют обстановку, оскорбляя и высмеивая друг друга или присутствующих» [Карасик, 2007, с. 84].

В нашей работе мы солидарны с В.В. Дешевой, которая предлагает широкий подход к пониманию агональности в коммуникации, выделяя три типа агональной борьбы: борьба-война с целью физического устранения оппонента, борьба-игра (соревнование) и борьба-спор (столкновение мнений). Другими словами, автор говорит о трех типах дискурсивной агональности, связанной с разными речевыми жанрами и коммуникативными событиями: конфронтативной, дискуссионной и игровой [Дешевова, 2010].

Мы предполагаем, что среди выделенных типов агональности для судебного дискурса характерна, прежде всего, дискуссионная агональность (ее прототипным жанром является спор, а коммуникативной интенцией – установление истины), которая при определенных условиях может трансформироваться в конфронтативную (общение в конфликтной тональности с преобладанием средств вербальной агрессии).

В судебном дискурсе агональность напрямую связана с намерением участвующих в судебном процессе оппозиционных сторон: защиты – обвинения (адвоката – прокурора) победить в сложившемся споре и доказать невиновность / виновность подсудимого. «Принцип состязательности сторон заключается в активном отстаивании сторонами перед судом своей точки зрения» [Климович, www]. Агональный характер связей между профессиональными агентами судебного дискурса проявляется в виде обязательной несовместимости их мнений, разных подходов к оценке совершенного действия, равноправия перед судом [УПК РФ, ст. 15, ч. 2, www] и относительно равными коммуникативными возможностями.

Не вызывает сомнений, что агональность судебного дискурса, базирующаяся на противопоставлении «свой – чужой» и заключающаяся в активном отстаивании сторонами *своих* точек зрения перед судом,

непосредственно коррелирует с коммуникативной категорией чуждости. Как правило, обращение в суд происходит в тех случаях, когда «в зоне разногласий оказываются жизненно важные ценности. Перенесенный в суд конфликт исследователи определяют как наивысшую точку противоречий, как коллизию с наиболее острым противоборством сторон» [Красовская, 2006, с. 102].

Постоянное состязание и чувство соперничества неизбежно ранжирует участников судебного дискурса на своих и чужих. Имеется в виду, что по отношению друг к другу пара защитник – подзащитный = *свои*, т.к. отстаивают единую точку зрения; обвинитель – обвиняемый = *свои*, а по отношению друг к другу сторона защиты и обвинения являются *чужими*. По отношению к судье данные пары также являются *чужими*, т.к. суд не вправе принимать и поощрять какую-либо из сторон участников судебного заседания. Как известно, лишь состязательность и равноправие сторон представляется единственным способом справедливого правосудия. «Все равны перед законом и судом. Стороны должны быть равны в правах на доказывание, в том числе в ходе досудебного производства. Только в условиях конкуренции «истин сторон» возможно выявление относительно большей вероятности одной из них» [Александров, www].

Таким образом, мы полагаем, что агональность судебного дискурса, являясь одним из его конститутивных признаков, напрямую связана с намерением участвующих в судебном процессе оппозиционных сторон победить в споре и доказать невиновность или виновность подсудимого. Более того, наличие категории чуждости в судебном процессе во многом предопределено именно агональным характером дискурса, так как благодаря состязательности или в некоторых случаях враждебности оппозиционные стороны приобретают столь отрицательно маркированные позиции и становятся *чужими*.

Как мы уже упоминали, агональная природа судебного дискурса предполагает борьбу сторон, участвующих в судебном процессе: прокурор и

адвокат, являясь оппонентами, стараются превзойти друг друга в умении более логично и аргументировано доказать виновность / невиновность подсудимого.

Данное противостояние актуализируется в определенных знаках агональности, реализующих коммуникативную категорию чуждости. Анализ протоколов и стенограмм судебных заседаний позволил выявить следующие знаки агональности, объективирующую данную категорию в судебном дискурсе.

1. Прототипными для судебного дискурса знаками агональности являются маркеры чуждости (показатели дистанцирования, умаления значимости, недоверия), рассмотренные нами ранее. Укажем, что данные показатели чуждости доминируют в количественном отношении, в данной части исследования ограничимся одним примером, эксплицирующим маркер недоверия:

*Сейчас у нас появляется **некая** копия. Таких копий можно изготовить бесчисленное количество. Если считает представитель потерпевшего, что эти сведения, которыми **обладал якобы** в тот момент Д. относимы к делу, пожалуйста, пускай заявляет ходатайство о его вызове в качестве свидетеля. В данном случае я полагаю, что эта копия, она не удовлетворяет требованиям, которые предъявляются к документам (ССЗО).*

2. К прототипным маркерам чуждости мы также относим индикаторы личного дейксиса Я – ВЫ, МНЕ – ВАМ, НАС – ВАС, маркирующие противостояние оппонентов:

*Подсудимый: И тогда только **вы** поймете, что испытывал **я**, слушая вас, как **Вы** меня обвиняете, унижаете и каково мне, когда я не могу вам доказать, что я не совершал этого преступления, что я не виноват в смертях ваших родных, потому что вас настолько убедили, что вы не хотите нас слушать (ПСЗК).*

В этой же группе прототипных маркеров чуждости находятся средства, реализующие отношение ТОГДА – СЕЙЧАС:

Те вопросы, о которых говорит уважаемый представитель защиты, к уголовному делу отношения не имеют. Они имели значение для дела в отношении М., а не для рассматриваемого сейчас судом дела (ССЗА, Л, Е, Д–27);

*Казалось бы, что сторона обвинения должна была бы об этом говорить, но вот в чем нарушены именно **наши** права. Владели ли потерпевшие **на тот момент** русским языком, неизвестно, поэтому есть основания полагать, что могли неправильно, не полностью понимать значение проводимых следственных действий (ССЗА).*

В данном примере противопоставления НАШИ – ВАШИ, ТОГДА – СЕЙЧАС представлены имплицитно, но являются очевидными для слушающего благодаря «операции семантического вывода (инференции)» [Кубрякова, 1998, с. 39].

3. К маркерам агональности следует отнести номинации противоборствующих сторон: *оппонент, противная сторона, сторона обвинения:*

*Почему-то наши **оппоненты** не хотят рассматривать больше никаких версий, кроме именно, что это убийство, кому это было выгодно (ССЗО2).*

*Мы хотели бы заранее знакомиться со списком приглашенных свидетелей, т.к. **сторона обвинения** ставит нас в **неравное положение**, поскольку мы не знаем, кто будет допрашиваться (ПСЗК).*

В последнем примере сторона защиты (*МЫ*) противопоставлена стороне обвинения, их полярные позиции усиливаются маркером чуждости – эксплицитным обвинением в неравном положении сторон при рассмотрении дела.

4. К вербальным знакам агональности, «работающим» также на выражение категории чуждости в судебном дискурсе, мы отнесли группу устойчивых клишированных словосочетаний перформативного характера, служащих осуществлением агональных коммуникативных действий:

Подсудимый: *Ваша честь, я **возражаю против** приобщения этого документа. С моей точки зрения, нет никаких оснований считать это копией реального документа. На мой взгляд, налицо задним числом фальсификация. Действительно, на протяжении всего времени ни разу...(ССЗО);*

Адвокат: *Я убеждён как раз в обратном. Я убеждён, что президент Чечни сюда бы так и не явился, но это уже вопросы оценки, не имеет отношения... **Мы возражаем против** приобщения этого так называемого документа... (ССЗО).*

Последний пример показателен еще и тем, что адвокат использует такой маркер чуждости, как умаление значимости (*этого так называемого документа*).

5. Агональность проявляется в использовании негативно-оценочных номинаций и дескрипций, прямо или косвенно адресованных оппоненту в рамках судебного процесса, что позволяет говорящему ввести в аргументацию компонент, воздействующий на эмоциональное сознание присутствующих:

*Поскольку по неизвестной мне причине (**недобросовестности или непорядочности**) истцом не было передано ответчику исковое заявление, поэтому о сущности иска не было известно, а судьей на первом заседании не были разъяснены его права, в частности о том, что можно было перенести судебное заседание. Таким образом, ответчик был лишен права состязательности и поставлен в заведомо неравные условия с истцом (ССЗГ);*

*Ваша честь, мне однозначно трудно сформулировать. Во-первых, очевидно затягивание процесса потерпевшим и представителем потерпевшего. Это уже **системное, длительное, преднамеренное затягивание** процесса. Мне непонятно, почему представитель потерпевшего не мог пригласить сюда... сделать это ходатайство на прошлом заседании (ССЗО).*

6. Номинации агональных действий, эксплицирующие состязательный характер дискурса в речи самих агентов:

У нас состязательный процесс, не так ли, Г.М.? – у нас состязательный процесс, и каждая сторона обязана доказать те обстоятельства, на которые она ссылается (ССЗО).

Заметим, что в данном высказывании представитель потерпевшего помимо маркера агональности использует «хитрый» вопрос, заключающий в себе заведомо выгодный ответ для заинтересованной стороны, что также является средством реализации категории чуждости.

7. К знакам агональности, репрезентирующим категорию чуждости, мы можем отнести использование иронии. Агональный характер судебного процесса постоянно побуждает участников дискурса прибегать к новым хитростям и способам склонения суда к *своей* правоте. Например, в ответ на ходатайство стороны обвинения приобщить к делу новые документы адвокат при помощи аллюзии на текст песни Б. Окуджавы «Песенка кавалергарда»: *Не обещайте деве юной любви вечной на земле (ССЗО)*, используя ироничный комментарий, подчеркивает тщетность попыток представителя стороны обвинения, бессмысленность приобщения новых документов.

Еще один пример использования ироничного комментария встречаем в высказывании адвоката обвиняемого: *Вот представитель потерпевших сказал, что входа на кладбище нет и т.д., Чеченская Республика входит в состав РФ и должна подчиняться законам РФ. Если это привилегированная нация, издавайте новый закон и по своим законам тогда определяйтесь (ССЗА).*

8. Антитетичность человеческого мышления обуславливает оппозитивность построения дискурса, в частности влияет на агональный характер судебного дискурса. Антитетичность [Лассан, 1995] как маркер агональности и чуждости проявляется в следующем примере:

Истец: *Мы не о социологии говорим, а об исполнительном документе.*

Ответчик: *В том то и вопрос, что это другая сфера. Это – юриспруденция. Знаете, когда я к вам сюда иду, я хотя бы законы почитаю, а почему **Вы** ничего не считаете нужным почитать по социологии? Опровергается все в рамках публичного дискурса, а не в суде... **Почитайте по социологии что-либо, ради Бога!** (ССЗГ).*

Последнее восклицание с фразеологизмом *ради Бога!* усиливает эффект отчуждения, добавляет оттенок сожаления и в некоторой степени разочарованности в некомпетентности своего оппонента.

9. Еще одним маркером, демонстрирующим агональный характер общения клиентов судебного дискурса, служит следующий прием превентивного предупреждения:

Ваша честь, я хотела бы просто отметить. Господин адвокат, Г.М., в следующий раз, когда будете решение суда оспаривать, не надо начинать с прокурора. Начинайте с суда, если Вам адресовано какое-то замечание (ССЗО2).

Проведенный анализ показал, что к числу знаков выражения чуждости можно отнести междометия, аффективы, выражающие агональную враждебность или иные эмоциональные состояния, свойственные конфронтативной агональности. Данные знаки конфронтативной агональности обнаружены в коммуникативном поведении клиентов судебного дискурса – свидетелей, потерпевших, подсудимых:

Представитель потерпевшего: *Ошибка да, но она, в общем-то, формальная.*

Подсудимый: *Ни фига себе формальная...(ССЗО).*

Нами замечено, что агенты судебного дискурса не используют знаков конфронтативной агональности – средств вербальной агрессии, инвективов в целях ниспровержения оппонента. Для коммуникативного поведения агентов судебного дискурса свойственна дискуссионная агональность.

Исследователи разных типов дискурса агонального характера (политического, судебного, аргументативного и др.) сходятся во мнении, что

его участники прибегают к определенным типам стратегий для достижения своей цели – одержать победу над противником. Агональность речевого взаимодействия в судебном дискурсе, его «экстремальность в смысле столкновения интересов» [Климович, www, с. 2–3] требует от коммуникантов умений стратегического планирования. Следующая часть исследования будет посвящена анализу стратегического коммуникативного поведения агентов судебного дискурса, отражающем проявление коммуникативной категории «чуждость».

2.4. Ролевая структура судебного дискурса, коммуникативное поведение участников

Строго фиксированный состав участников судебного заседания подразумевает, что каждый участник вербализует свои коммуникативные намерения в соответствии с отведенной ему ролью, или можно сказать, что осуществляется так называемая «коммуникация в своеобразных масках» [Карасик, 2000, с. 12]. Поэтому агенты судебного дискурса выступают уже не как отдельные личности, а как представители социального института, имеющие определенный статус с закрепленным за ним набором прав и обязанностей. Иными словами, статусно-ролевое общение участников судебного дискурса объясняет тот факт, что в большинстве случаев агент дискурса следует уже заранее определенной модели поведения, «соблюдает речевые нормы, свойственные его положению в обществе и определяемые характером взаимоотношений с собеседником» [Седов, 2004, с. 82]. Занимаемая человеком профессиональная позиция не только оказывает важное влияние на формирование его языковой личности, но и одновременно порождает определенные ожидания окружающих по поводу поведения индивида в различных ситуациях общения.

Каждый из агентов судебного дискурса придерживается *своей* правды, и, как мы уже показали ранее, все участники процесса противопоставлены

друг другу. Характерной особенностью данного дискурса является неравенство его участников. Наиболее ярко выраженное противостояние наблюдается в паре агентов «адвокат → прокурор», которые в силу своих профессиональных обязанностей представляют сторону защиты и сторону обвинения, позиция которых изначально является противоположной. Поэтому следует сказать, что сам дискурс налагает на его участников определенные требования, соответственно отступление агентом от его линии поведения и ролевых установок мы также считаем целесообразным рассматривать как пример проявления коммуникативной категории чуждости.

Нет сомнений, что судебный дискурс представляет собой яркий пример статусно-ориентированного общения, в котором роли четко распределены и за каждым участником закреплены функции, определенные нормами института правосудия [Климович, www]. Другими словами, от адвоката ожидается защита обвиняемого, от прокурора – доказательство вины подсудимого, от свидетеля – правдивые показания, от судьи – справедливое решение. Исследователи выделяют пять основных коммуникативных стратегий: стратегию самозащиты, обвинения, защиты, нападения и психологического воздействия, используемые участниками в соответствии с их статусно-ролевыми характеристиками и интенциями [Климович, www; Тютюнова, 2008]. Для целей настоящего исследования релевантными из пяти являются три: стратегия обвинения, определяющая принципы коммуникативного поведения прокурора, коммуникативная стратегия защиты, реализуемая в речевом поведении адвоката, и коммуникативная стратегия эмоционального воздействия, используемая всеми участниками дискурса [Никифорова, 2013, с. 65].

Таким образом, мы полагаем, что в рамках основных статусно-детерминированных стратегий агенты судебного дискурса используют вспомогательные стратегии, внутри которых их поведение варьируется за счет применения набора определенных коммуникативных тактик и приемов.

Оговоримся, что в работе принято традиционное понимание соотношения стратегий и тактик – как совокупности речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, и конкретных способов ее достижения [Иссерс, 2008]. Поясним также, что исследователями судебного дискурса выделяется множество стратегий и тактик. Не перечисляя все предлагаемые классификации, приведем примеры тех, которые могут быть связаны с объективацией коммуникативной категории чуждости: 1) стратегия затягивания рассмотрения дела (проявляющаяся в виде тактики деструктивного уточнения, тактики некорректного приема); 2) боевая стратегия (проявляется в виде тактики психологического нагнетания, тактики акцента на «выгодном» и умалчивая «невыгодного», тактики использования некорректного приема, тактики провокации, тактики психологического давления и атаки вопросами); 3) стратегия внушения (включая тактику лести) [Резуненко, 2007]; 4) стратегия самозащиты (использующая тактики оправдания своих действий, лжи, отвода подозрения, отрицания вины, критики действия; 5) стратегия обвинения (тактики отрицательной характеристики, критики, нападения, оскорбления); 6) стратегия защиты (тактики нападения, отвода подозрений, предположения); 7) стратегия нападения (тактики критики, говорения колкостей, давления, оскорбления); 8) стратегия психологического воздействия (тактики критики, выговора, убеждения, демонстрации обиды) [Тютюнова, 2008]; 9) стратегия дискредитации [Пригарина, 2010; Иссерс, 2008]. Обратим внимание, что, во-первых, коммуникативные стратегии и тактики в «чистом» виде выделить достаточно трудно, т.к. в реальной речи они переплетаются, одна может входить в состав другой или пересекаться с ней, во-вторых, в рамках одного судебного заседания коммуникативные стратегии участников судебного процесса могут варьироваться благодаря гибкости их коммуникативного поведения.

Приоритетной задачей в данной части исследования является на основе анализа стенограмм судебных заседаний выявить стратегии и тактики,

служащие средством проявления коммуникативной категории чуждости в поведении трёх основных участников судебного дискурса – защитника, обвинителя и судьи в следующих соотносимых парах: защитник → обвинитель, защитник → судья, защитник → свидетель; судья → защитник, судья → обвинитель, судья → свидетель; обвинитель → защитник, обвинитель → судья, обвинитель → свидетель, в которых первый агент демонстрирует чуждость в своем поведении по отношению ко второму.

2.4.1. Реализация категории чуждости в коммуникативном поведении защитника

Адвокат или в рамках уголовного дела – защитник, а в гражданском деле – представитель ответчика или истца является одной из ключевых фигур судебного заседания, которая всегда противостоит стороне обвинения в состязательном процессе.

Еще раз повторим, что, по сути, вся деятельность адвоката и представителей истца / ответчика сводится к защите прав подсудимого и отражению атаки со стороны обвинения, поэтому адвокат пытается оградить пространство своего клиента, отчуждаясь от обвинителя. Так, «нравственный долг защитника не позволяет ему занимать в деле позицию, противоречащую интересам подзащитного, и в сложных, конфликтных ситуациях обязывает его согласовывать средства и способы защиты с подзащитным» (<http://slovari.yandex.ru>), в результате возникает некое единство «адвокат – подзащитный», которое борется с *чуждой*, оппозиционной стороной обвинения. Это обязательная дискурсивно-обусловленная линия поведения адвоката, в рамках которой адвокат проявляет чуждость по отношению: 1) к своему непосредственному оппоненту – обвинителю; 2) к свидетелю; 3) к судье. Адвокат занимает двоякую позицию: с одной стороны он *свой* для всех указанных агентов судебного дискурса, т.к., во-первых, он является законным агентом дискурса, во-вторых, он соблюдает нормы закона и

оперирует легальными средствами в своей работе, а с другой стороны, адвокат для них *чужой*, т.к. полностью поддерживает позицию своего доверителя, законность действий которого еще нужно доказать.

При этом следует уточнить, что деятельность защитника не должна превратиться в исполнение любых пожеланий подзащитного, «целью адвокатской деятельности является строго защита прав, свобод и свободных интересов физических и юридических лиц, обеспечение им доступа к правосудию» [Чашин, 2012, с. 8], но никак не оправдание преступления и соответственно изменение ролей подсудимого и потерпевшего, ведь «у адвоката не только нет права на ложь, не только нет права на использование искусственных, надуманных, фальсифицированных доказательств – у него нет права и на неискренность, нет права на лицедейство» [Зайцев и др., 1974, с. 240].

В связи с вышесказанным мы солидарны с О.А. Крапивкиной [2011], которая вводит понятие «персонализированный юридический дискурс», допускающий позицию субъекта, способного выступать в ипостаси личности (Я-как-Я), а не просто репрезентанта дискурсивного экспертного сообщества (Я-как-Другой). В качестве примера приведем такие жанры, как жалоба, особое мнение судьи, указ, свидетельские показания, завещание.

Однако, несмотря на указанный ряд допущений, институциональный формат коммуникации, статусно-ролевая обусловленность субъектов и ограниченный круг тематики общения сдерживают субъект и не позволяют ему перейти в сферу персонального дискурса. Помимо указанных, главными ограничителями выступают законы РФ. Соответственно, если поведение адвоката не соответствует ожиданиям, обусловленным его ролью, если он пренебрегает обязанностями защиты, он сразу же становится *чужим* по отношению к системе судебного дискурса. В данном случае нам представляется возможным рассматривать также факультативную линию поведения защитника, внутри которой выделяются два вектора: первый – это внутреннее отчуждение и несогласие с моральной составляющей действий

подзащитного и второй – отчуждение от системы и несоответствие сценарию своей роли в судебном дискурсе.

По отношению к первому скажем, что на практике весьма трудно определить внутреннюю интенцию защитника, более того согласно ст. 49, п. 7 УПК РФ, у него нет законных оснований отказаться от защиты ни на одной из стадий судебного разбирательства. Но все же известны случаи, когда адвокат оглашает суду свои моральные переживания. К примеру, о своей вынужденной позиции признается суду адвокат обвиняемого по делу о террористическом акте в г. Беслане:

*Ваша Честь, я **должен** придерживаться мнения подзащитного. Так как он не признает вину, то мое отношение тоже: не виновен (ССЗК2).*

Со словами глубокого сожаления обратился этот же адвокат в своей речи ко всем потерпевшим: *Уважаемые участники судебного заседания, перед началом своего выступления я хотел бы принести свои искренние соболезнования всем пострадавшим от этого террористического акта в Беслане. У всех у нас, жителей Северной Осетии, началось новое исчисление времени: до и после 3 сентября 2004 года. Поверьте мне, я был рядом с вами в Беслане в те же дни, как и сотни людей, бежавших на помощь заложникам. Но к нашему общему горю, мы не смогли предотвратить страшную беду. **Мое положение как адвоката обвиняемого К. очень сложное, и внутренне противоречивое.** Поверьте мне, как человеку, **было нелегко знакомиться подробно с материалами** данного уголовного дела, находиться вот уже 10 месяцев с вами в зале заседания, видеть вас, убитых горем. **Это сильный психологический стресс. Но вы меня должны понять, я адвокат. Я повязан с позицией своего подзащитного. Обвиняемый имеет право выбора, у адвоката его нет. Сегодня я защищаю не преступление, а отстаиваю права подзащитного своего.** Моя задача – отыскать в деле все факты оправдывающие или смягчающие положение моего подзащитного. Вся моя деятельность – это не дать ошибиться суду, помочь суду*

разобраться в истине дела, ибо нам всем известны случаи судебных ошибок. И я надеюсь, что вы меня поймете (ССЗК61).

Однако, несмотря на законный запрет отказа от защиты со стороны адвоката, его негативный настрой, внутреннее несогласие или преследование личных интересов может стать причиной самостоятельного отказа подсудимого от его услуг (УПК РФ, ст. 52, www). К примеру, случаи вынужденного отказа от защитника в ситуации, когда он взялся защищать одновременно двух и более клиентов в ущерб интересам одного из них или случаи, «когда защитниками двух обвиняемых, имеющих противоречащие друг другу интересы, являются адвокаты, состоящие в близком родстве. Например, отец и сын. Кто из обвиняемых может рассчитывать при этом на полноценную защиту? Ясно, что не оба. Беспристрастной, полноценной защиты у адвокатов – близких родственников не получится. Они пойдут на «компромисс» — в пользу того, кто заплатит более высокий гонорар, за счет интересов другого подзащитного» [Рудацкая, 2002, с. 38].

По поводу второго вектора думается, что в качестве примера можно указать ситуации, в которых защитник не явился в течение пяти суток со дня заявления ходатайства о приглашении, разгласил адвокатскую тайну, не подготовлен к процессу, не изучил материалы дела, его участие в доказывании идет во вред законным интересам обвиняемого или вовсе вопреки воле подзащитного или ситуация, в которой подсудимый отрицает свою вину, а его защитник не согласен и акцентирует внимание на смягчающих наказание обстоятельствах, тем самым косвенно признавая вину своего подзащитного. Случай заведомого отклонения адвоката от линии защиты отражен в следующей реплике подсудимого.

Подсудимый: *Я свою вину никакую не признавал. Куда мне сказал адвокат, подпиши, туда я подписал. Даже частично, не знаю как там сказали.*

Прокурор: *А здесь написано, что вы признавали свою вину частично.*

Подсудимый: *Я даже не знаю, что такое это частично. Адвокат сказал (ССЗК4).*

Все указанные действия можно оценить как скрытый отказ от защиты и соответственно невыполнение своих профессиональных обязанностей, подчеркнем, что отчуждение адвоката в данном случае происходит и от своего профессионального сообщества, и от закона, т.к. все указанные действия влекут за собой строгое дисциплинарное взыскание. В качестве исключения, допускающего случаи расхождения взглядов адвоката и подзащитного, закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принятый 26.04.2002, допускает лишь обстоятельство, когда адвокат убежден в наличии самоговора доверителя.

Хотя отношение специалистов в области юриспруденции к таким коллизионным моментам нравственного выбора адвоката двоякое, в качестве аргумента за истинность взглядов адвоката приведем выдержку из работы Л.Д. Кокорева и Д.П. Котова, в которой они пишут: «Руководствуясь нравственными принципами, адвокат не может утверждать то, в чем сам не убежден, не может лгать, не может поступать против своей совести и внутреннего убеждения. И если в ходе расследования, судебного следствия адвокат пришел к выводу, что вина обвиняемого установлена, он из этого и должен исходить, строя свою защиту; иной путь будет ложью, сделкой с совестью» [Кокорев, Котов, 1993, с. 176].

Второе, противоположное мнение отражено в следующей цитате: «защитник, который вопреки воле подсудимого переходит, по сути, на позицию обвинения, оставляет подзащитного без помощи, без защиты. Создается такое, совершенно нетерпимое с юридической и этической точек зрения положение: в судебном разбирательстве происходит состязание не между прокурором и защитником, а между прокурором и защитником, с одной стороны, и подсудимым, с другой. Между прокурором и адвокатом создается «трогательное единение». Заявление защитника о виновности

подсудимого представляет чрезвычайно тяжелый удар по защите...» [Кокорев, Котов, 1993].

Поэтому современная судебная практика не одобряет расхождение позиции защитника с подзащитным и отказ защитника от защиты, даже в случае, если вина человека доказана. В рамках уголовного судопроизводства адвокату не предоставлено законного права отказываться от принятой на себя защиты [УПК РФ, ст. 49, www]. Связано это, прежде всего, с тем, что вследствие таких действий будут нарушены права человека на защиту в суде, а защитник, соответственно, не будет выполнять свои прямые должностные обязанности. Относительно нравственной стороны такого решения скажем, что адвокат вынужден идти по пути морального выбора в условиях нравственного конфликта, когда соблюдение одной нормы влечет за собой нарушение другой. Другими словами, адвокат либо выполняет свои профессиональные обязанности, а будучи агентом судебного дискурса он в любом случае уже стал *чужим* по отношению к своим личностным предпочтениям, либо нарушает свои обязательства, следует своим моральным убеждениям и отчуждается от доверителя и от системы в целом.

Перейдем к непосредственному анализу вербального поведения адвоката, в рамках обязательной дискурсивно-обусловленной линии поведения, где адвокат выступает *чужим* по отношению; 1) к обвинителю, в качестве которого может выступать: прокурор, следователь, представитель ответчика / истца; 2) к свидетелю и 3) к судье. Для анализа нами были взяты материалы 95 стенограмм судебных заседаний, включающие участие 20 защитников.

Начнем с рассмотрения первой оппозиционной пары участников судебного дискурса «защитник → обвинитель», противостояние которых вытекает из агональной природы ритуала ведения судебного процесса, а именно обязательного наличия двух противоборствующих сторон, где защита является ответом на обвинение.

I. Защитник → обвинитель

В рамках данной оппозиции адресатом защитника могут быть прокурор, следователь, расследующий дело и настаивающий на виновности подсудимого, представитель ответчика / истца, поддерживающего противную сторону. В качестве причины включения столь разнообразного набора агентов в данную диadu укажем, что мы не делаем акцент на какой-то определенной части судебного заседания и анализируем примеры проявления чуждости на любой его стадии. Анализ практического материала показал, что в речевом поведении защитника по отношению к обвинителю категория чуждости проявляется в рамках общей статусно детерминированной стратегии защиты в используемых им вспомогательных **стратегиях дискредитации** (17 примеров) и **психологического воздействия** (9).

Заметим, что коммуникативная категория чуждости в речевом поведении защитника реализуется, прежде всего, с помощью **стратегии дискредитации** и целого ряда тактик, среди которых наиболее частотной является **тактика критики**. Проиллюстрируем сказанное примерами.

Адвокат: Да, мне кажется, что прокурор немножко неправильно понял слова, которые были высказаны касательно доказательств. Коль мы находимся с вами в процессе, который рассматривается по нормам УПК, то даже обосновывая ходатайство, следствие должно было представить доказательства, а что такое доказательства, очень хорошо прописано в УПК. Это сведения, но никоим образом не предположения. Очень жалко, что прокуратура плохо знакома с нормами УПК (ССЗЛ4).

В данном примере на реализацию чуждости работает стратегия **дискредитации**, которая представлена тактикой критики, что выражается в отрицательной характеристике оппонента, его некомпетентности. Факт несоответствия обвинителя профессиональным стандартам определенно направлен на подрыв его авторитета в глазах участников судебного процесса и вводит его в ранг чужих агентов, т.к. он не выполняет *свою*, назначенную

роль в судебном дискурсе в полном объеме. Помимо сказанного, защитник использует колкость, акцентирующую внимание на противопоставлении того, что должно было быть сделано и не сделано.

Следующий пример интересен тем, что **стратегия дискредитации** реализуется через **тактику обвинения** (адвокат дает оценку действиям оппонента, осуждает его голословность), используя при этом **прием противопоставления своих и чужих**. В данном примере сторона защиты противопоставляет свои права и права оппозиционной стороны, представленной следователем и прокурором. В этом примере проявляется смыслоорганизующая роль категории чуждости, идентифицируемая маркерами агональности (*сторона обвинения – сторона защиты*), интенсификатором негативной оценки (*абсолютно голословно*), в итоге данного столкновения прослеживаются две позиции, а именно *свое* и *поле его противников / стороны обвинения – чужое*:

Адвокат: *Вот почему-то сторона обвинения считает, что если сторона защиты, заявляя какое-то ходатайство, не прикладывает каких-либо доказательств, то это голословно, но при том, что сам следователь Г. и здесь следователь О., и плюс прокурор абсолютно голословно заявляют ходатайство о необходимости продления меры пресечения содержания под стражей (ССЗЛ4).*

Коммуникативная категория чуждости в следующем примере высказывания защитника реализуется с помощью **тактики обвинения**, реализующей **стратегию дискредитации**:

Ваша честь! Я хотел бы задать риторический вопрос нашим оппонентам. Как мог 24 мая А. воспользоваться своим правом участвовать в судмедэкспертизе? Он должен был быть ознакомлен своевременно, чтобы воспользоваться своим правом на защиту и принимать участие в исследовании, если бы его допустил следователь. Поэтому это была обязанность следователя. Следователь не выполнил требования, которые на

него возложены законом. Поэтому мы говорим о том, что данный документ был совершен с нарушением закона и является недопустимым (ССЗА1).

В данном примере адвокат изначально берет инициативу и в своей реплике программирует положительную реакцию суда на свое высказывание. Защитник прямо обвиняет оппозиционную сторону в процессуальных нарушениях: *следователь не выполнил требования, которые на него возложены законом*, используя прием негативной оценки факта нарушения закона, переводит внимание суда на действия третьего лица (в нашем случае на следователя), высказывает мнение о субъективном подходе противной стороны к делу, что работает на реализацию коммуникативной категории чуждости. Модальность долженствования в форме прошедшего времени, подчеркивает невыполнение должностных обязанностей; глагол в отрицательной форме *не выполнил требования*, а также формулировки с отрицательным значением *был совершен с нарушением закона и является недопустимым* подтверждают факт нарушения прав подсудимого со стороны следователя. А как уже было отмечено ранее, агент судебного дискурса намеренно или ненамеренно нарушающий установленный порядок дискурса, определенно будет являться *чужим*. Предложение *«риторический вопрос нашим оппонентам»* демонстрирует боевой настрой защитника, вербально он уже очертил границу личного пространства и пространства своих противников, используя маркер агональности – лексему *оппоненты*.

Следующий пример показателен тем, что агент сначала использует стратегию **дискредитации (тактика критики)**, затем переходит к стратегии **психологического воздействия (тактика атаки вопросами)**:

Адвокат: *...Значит, мы ознакомились с этим вашим ходатайством о продлении стражи. Но есть такое у нас постановление пленума Верховного суда, свежее, от 19 декабря, «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения». Ну, и, соответственно, здесь идет речь и о продлении. Так вот, пункт 29 этого постановления говорит о том, что вы на веру как следователь не должны воспринимать, что говорит*

свидетель, вы должны давать собственную оценку. В вашем ходатайстве, обращенном к суду, собственной оценки следствия этим словам не дано, указано только, что свидетель И. испугался слов «сучонок», например. Он мог испугаться и с «мыльной брови». Ваша оценка непосредственно о реальности этой угрозы, о возможности ее осуществления и вообще, можно ли эти слова воспринимать как угрозу. Я имею в виду, не то, чтобы вы процитировали свидетеля...

Следователь: Я понял ваш вопрос.

Адвокат: А вашу.

Следователь: Я вас понял.

Адвокат: Вы забыли просто указать этот...

Следователь: Товарищ защитник, указывая свидетеля И., мы, соответственно, доверяем данному свидетелю, полагаем, что нет оснований у него оговаривать обвиняемого.

Адвокат: Я не говорю о доверии, я говорю о вашей оценке. Пленум так говорит, вы должны оценивать.

Следователь: Мы оцениваем реальность этих угроз со слов свидетеля.

Адвокат: То есть вы оцениваете слово «сучонок» как угрозу? Правильно я понял вас?

Следователь: В совокупности высказанные слова в адрес свидетеля И. ...

Адвокат: А сколько?

Следователь: Орган следствия полагает, что вот это вот высказывание...

Адвокат: Какое конкретно? (ССЗЛ1).

В представленном пассаже стратегия дискредитации защитника выражена через **тактику критики** (негативная оценка действий противной стороны: *собственной оценки следствия этим словам не дано; Вы забыли просто указать этот...*). Используется также **прием ссылки на прецедентный текст** – текст постановления пленума Верховного суда,

который представляет собой авторитетный документ и нарушение которого недопустимо в рамках судебного дискурса. Тактика критики действий следователя, представляющего сторону обвинения, создает эффект отчуждения законной, а соответственно правильной позиции стороны защиты и с нарушением закона / неправильной позиции стороны обвинения. **Тактика атаки вопросами** далее работает как одно из средств реализации стратегии психологического воздействия: защитник постоянно демонстрирует агональный характер своего выступления, акцентирует несогласие с мнением оппонента. Помимо указанных тактик, обнаруживается **приемы конструктивного уточнения, противопоставления своих и чужих**, используется **маркер чуждости** – умаление значимости (*Мы ознакомились с этим вашим ...*).

В следующем примере используется **стратегия психологического воздействия**, которая вербализуется при помощи **тактики атаки вопросами**. Адвокат намеренно задает ряд наводящих вопросов, которые настраивают суд на отчуждение от обвинения, формируя тем самым выгодное для стороны защиты мнение:

Адвокат1: *А каким образом он может воспрепятствовать? Каким образом?*

Адвокат2: *Конкретно.*

Адвокат1: *Он может вам принести деньги, и вы прекратите следствие? Или он может в суд принести деньги, препятствуя следствию? Или он может прокурору? Конкретно можно сказать?*

Следователь: *В ходе того судебного заседания, кажется, уже... да, давались уже ответы на этот вопрос.*

Адвокат1: *Нет, давайте, Ваша Честь, сегодня новое заседание, пожалуйста.*

Следователь: *И вам было сказано, что использование...*

Адвокат1: *Мне не надо сразу «было». Мы сейчас в процессе...Пожалуйста. У нас все в настоящем времени.*

Следователь: *Отвечая на ваш вопрос ... тогда и сейчас, было указано, что Л. имеет достаточные денежные ресурсы, если вы именно о деньгах говорите...*

Адвокат1: *Нет, я спрашиваю, как?*

Следователь: *Имеет возможность подкупить свидетелей. Вам этого достаточно?*

Адвокат1: *Только бы свидетелей? (...) Потерпевшего, свидетелей. Участников.*

Адвокат2: *У вас нет конкретных данных, как он это собирался сделать, у вас нет рапорта толкового майора, который, допустим, эту информацию как-то переработал, вам довел, это просто предположение ваше, что он может, имея деньги, подкупить кого-то, да? ...То есть это... Ваша Честь, для протокола, это предположение следователя о том, что, имея деньги, человек может кого-то подкупить. Мне достаточно (ССЗЛ1).*

Прежде всего, адвокат задает множество вопросов с использованием синтаксических стилистических средств – анафоры, кольцевого повтора и др., что усиливает идею противопоставления защитника и обвинителя, указывая на агональный характер коммуникации и реализацию коммуникативной категории чуждости, создает эффект эмоционального воздействия. Делая замечания стороне обвинения по поводу временных форм выражения (*Мне не надо сразу «было». Мы сейчас в процессе...Пожалуйста. У нас все в настоящем времени*), адвокат четко расставляет акценты и эксплицитно выражает свою цель получения объективных, «свежих» фактов от следователя, доказывающих причастность подсудимого к подкупу участников судебного следствия, кроме того, реализуя противопоставление ТОГДА – СЕЙЧАС. В своей последней реплике защитник дает оценку позиции обвинителя, указывает на ее недостаточную аргументацию (путем использования приема **формулирования логического вывода**), он подчеркивает парадоксальность мнения обвинителя. Все перечисленное работает на отчуждение стороны обвинения от суда. Адвокат публично

указывает на бесосновательность выводов обвинителя: *У вас нет конкретных данных, как он это собирался сделать, у вас нет рапорта толкового майора*. Прямое обращение к судье нацелено на привлечение внимания со стороны участников процесса, чтобы данные показания были зафиксированы в протоколе и не остались без внимания, тем самым адвокат актуализирует коммуникативную категорию чуждости по отношению к своему оппоненту.

Систематизация выделенных стратегий и тактик, реализующих коммуникативную категорию чуждости в диаде «защитник – обвинитель» представлена в виде таблицы (см. Приложение №1).

II. Защитник → судья

Перейдем к анализу коммуникативной категории чуждости, проявляемой в коммуникативном поведении пар агентов судебного дискурса «защитник → судья». Заметим, что согласно этикетным нормам поведения на судебном разбирательстве проявление чуждости по отношению к судье возможно лишь в виде обоснованной и конструктивной критики, но ни в форме агрессивных нападок и обвинения, тем самым мы можем сделать некое предположение о недопустимости применения стратегии дискредитации со стороны защитника. Кроме того, недопустимость проявления данной стратегии заключена и в ритуале судебного дискурса, т.к. изначально защитник и судья имеют неравные статусные позиции. В связи с этим защитник в общении с судьей не должен прибегать еще к одной крайности, а именно добровольному принятию униженного положения. Согласно правилам профессиональной этики адвоката, его поведение по отношению к суду должно быть достойным и всегда безупречным, отвечать особым, значительно более высоким стандартам, чем те, которые предъявляются к иным лицам [Барщевский, www]. Результатом анализа примеров становится вывод о наличии двух стратегий в коммуникативном поведении защитника по отношению к судье, а именно – **стратегии**

дискредитации процессуальных действий (12 примеров) и **психологического воздействия** (5 примеров).

Наиболее частотной категорией чуждости представлена в речевом поведении защитника по отношению к судье с помощью **стратегии дискредитации процессуальных действий**.

Адвокат: И очень жалко, что у нас наш суд – подчас мы столкнулись с этим дважды: при избрании меры пресечения и при продлении один раз меры пресечения, стражи – о том, что просто одной фразой суд ограничивается, что было все доказано стороной обвинения. Кроме того, уважаемый суд, хотим обратить внимание на такой момент, что почему-то опять не приложен ни один протокол допроса Л. Более того, на сегодняшний день мы заявляли следствию ходатайство о проведении допроса Л. по обстоятельствам дела. Несмотря на то, что не получена еще экспертиза, следовательно буквально в впопыхах, по-моему, решил сначала продлить меру пресечения, а допрос перенес на завтра. Поэтому все это делается исключительно для того, чтобы каким-то образом затянуть следствие, оказать давление на Л. И говорить о давлении на свидетелей, и говоря о жителях Рыбинска (ССЗЛ4).

Данная стратегия представлена в виде **тактики обвинения**, реализуемой **приемом констатации фактов** (*столкнулись с этим дважды*), **негативного оценивания нарушений процессуальных действий** (*одной фразой суд ограничивается; опять не приложен ни один протокол допроса, не получена еще экспертиза*).

Следующая реплика **адвоката**: *Хочется увидеть суд независимый, который не принимает сторону обвинения и на самом деле оценивает доказательства, которые на сегодняшний день представлены (ССЗЛ3), в эмоциональной форме имплицитно выражает недовольство адвоката действиями судьи, а атрибутивная характеристика независимый (суд) направлена на подрыв доверия к суду в глазах участников судебного*

разбирательства, еще одним средством реализации тактики обвинения является **прием противопоставления своих и чужих**.

Рассмотрим еще один пример реализации данной стратегии.

*Адвокат: Печально, что судебное разбирательство начинается с **грубейшего** нарушения уголовно-процессуального закона. Ситуация, при которой допрошенный на предварительном следствии в уголовном судопроизводстве представитель потерпевшего, который дал показания, и эти показания, они указаны в обвинительном заключении в перечне доказательств, подтверждающих обвинение... Это примерно так же, Ваша честь, как если бы я был допрошен на предварительном следствии, видимо, в каком-то качестве – в качестве, наверное, что, представителя обвиняемого? Грубейшее нарушение закона! Надеюсь, что оно первое и последнее. Каким образом в таком случае сохранится приговор – любой приговор, обвинительный, оправдательный, который Вы вынесете – Бог весть (ССЗО2).*

В приведенном примере свое обращение к судье адвокат начинает со слов сожаления о факте нарушения закона самим судьей (который проигнорировал ходатайство адвоката, принял к рассмотрению дело с имеющимися нарушениями судебного следствия), т.е. агентом судебного дискурса, роль которого заключается в строжайшем его соблюдении, тем самым становится очевидным несоответствие судьи своей роли. Адвокат, используя **тактику критики** (подробно разбирает ситуацию с целью ее последующей оценки), сравнение (*примерно так же ...*) и риторический вопрос в виде рассуждения указывает на непрофессионализм судьи, что определенно отчуждает последнего от дискурса. Более того эпитет, выраженный прилагательным в превосходной степени *грубейшее (нарушение)*, восклицательное предложение, повторяющее данный эпитет (*грубейшее нарушение закона!*) обозначает степень эмоциональной напряженности адвоката, служит также маркером агональности.

Примером реализации коммуникативной категории чуждости посредством данной стратегии также является **тактика критики** стороны обвинения:

Вот, что касается постановления следователя, такого требования, что оно должно быть законным, нет. Но оно хотя бы должно быть обоснованным. То есть хотя бы вам должны быть даны какие-то конкретные данные, на которых вы, Ваша Честь, могли бы вынести свое законное решение (ССЗЛЗ). Неопределенно-личное местоимение какие-то указывает не отсутствие доказательств у обвинения.

Яркий пример реализации коммуникативной категории чуждости представлен в следующем анализируемом отрывке:

*Адвокат: Разрешите, пожалуйста. Внесите в протокол **мои возражения** на действия председательствующего. Все, что я услышал сейчас – я не мог представить себе, Ваша честь, до того, как это услышал **из ваших уст!** Вы разъяснили представителю потерпевшего, что, оказывается, он вправе давать показания в любой момент. **Это ноу-хау!** Это примерно так же, как если бы мне было разъяснено, что я вправе давать показания в любой момент уголовного дела. Статья 72 Уголовно-процессуального кодекса, которую грубейшим образом Вы нарушили, исключает участие представителя потерпевшего, если он допрашивается по делу. Нет такого доказательства, которое предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом, как показания представителя потерпевшего. Это нонсенс абсолютный! Есть показания потерпевшего и есть показания свидетеля. У нас К. не признан еще одним потерпевшим по делу, не является он и законным представителем, потому что К. все-таки совершеннолетний гражданин, а не несовершеннолетний. Единственное исключение, которое допускает статья 428 УПК – допрос законного представителя, когда рассматривается дело в отношении несовершеннолетнего. У меня, откровенно говоря, просто не хватает слов для того, чтобы выразить*

отношение к тому, что происходит на процессе. С самого начала мы просто ввергаемся в какую-то ситуацию абсолютного беззакония! (СС302).

В комментарии адвоката стратегия дискредитации процессуальных действий проявляется через **тактику обвинения**. Защитник прямо обвиняет судью в нарушении закона (*статья 72 Уголовно-процессуального кодекса, которую грубейшим образом Вы нарушили*) данный ход позволяет определить судью как *чужого*, не соответствующего требованиям, предъявляемым к нему как агенту судебного дискурса. **Ссылка на прецедентный текст** (УПК РФ) работает на усиление позиции защитника; ряд восклицательных предложений, содержащих англицизмы *ноу-хау*, *нонсенс*, а также стилистически маркированное выражение *из ваших уст* подчеркивает эмоциональное напряжение ситуации и внутреннее несогласие защитника. Помимо этого использование в адрес председательствующего негативно маркированного словосочетания (*абсолютное беззаконие*) выражает чувство глубокого разочарования, создает эмоциональную напряженность. Все это наряду с маркерами агональности (*мои возражения*) работает на реализацию коммуникативной категории чуждости.

Не менее значимой для реализации категории чуждости в рассматриваемой паре участников дискурса является **стратегия психологического воздействия**:

Адвокат: *Я не обязан вставать. Я профессиональный защитник, я адвокат, в отличие, простите, от других участников процесса, подзащитного. Ну, Ваша честь, по-моему, я говорил совершенно очевидные вещи* (СС302).

В рассматриваемом примере в рамках стратегии психологического воздействия со стороны адвоката используется **тактика самопрезентации**, которая показывает участникам процесса противопоставленность позиций стороны защиты и обвинения, указывают на превосходство, которое демонстрирует адвокат перед прокурором.

В следующем примере **стратегия психологического воздействия** проявляется в речи адвоката через **тактику создания эмоционального обсуждения и прием противопоставления своих и чужих**. Защитник дает собственную оценку делу, прогнозирует ситуацию, более того, адвокат прямо говорит суду о тех мерах, которые ему следует предпринять. Метафора *жонглирование с экспертизами* создает аллюзию на цирковое представление, т.е. адвокат сравнивает судебное разбирательство с постановочным представлением, у которого имеется заранее подготовленный сценарий действия. Данное сравнение дает возможность защитнику имплицитно выразить свои сомнения в объективной оценке дела судом, указывает на ряд процессуальных нарушений, которые не были приняты во внимание. Данное толкование не удовлетворяет адвоката, он говорит о том, что акценты расставлены неправильно и все факты целенаправленно работают против подсудимого. Маркером чуждости выступает притяжательное местоимение *наш (подзащитный)*, противопоставляющее своих и чужих:

В таких случаях суд вправе реагировать на выявленное нарушение путем вынесения частных постановлений. Даже не просто, Ваша Честь, вы можете отказать в удовлетворении ходатайства, а даже вынести частное постановление, частное определение о том, что вот это жонглирование с экспертизами – ни что иное, как способ для того, чтобы как можно дольше наш подзащитный находился под стражей (ССЗЛЗ).

Рассмотрим еще один пример.

Адвокат: *Ваша честь, я не о том. Для подрыва бензобака эффект будет тот же самый, и нет необходимости у лиц, имеющих доступ к заводским устройствам промышленного изготовления, нет необходимости изготавливать взрывное устройство кустарное, которое может не сработать и принести ущерб самому подрывнику. Кустарным изготовлением взрывных устройств занимаются террористы, экстремисты, члены ВБФ, бандиты и прочие люди, не имеющие отношения к армейским структурам.*

Судья: *Т.е. суд Вас правильно понял, что Вы считаете, что можно было просто подорвать гранату и не морочить себе голову изготовлением каких-то взрывных устройств?*

Адвокат: *Я уверен, что профессиональные военные, а тем более сапёры, не стали бы подрывать с помощью кустарно изготовленного взрывного устройства (ССЗА1).*

Из приведенного эпизода и последующего за ним диалога мы понимаем, что действия защитника обусловлены **стратегией психологического воздействия** на суд. Адвокат, отстаивая права подзащитного, объясняет суду, что военнослужащий, более того, сапер, не мог совершить преступление подобного рода в силу своих профессиональных возможностей. Защитник применяет **тактику перевода внимания на действия третьего лица** (*террористы, экстремисты, члены ВБФ, бандиты и прочие люди, не имеющие отношения к армейским структурам*), которые используют указанные кустарные взрывные устройства, прибегает к метаязыковым переформулировкам при ответе на вопросы судьи, к использованию **приема противопоставления своих и чужих**, где, по убеждению защитника, свои – это профессионалы (саперы, использующие готовые взрывные устройства), а чужие – это непрофессионалы, использующие кустарные взрывные устройства. Коммуникативная категория чуждости здесь играет смыслоорганизующую роль: внушается мысль, что преступление было совершено кем-то другими, *чужими*, использующими некие *кустарные устройства*. Воздействие осуществляется с помощью средств, выражающих модальность уверенности, повторов (*нет необходимости*).

Результаты проведенного анализа представлены в таблице (см. Приложение № 2).

III. Защитник → свидетель

Следующую пару участников судебного дискурса представляют «защитник → свидетель», в таком противопоставлении реализация категории

чуждости будет направлена на свидетеля стороны обвинения, являющегося процессуально *чужим* для стороны защиты, в частности для адвоката.

Согласно результатам анализа, коммуникативная категория чуждости реализуется в поведении адвоката по отношению к свидетелю посредством двух основных стратегий – **психологического воздействия** (27 примеров), **дискредитации** (9). Рассмотрим подробнее на примерах.

Наиболее репрезентативной в количественном отношении является **стратегия психологического воздействия**. В следующем примере в рамках данной стратегии защитник применяет **тактику контратаки** в ответ на прямое обвинение свидетеля:

Свидетель: *Может быть, Вы выступили тогда адвокатом нашего президента? Вам проплатили здесь, Вы тут выполняете.*

Адвокат: *Откуда Вам известно, что мне заплатили за защиту?*

Свидетель: *Это Ваше право быть адвокатом того, кого Вы хотите.*

Адвокат: *Спасибо Вам большое. Вы знаете, мне хватает гонораров от обездоленных олигархов. Как член Хельсинкской группы, я провожу такие дела без оплаты.*

Свидетель: *Приезжайте в Чеченскую Республику увидите все своими глазами...*

Адвокат: *Ваша честь, меня задело заявление свидетеля об обязательном корыстолюбии адвокатов. Это не так (ССЗОЗ).*

Ответная реплика защитника направлена на опровержение мнения оппонента. **Прием самопрезентации** работает на повышение статуса адвоката в глазах суда.

В следующем пассаже сторона защиты вновь демонстрирует достаточно распространенную для ситуации допроса **стратегию психологического воздействия**, имеющую непосредственную связь с коммуникативной категорией чуждости:

Адвокат: *Я вынужден затронуть этот вопрос, поскольку у меня, конечно, это вызвало улыбку некоторую, не буду скрывать. Вот*

представитель потерпевшего задавал вопрос такой – производит ли К. вообще впечатление криминального человека. Скажите, а что, есть какие-то научные данные, на основе которых по внешности человека можно определить – он что, криминален, или он не криминален? Вы что, поклонник Ломброзо?

Свидетель: *Я не поклонник Ломброзо, но очень большой опыт педагога, который работал с детьми, с «трудными» детьми – а я в свое время был директором самой «трудной» школы в городе Москве, занимавшей первое место по преступности и правонарушениям в 80-м году – я очень прекрасно, хорошо понимаю, как можно увидеть уже даже по внешнему общению, по разговору с человеком, есть ли у него некоторые проблемы с этим или нет. Но это не значит, что надо сразу делать выводы и человека записывать в преступники.*

Адвокат: *Но Вам там, наверное, известно все-таки, Вы же культурный человек, опыт каждого из нас ограничен. Так вот, в целом, по истории...я просто хочу прямой вопрос Вам задать: можно ли по внешнему виду, общаясь спорадически с человеком, вообще сделать заключение?*

Свидетель: *Нет. По внешнему виду господин Чикатило вообще выглядит как законопослушный.*

Адвокат: *Вот видите! (ССЗОЗ).*

Данный пример показывает, что любое судебное заседание имеет ярко выраженный характер борьбы, на котором противоборствующие стороны всегда *чужие*. Именно этим объясняется стремление каждой из сторон доказать свою правоту всеми законными способами. В представленном эпизоде адвокат разворачивает свое выступление в рамках стратегии психологического воздействия. Используя **тактику атаки вопросами** (приемы конструктивного уточнения, уточняющих вопросов защитника относительно связи внешности человека и степени криминальности), **тактику перевода внимания** (ссылка на авторитетного эксперта Ч. Ломброзо в форме вопроса: *Вы что, поклонник Ломброзо?*) защитник

одновременно подшучивает над свидетелем. Такой ход создает впечатление саркастического отношения к позиции свидетеля и тем самым работает на проявление коммуникативной категории чуждости. **Тактика перевода внимания на третье лицо** «вводит в дискуссию еще один голос, еще одного незримого участника, который становится гарантом» [Ducrot, 1982, p. 14] выдвигаемого защитником тезиса. Адвокат пытается психологически подавить свидетеля, склонить его на сторону защиты и получить информацию, выгодную для оправдания подсудимого. Коммуникативное поведение адвоката нацелено доказать низкую степень достоверности суждений свидетеля, обратить внимание суда на субъективный характер его взглядов, продемонстрировать непросвещенность свидетеля, выразить сомнение в наличии научного подтверждения высказанного мнения. Отметим, что в некоторой степени цель защитника была достигнута, свидетель вынужден оправдываться и даже привести факты из биографии, дабы подтвердить правоту взглядов. Эмоция радости защитника выражается в финальном восклицательном предложении.

В следующем примере адвокат, защищая своего доверителя, вступает в борьбу с оппозиционной *чужой* стороной, а именно свидетелем обвинения:

Адвокат: *Я вот к чему веду. Скажите, пожалуйста. Первое: как Вы полагаете, все-таки, человек может иметь твердое убеждение, не располагая теми доказательствами, которые принимает суд? Это убеждение его, его уверенность должно быть уважаемо в демократическом обществе?*

Свидетель: *Да. Но при этом, еще раз, если мы хотим, чтобы нас считали демократическим обществом, если ты имеешь убеждение и ты пишешь, что «я уверен и у меня есть доказательства», ты предъяви. Если у тебя нет этих доказательств, то, извиняюсь, это значит, что ты либо пустобрех, либо болтун, либо человек, который оговаривает другого человека. Вот и все.*

Адвокат: Это мы выяснили как раз. У меня последний вопрос. Вы сказали, что, если бы Вы назвали меня убийцей, я предъявил бы Вам иск. Скажите, пожалуйста, по данному делу Р.К. предъявил иск о защите чести и достоинства О., и это дело выиграл. Я не буду, я не участвовал в этом процессе, не буду возражать. Вот теперь О. привлекают еще и к уголовной ответственности за его уверенность и убеждение... Так вот, как Вы считаете, еще дополнительно и уголовное наказание, как уголовного преступника?

Свидетель: Если есть на то основания и если в суде это будет принято и будет принято соответствующее решение судебное, значит, были основания. Это, я извиняюсь, уже прерогатива суда. Каждый гражданин вправе подать иск в порядке частного обвинения, Вы знаете это (ССЗОЗ).

Применяя **стратегию психологического воздействия**, адвокат одновременно пытается повлиять на мнение свидетеля и получить выгодные показания для защиты, используя **тактику получения достоверных показаний** (с помощью **приемов конструктивного уточнения**), **тактику убеждения** (с помощью **приема апелляции к моральному аспекту**: ссылаясь на нормы поведения и права граждан в демократическом обществе), защитник показывает, что подсудимый такой же равноправный гражданин, как и все присутствующие в зале; указывает на недопущение прямого нарушения его прав. Данный ход создает психологическое давление на участников процесса, заставляет задуматься о правомерности действий стороны обвинения. Более того, речевое поведение адвоката всецело ориентировано на победу в данном деле, достигается с помощью композиции умело подобранных риторических вопросов к свидетелю (**тактика атаки вопросами**), на которые определенно последует положительный ответ. Даже выступление свидетеля со стороны обвинения, обладающего определенным авторитетом в правозащитной среде, защитник старается обратить в свою пользу и использует выгодные выводы для защиты подсудимого.

Не менее значимой для реализации коммуникативной категории чуждости является **стратегия дискредитации**. Приведем пример:

Адвокат: *И естественно, такое намерение обвиняемого воспринимается свидетелем как угроза его социальному благополучию, это же очевидно. Сесть-то он не хочет за ложный донос. Однако основанием для избрания меры пресечения является не субъективное восприятие каких-то обстоятельств свидетелем, а его объективное присутствие. То есть написать заявление с целью посадить в тюрьму преступника – это законно. И коль скоро это законно, то расценивать это угрозу и держать человека под стражей – вот это как раз и есть нарушение (ССЗЛ1).*

Применяя **стратегию дискредитации**, адвокат доказывает несостоятельность показаний свидетеля. Этому способствуют: **тактика убеждения**, реализуемая **приемом констатации факта** (*это же очевидно. Сесть-то он не хочет за ложный донос*), **прием формулирования логического вывода** (*и коль скоро это законно, то расценивать это угрозу и держать человека под стражей – вот это как раз и есть нарушение*).

В следующем примере **стратегия дискредитации**, реализующая чуждость, направлена на разрушение репутации свидетеля, адвокат ставит под сомнение его профессиональную компетентность, влекущую за собой ослабление его позиции. **Тактика атаки вопросами**, реализующаяся с помощью **приемов переформулирования вопросов, конструктивного уточнения, формулирования логического вывода** из ответов свидетеля (*в области религиоведения как государственной дисциплины вы не являетесь*), указывает на несостоятельность позиции свидетеля, работает на осуществление основной статусно детерминированной стратегии защитника. Рассмотрим подробнее на примере:

Пр. истца: *Да, уважаемый суд, у меня имеются вопросы. Я бы хотел спросить специалистом в какой области вы являетесь?*

Свидетель: *Я являюсь специалистом в нескольких областях ... сектоведение и в средневековой истории ....*

Пр. истца: *В других областях не являетесь специалистом?*

Суд: *В других, это космосе например?*

Пр. истца: *Во всех остальных, например религиоведение, философия, история религии, что-нибудь такое...*

Свидетель: *Дело в том, что сектоведение это дисциплина, которая связана и с религиоведением и с историей религий.*

Пр. истца: *Имеется ли у вас документ, который подтверждает достижение государственного стандарта по специализации сектоведение. Документ который подтверждает вашу квалификацию в этом направлении?*

Свидетель: *Государственного стандарта по сектоведению нет, это конфессиональная дисциплина, которая преподается в религиозных учебных заведениях....*

Пр. истца: *Специалистом в области религиоведения как государственной дисциплины вы **не являетесь**, я правильно понял?*

Свидетель: *Я еще раз поясню, что в религиоведение входит также в сектоведение. Специалист по сектоведению.*

Пр. истца: *Нет, я имею в виду дисциплина, что государство выдает специальное подтверждение, что этот человек достигает (ССЗМ).*

Помимо указанных пар участников, нами также были обнаружены случаи противопоставления «адвокат → адвокат» в рамках гражданского процесса. Анализ коммуникативного поведения участников данной пары показал, что коммуникативная категория чуждости в большинстве случаев сопровождается стратегией **дискредитации**, выраженной через **тактику критики и обвинения**.

Обобщение выявленных примеров реализации коммуникативной категории чуждости в стратегическом поведении защитника по отношению к свидетелю представлено в таблице (см. Приложение № 3). Далее перейдем к рассмотрению специфики реализации чуждости в коммуникативном поведении обвинителя.

2.4.2. Реализация категории чуждости в коммуникативном поведении обвинителя

Помимо защитника еще одним главным агентом судебного дискурса является прокурор, участие которого в судебном процессе также обязательно и соотносимо с коммуникативной категорией «чуждость». Поскольку обвинительная деятельность является одним из существенных признаков прокурорской деятельности в целом, то можно определить, что прокурор – это агент судебного дискурса, прямо противостоящий стороне защиты на судебном процессе. В результате данного противостояния, выраженного в форме поддержания законного и обоснованного обвинения, прокурор или государственный обвинитель отчуждается от подсудимого и соответственно стороны его защиты.

Комментарий, опубликованный в статье Д.А. Безвершенко к вопросу о толковании понятия «прокурор», *«понятие прокурора как участника уголовного процесса в УПК РФ не сформировано и получается, что функция обвинения возложена не на конкретного участника уголовного процесса, воплощающего в себе в рамках правосудия сторону обвинения, а на весь аппарат правоохранительных органов в целом»* [Безвершенко, www] дает нам основание привлекать для анализа не только примеры коммуникативного поведения прокурора, но и других представителей стороны обвинения (а именно государственного обвинителя, следователя, представителя ответчика / истца), также противостоящих стороне защиты. Всех представителей стороны обвинения мы обозначаем зонтичным термином **обвинитель**.

Нами выделено две линии поведения обвинителя в рамках судебного процесса, коррелирующих с исследуемой категорией чуждости. Первая – обязательная линия поведения, которая закреплена дискурсивной ролью и предполагает, что обвинитель может проявлять чуждость по отношению к другим участникам судебного дискурса.

Следуя второй, факультативной линии поведения, обвинитель может стать чужим для судебного дискурса. Активизация обозначенной линии возможна в случае отступления обвинителем от закреплённой дискурсом роли, т.е. игнорирование своих профессиональных функций (поддержание государственного обвинения, обеспечение надзора за законностью и обоснованностью обвинения) и невыполнение служебного долга, что подразумевает «направление в суд дела с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, которые могут привести к постановлению оправдательного приговора, так и требование о вынесении обвинительного приговора при отсутствии доказательств виновности подсудимого либо необоснованный отказ государственного обвинителя от обвинения (п. 111). [Мельник, Решетова, www].

Перейдем к непосредственному анализу вербального поведения обвинителя, в рамках облигаторной дискурсивно-обусловленной линии поведения, в которой он выступает чужим по отношению 1) к защитнику / адвокату подсудимого; 2) к подсудимому; 3) к свидетелю стороны защиты; 4) к судье. Для анализа нами были взяты материалы 90 стенограмм судебных заседаний, включающие участие 15 обвинителей.

Начнем с рассмотрения первой оппозиционной пары участников судебного дискурса «обвинитель → защитник», при противоборстве которых обвинение является доминирующей по отношению к стороне защиты.

I. Обвинитель → защитник

Анализ практического материала показал, что в речевом поведении обвинителя по отношению к защитнику коммуникативная категория чуждости проявляется в используемых **стратегиях психологического воздействия** (обнаружено 12 примеров) и **дискредитации** (5).

Согласно полученным результатам, мы можем утверждать, что чаще всего обвинитель прибегает к использованию **стратегии психологического воздействия**, проявляющейся посредством ряда тактик, к наиболее частотным из которых относятся тактика **убеждения, критики, нападения,**

контратаки и **атаки**. Обратимся к рассмотрению примеров, иллюстрирующих доминирующую стратегию.

Приведем небольшой отрывок стенограммы судебного заседания в качестве примера реализации **стратегии психологического воздействия** со стороны обвинителя через **тактику критики (прием констатации фактов: *Защита должна была сослаться на конкретные обстоятельства; ни следователем он таковым признан не был, не был и допрошен в качестве свидетеля*** и последующий логический вывод о голословности ходатайства, что указывает на противопоставление своей и чужой стороны оппонента.

Прокурор: *Я так же поддерживаю мнение Б. и полагаю, что в настоящем деле государственный обвинитель Б. свидетелем не является. Ни следователем он таковым признан не был, не был и допрошен в качестве свидетеля. Что касается личной заинтересованности прокурора Б., то защита должна была сослаться на конкретные обстоятельства, а поэтому в этой части ходатайство голословно. Таким образом, заявленное ходатайство подлежит отклонению (ССЗА, Л, Е, Д–27).*

Нижеприведенный пример иллюстрирует проявление коммуникативной категории чуждости в рамках **стратегии психологического воздействия**, реализуемой с помощью **тактики убеждения** через **прием формулирования логического вывода**, построенного на основе заранее подобранных аргументов в защиту позиции обвинителя; **прием констатации фактов** (*такого в материалах дела нет*), также работающего на идею отчуждения адвоката от суда; **тактики нападения**, эксплицируемой **приемом говорения колкости**, которая направлена на защитника за его попытки использовать средства давления на суд. Кроме того, притяжательное местоимение *свой* также является маркером огораживания своего пространства и отчуждения от оппонента (**прием противопоставления своих и чужих**).

Прокурор: *Я не думаю, что в материалах дела имеются доказательства того, что Л. может кого-то подкупить, в противном*

случае сейчас и здесь же был бы изготовлен надлежащий процессуальный документ, который именуется, **как вы знаете**, рапорт об обнаружении признаков преступления. Такого в материалах дела нет, и поэтому говорить о том, что кто-то подозревает господина Л. в том, что он собирается кого-то подкупить, таких сведений **нет и быть не может** в настоящее время. Другое дело, насколько вы пытаетесь сейчас использовать богатый русский язык для того, чтобы передергивать известные обстоятельства в **свою** пользу (ССЗЛ1).

В следующем примере в рамках **стратегии психологического воздействия** обвинитель прибегает к использованию **тактики атаки вопросами** (прием повторных вопросов). Так, на вопрос адвоката следователь также отвечает вопросом, повторяет один и тот же вопрос несколько раз, создавая эффект эмоционального воздействия, акцентирует внимание суда на некомпетентности своего оппонента, подчеркивает факт недостаточного ознакомления адвоката с материалами рассматриваемого дела, что призвано продемонстрировать противопоставленность позиций.

Адвокат: Подождите, я правильно понял, он во время следственного действия сказал на... значит, употребил слово «сучонок»...

Следователь: А вы знакомились с материалом ходатайства?

Адвокат: Во время следственного действия.

Следователь: Да. Да.

Адвокат: В отношении свидетеля, находящегося под государственной защитой, при этом находясь под стражей. И вы, как следователь, сейчас говорите, что слово «сучонок» вы воспринимаете как угрозу свидетелю, правильно я вас понял?

Следователь: Ну, я могу третий раз вам повторить, товарищ защитник. Вы с ходатайством знакомились органов следствия?

Адвокат: Нет, вы так написали, я хочу, чтоб просто... чтоб в протоколе было ваше мнение. Потому что вы сослались на свидетеля.

Следователь: *Мое какое мнение? Я поддерживаю данное ходатайство в полном объеме. Здесь в ходатайстве написано (ССЗЛ1).*

Другой пример представляет собой случай использования **тактики контратаки** в рамках **стратегии психологического воздействия**:

Адвокат: *Скажите, пожалуйста, какие основания не отпали на сегодняшний момент?*

Прокурор: *Те основания, которые были изложены в постановлении суда при избрании меры пресечения в отношении Л.*

Адвокат: *А можете конкретно пояснить?*

Прокурор: *Я не желаю пояснять, я вас отсылаю к надлежащему процессуальному документу, который здесь есть. И я полагаю, что здесь не место и не время задавать, так сказать, экзаменовать как следователя, так и участвующего прокурора.*

Адвокат: *То есть вы считаете, что голословность...*

Прокурор: *Вы сейчас только этим и занимаетесь (ССЗЛ1).*

На вопрос адвоката прокурор реагирует весьма эмоционально и свою ответную реплику строит с помощью **тактики контратаки**. Заметим, что обвинитель выражает «чуждость» не только с помощью общего смысла высказывания, но и с помощью грамматических и лексических средств. К примеру, форма прошедшего времени глагола (*были изложены*) имплицитно указывает на некомпетентность адвоката, прокурор пытается акцентировать внимания суда на слабой подготовленности защиты к процессу, что относит адвоката к чужим агентам дискурса. Модальность нежелания выполнения действия выражена глаголом с отрицательной частицей *не* (*не желаю*), а также отрицанием (*не место и не время*). Используется **прием апелляции к дополнительному аргументу** (постановление суда), что вновь указывает на некомпетентность адвоката. Лексическая единица в реплике обвинителя *экзаменовать* отсылает нас к ситуации сдачи экзаменов, которую создал адвокат в диалоге с прокурором, **прием говорения колкости** (*Вы сейчас только этим и занимаетесь*) являются средством **создания эмоционального**

обсуждения деяний. Попутно обвинитель пытается указать суду на предвзятое отношение адвоката к процессу, использование им непроверенных фактов и данных, что ставит под сомнение его профессиональную компетентность.

В следующем примере **стратегия дискредитации** представлена **тактикой критики** (прием ссылки на прецедентный текст – УПК РФ, **прием цитирования** – ст. 61 УПК), выраженной также такими лексическими средствами, как оценочное прилагательное *невнимательное* (*изучение*) и глагол с отрицательной частицей *не* (*не обратил внимание*). Все в совокупности работает на идею отчуждения стороны защиты и указывает на недостатки ее деятельности. Кроме того, **прием формулирования логического вывода** подводит присутствующих в суде к мысли о несостоятельности ходатайства, представленного стороной защиты:

Прокурор: *Уважаемый представитель защиты К. приводит ссылку на ст. 61 УПК, в которой четко указано: прокурор не может принимать участие в уголовном деле в связи с тем, что он являлся свидетелем по уголовному делу. В связи с невнимательным изучением уголовного дела, адвокат К. не обратил внимание на то, что фамилия Б. в списке свидетелей отсутствует. Таким образом, ссылка на ст. 61 не обоснована (ССЗА, Л, Е, Д – 27).*

Систематизация вышесказанного представлена в таблице (см. Приложение № 4).

II. Обвинитель → подсудимый

Далее перейдем к рассмотрению второй оппозиционной пары участников судебного процесса, наиболее ярко противопоставленных друг другу и реализующих свое коммуникативное общение в корреляции с коммуникативной категорией чуждости. Данная категория по отношению к подсудимому представлена, в рамках основной статусно детерминированной стратегии обвинения стратегией **психологического воздействия** (16 примеров).

Представленный фрагмент стенограммы судебного заседания демонстрирует **стратегию психологического воздействия**, в рамках которой обвинитель путем комбинирования **тактик атаки вопросами** пытается доказать, что в показаниях его оппонента существуют противоречия, которые определенно относят его к кругу чужих, преступающих закон и вводящих суд в заблуждение. Помимо этого обвинитель выстраивает линию своего поведения, используя еще одну тактику – **получения достоверных показаний (приемы конструктивного уточнения, настаивания на припоминании, констатации фактов)** через которые он влияет на ход допроса путем давления на подсудимого.

Прокурор: *Угу. А., хорошо, поясните, пожалуйста... Почему Вы не рассказали следователю по обстоятельствам... Вас обвиняют в том, что 15.10.2003 г. Вы похитили человека и совершили иные противоправные действия в отношении Ц. И отвечая на вопросы следователя о событиях, предшествовавших задержанию Вы, говоря о событиях задержания в вечернее время, Вы не рассказываете о том, что в утренние часы Вы выезжали к месту...*

Подсудимый: *Я Вам еще раз разъясняю, что, во-первых, я мог вообще на эти вопросы не отвечать.*

Прокурор: *Вы отвечали, поэтому я и спрашиваю: почему Вы об этом не рассказали?*

Подсудимый: *Я Вам поясняю: я Вам только что прочитал статью 12 Закона об ОРД – я не имел права вообще об этом рассказывать. Это негласные мероприятия, понимаете. Наблюдение – это негласное мероприятие. И о нем я могу рассказывать только с согласия руководства и с согласия лиц, которые помогали нам его осуществлять. И, кроме того, я опасался за их благополучие.*

Прокурор: *Вы один приехали в утренние часы?*

Подсудимый: *Так туда потом приехал...*

Прокурор: *Про потом не говорим. Вы приехали. Почему про себя-то не рассказали?* (ССЗА, Л, Е, Д–28).

Проанализируем еще один пример, в котором через **тактику атаки вопросами** действий подсудимого (**прием констатации фактов, цитирования и переформулирования вопросов**), обвинитель выражает свое несогласие с позицией подсудимого, указывает на некоторые, замеченные расхождения в показаниях и тем самым воздействует на участников процесса (**стратегия психологического воздействия**). Все обозначенные средства выполняют коммуникативноорганизующую роль коммуникативной категории чуждости в рамках судебного дискурса. **Тактика получения достоверных показаний через прием напоминания уже данных ранее показаний и прием конструктивного уточнения** также работает на данную идею.

Прокурор: *Поясните, пожалуйста, А.: почему Вы следовательно тогда сообщили, что лишь 15-го числа «мне стало известно о том, что Л. в этот день должен...» и в этот же день Вы узнали о существовании некоего Т.?*

Подсудимый: *Еще раз повторяю: было проведено негласное мероприятие. И об участвовавших в нем лицах я не хотел говорить следователю, т.к. во-первых, я ему не доверял, потому что он представлял позицию Ц., а во-вторых, потому что в этих мероприятиях участвовали гражданские лица.*

Прокурор: *Хорошо. Ну а остальное, то, что Вы вчера сообщили в судебном заседании и что не соответствует оглашенному протоколу?*

Подсудимый: *Это не несоответствие. Об этом там (в протоколе) просто не сказано.*

Прокурор: *То есть из-за недоверия следствию, которое не поддерживало Вашу позицию?*

Подсудимый: *Которое необъективно вело расследование уголовного дела.*

Прокурор: *Из-за недоверия следствию?*

Подсудимый: Да. (ССЗА, Л, Е, Д–28).

В рамках основной стратегии обвинения, обусловленной институциональной ролью агента, применяется **тактика уличения во лжи (прием констатации несоответствия действительности)**, которая является не менее значимой для реализации коммуникативной категории чуждости.

Тем самым прокурор демонстрирует противоположность взглядов и свою отчужденность от позиции подсудимого:

Прокурор: *Итак... На самом деле Вы ездили или не ездили? Почему Вы следователю-то неправду сказали?*

Подсудимый: *Я не говорил неправду. Я просто не стал вот этого рассказывать. Потому, что я и следователю не доверял: следствие велось в «одни ворота», наши сведения и факты даже вообще никто не думал проверять (ССЗА, Л, Е, Д–28).*

Стратегия обвинения в корреляции с **тактикой получения достоверных показаний** эксплицирует «чуждость» по отношению к подсудимому в следующем отрывке стенограммы судебного дела:

Прокурор: *Почему следователю не сообщили о том, что фамилия, имя Ц. Вам было известно не в момент его доставления и задержания, а несколько раньше? То, что Вы рассказывали вчера.*

Подсудимый: *Я сказал следователю в свободном рассказе, что Ц Л. называл Т.*

Прокурор: *Так. Вы написали: замечаний к протоколу нет. Почему не дополнили?*

Подсудимый: *Не придавал значения. А следователь торопила.*

Прокурор: *Так. Протокол был начат в 17 часов 50 минут и закончен в 19 часов 10 минут. То есть 1 час 10 минут допрашивали. Почему Вы не рассказали следователю о событиях утра и дня 15 октября 2003 года, т.е. о тех мероприятиях по выезду по месту жительства Ц.?*

Подсудимый: *В ходе допроса следователь Ф. предвзято относилась. Было видно по ее поведению, что она очень негативно настроена к*

сотрудникам милиции. А по поводу того, что я не дополнил ей утро, так я ей дополнил по 18-му числу очень подробно и хорошо. Дополнил про то, как Л. выбили дверь и привезли в ее кабинет. И Вы думаете, что я был готов ей дополнить про утро?! Например, про Р.?! Чтобы его тоже так привезли и оказали на него давление? Я понял, что начинаются серьезные неприятности. И поверьте мне, я не собирался подвергать опасности других людей.

Прокурор: Л., на тот момент Вы должны были не понимать, что у Вас начинаются неприятности, а рассказать. Поскольку Вам было предъявлено обвинение. Поэтому поясните, почему не называя имен брата и Р., Вы не рассказали о тех событиях, которые происходили в течение всего 15 октября?

Подсудимый: Я понимаю Вас, прекрасно понимаю. Но если бы я рассказал следователю, то с ними бы поступили так, как поступили с Л.

Прокурор: А почему не рассказали, не называя фамилий и данных этих лиц?

Подсудимый: Я решил, что так надо. Я когда они говорили в суде. Я и то переживал.

Прокурор: Почему Вы не рассказали о поездке А. с утра 15-го по месту жительства Ц.?

Подсудимый: Мы проводили негласное оперативное мероприятие – наблюдение.

Прокурор: Да, но тем не менее, вы здесь рассказываете очень выборочно. Поэтому поясните: почему Вы одно рассказывали, другое – не рассказывали?

Подсудимый: Я объясняю: потому что оказывалось давление.

Прокурор: То есть не доверяли следователю?

Подсудимый: Не доверял.

Прокурор: Понятно (ССЗА, Л, Е, Д–28).

В данном случае генеральная **стратегия обвинения** представлена **тактикой получения достоверных показаний (приемы напоминания уже данных ранее показаний и конструктивного уточнения), тактикой атаки вопросами, тактикой уличения во лжи (приемом констатации фактов, указание на неполноту информации)** с помощью которых обвинитель оказывает давление на подсудимого и изобличает его. Тактика **атаки вопросами** выражена рядом однотипных вопросов, начинающихся с местоименного наречия *почему*, а также при помощи **приема переформулирования вопросов. Прием формулирования логического вывода** провоцирует подсудимого ответить положительно на вопрос о его недоверии следователю, т.е. представителю обвинения. Все эти факты еще раз подчеркивают идею противопоставленности и отчуждения обвинителя и подсудимого.

Систематизация выявленных тактик в рамках стратегии психологического воздействия, реализующей коммуникативную категорию «чуждость» в диаде «обвинитель – подсудимый» отображена в таблице (см. Приложение № 5).

III. Обвинитель → свидетель

Третью пару участников судебного дискурса представляют «обвинитель → свидетель», в таком противопоставлении реализация категории чуждости будет направлена на свидетеля стороны защиты, также являющегося процессуально чужим для стороны обвинения.

Согласно данным нашего анализа наиболее яркими стратегиями проявления коммуникативной категории чуждости по отношению к свидетелю стороны защиты являются **стратегия психологического воздействия** (15 примеров) и **дискредитации** (7), первая из которых, является наиболее представленной в практическом материале. Прокомментируем примерами.

Прокурор: *Почему вы все-таки пришли к тому, что именно на праве собственности должно быть?*

Свидетель: *Потому что на тот момент, и по практике, если вы исследуете деятельность других органов исполнительной власти, Генеральной прокуратуры в частности, вы убедитесь в том, что это было единственно возможное на тот.*

Прокурор: *Вы мне можете со ссылкой на законодательный акт?*

Свидетель: *Конечно, закон о государственной службе. Каждый государственный служащий один раз в своей жизни имеет право на получение соответствующих средств на получение жилья в собственность. Именно это явилось основанием.*

Прокурор: *Я прошу прощения, закон о государственной службе немножечко по-другому говорит об этом праве.*

Свидетель: *Тогда процитируйте, я не против.*

Прокурор: *Ваша честь, вы позволите? Потому что ...эти законодательные акты, непосредственно закон о госслужбе можно рассмотреть, это... Так. Лист дела 191-195. 53 статья, да, если я не ошибаюсь? Лист дела 191-195, посмотрите, пожалуйста. Выписка из 53 статьи закона.*

Прокурор: *Видимо, вы имеете в виду пункт 4 статьи 53?*

Свидетель: *Да.*

Прокурор: *Я правильно вас понимаю?*

Свидетель: *Да (ССЗ).*

Через тактику атаки вопросами, тактику критики в представленной реплике (закон о государственной службе немножечко по-другому говорит об этом праве), тактику получения достоверных показаний (приемы конструктивного уточнения, ссылки на прецедентный текст – текст законодательного акта) прокурор пытается повлиять на свидетеля, выявить степень достоверности его показаний, что работает на отчуждение свидетеля, указывает на несоответствие данным, которые он предоставляет.

Еще один пример демонстрирует проявление стратегии психологического воздействия (через тактику атаки вопросами и прием

переформулирования вопросов), тактики получения достоверных показаний (через прием конструктивного уточнения), направленной на выявление противоречий в показаниях и, как следствие, их несостоятельности:

Прокурор: *И вы не обратили внимания, с какой стороны 99-я подъехала?*

Свидетель: *Там от магазина есть дорога... Она (99-я) и с одной стороны могла подъехать, и с другой.*

Прокурор: *Еще какая-то автомашина, кроме 99-й, на задержании была?*

Свидетель: *Я не видел.*

Прокурор: *Кто из присутствующих подсудимых открывал дверь со стороны водителя?*

Свидетель: *Со стороны водителя... <Свидетель делает некоторую паузу>. Михаил, кажется, был с пассажирской стороны...*

Прокурор: *Так, А. – с пассажирской?*

Свидетель: *Да.*

Прокурор: *Кто со стороны водительской двери?*

Свидетель: *По-моему, сзади... А второго... Их было не видно.*

Прокурор: *Так, сколько человек задерживало?*

Свидетель: *Со стороны водителя – двое и один – со стороны пассажирской двери (ССЗА, Л, Е, Д–13).*

Стратегия дискредитации со стороны обвинителя находит отражение в следующем примере:

Прокурор: *Она много времени проводила на территории Чеченской Республики?*

Свидетель: *Да, много времени. В основном, она на территории...*

Прокурор: *В основном, она проводила время на территории Чеченской Республики?*

Свидетель: *По своим служебным делам, по своей работе выезжала, но в основном жизнь ее проходила в Чеченской Республике.*

Прокурор: *То есть, я так понимаю, постоянное место жительства у нее было в Чеченской Республике, а выезжала она по работе?*

Свидетель: *В Грозном она была прописана. Я же сказал, она собиралась свою квартиру приватизировать, она, по-моему, несколько раз ходила в мэрию по этому поводу. Там какие-то неполадки были, но она собиралась их устранить (ССЗО2).*

Через тактику атаки вопросами и приемы переформулирования вопросов, формулирования логического вывода и конструктивного уточнения обвинитель пытается уличить свидетеля противоположной стороны защиты в обмане, дискредитировать его, показать ему, что их позиции противоположные, и, соответственно, чужие.

Кроме перечисленного, в рамках общей дискурсивно обусловленной стратегии обвинения применяется также тактика **нападения, тактика атаки вопросами:**

Прокурор: *А как расценивать Ваши показания вот эти, где Вы говорите, что выдали Вам автомат и полковник сказал стрелять в работников правоохранительных органов? Как расценивать эти показания? (ССЗК4).*

Обобщение проанализированного материала и выделенные стратегии и тактики реализации категории чуждости в коммуникативном поведении обвинителя по отношению к свидетелю представлены в таблице (см. Приложение № 6).

IV. Обвинитель → судья

Как показал практический материал нашего исследования, коммуникативная категория чуждости в коммуникативном поведении обвинителя по отношению к судье не эксплицируется какими-либо явными стратегиями и реализующими их тактиками, приемами и другими языковыми средствами, нами были замечены лишь некоторые случаи конструктивных

замечаний. К примеру: *Ваша честь, ссылки на закон – это не объяснение противоречий в показаниях* (ССЗА, Л, Е, Д–28). Несмотря на заявленное нами выше наличие диады «обвинитель → судья» скажем, что она не нашла отражения в практическом материале, т.е. в анализе коммуникативного поведения обвинителя по отношению к судье не выявлено проявления коммуникативной категории чуждости. Предположим, что причиной этому служит высокая степень ритуальности судебного дискурса и строго фиксированная система ролей, сдерживающие участников судебного процесса. Другими словами, можно сделать вывод, что в диаде агентов судебного дискурса «обвинитель → судья» категория чуждости не обнаруживается.

2.4.3. Реализация категории чуждости в коммуникативном поведении судьи

Судебный процесс всегда нацелен на разрешение конфликта: в случаях гражданского процесса – конфликта между сторонами; в случае уголовного процесса – конфликта между правонарушителем и государством, контролирующим соблюдение правовых норм в обществе. Таким образом, в судебном дискурсе является обязательным присутствие оппозиционных сторон, которые определенно *чужие* друг для друга. Однако, несмотря на свойственную состязательность оппонентов, судебный процесс должен быть согласованным, а его агенты обязаны проявлять должное уважение ко всем участникам процесса, в том числе и к своим прямым оппонентам. Обеспечение порядка такой социально значимой процедуры в наибольшей степени является прерогативой судьи, который представляет собой ключевого агента и «организующий центр речевого взаимодействия в зале суда» [Дубровская, 2010]. В этом заключается содержание облигаторной линии коммуникативного поведения судьи, в рамках которой он занимает позицию главного наблюдателя, находящегося «над» всеми, не

проявляющего намеренного расположения или чуждости ни к одному агенту / клиенту дискурса. Судья, как орган государства, должен следить за соблюдением процессуального законодательства и при наличии оснований активно применять к нарушителям процессуальные санкции. Мы полагаем, что лишь в данном случае можно говорить о некой отчужденности со стороны судьи, которую он применяет к агентам, не выполняющим требования судебного дискурса, т.е. являющимся определенно *чужими* для дискурса.

Наблюдения за коммуникативным поведением судьи в условиях российского судебного процесса показывает, что в большинстве случаев судья, несмотря на предписанную нейтральную позицию, принимает активное участие при осуществлении своих основных функций: регулятивной и функции посредника между другими участниками судебного процесса. В связи с этим думается целесообразным обозначить еще одну, дополнительную линию поведения судьи, в рамках которой мы имеем дело с такой стороной языковой личности, как «судья – обычный человек» [Дубровская, 2010]. Если при характеристике первой линии поведения мы сталкиваемся с деперсонализацией личности, отчуждающейся от своих личных предпочтений, то в рамках второй, дополнительной, линии поведения мы допускаем наличие некоторых личностных проявлений, в том числе и проявление коммуникативной категории чуждости по отношению 1) к защитнику; 2) к обвинителю; 3) к свидетелю; 4) к подсудимому, которые представляют собой исключения из общего правила.

Перейдем к непосредственному рассмотрению эпизодов стенограмм судебных процессов, включающих данные противостояния. В проведенном анализе нами были использованы материалы 89 судебных процессов, отображающих коммуникативное поведение 10 судей. В результате данного анализа мы обнаружили следующие стратегии, коррелирующие с категорией чуждости: **стратегия психологического воздействия** (7 примеров),

следования регламенту судебного разбирательства (3), представленных рядом тактик и приемов.

I. Судья → защитник

В данной диаде адресатом судьи является защитник, по отношению к которому он может проявлять «чуждость» ввиду двух причин: 1) нарушение защитником процессуальных норм ведения судебного процесса; 2) личное отношение. Рассмотрим подробнее на примерах.

Демонстрация судьей своего доминирующего положения представлена в следующем примере, выражающем **стратегию психологического воздействия**:

Судья: Может быть, Вы медицинский институт желаете закончить, прежде чем задать эксперту вопросы?

Адвокат: Я просто прошу объявить перерыв до завтра.

Судья: Ну откуда я знаю, некоторые экстерном и докторские защищают. Ну т.е. за этот день что Вы хотите изучить? Вы скажите, чтобы я понял.

Адвокат: Соответствующую нормативную базу.

Судья: Какую? Для этого Вам особых познаний не требуется, для того, чтобы спросить, чем эксперт руководствовался. Он Вам ответит. Какие Вам нужны дополнительные познания? Курсы какие-то повышения квалификации? Вот что конкретно? (ССЗА3).

В ответ на просьбу защитника объявить перерыв для подготовки вопросов к эксперту, судья применяет **тактику атаки вопросами**, включая **прием говорения колкостей**, создающий эффект саркастического отношения к компетенции защитника; с помощью ряда уточняющих вопросов, сопровождающихся комментариями, судья пытается подавить адвоката и склонить его отказаться от своей просьбы о продлении процесса в другой день. Последний комментарий судьи с использованием приема **переформулирования вопросов** является средством оказания психологического воздействия.

В другом примере стратегия **психологического воздействия** судьи выражена **тактиками атаки вопросами и критики**: судья задает ряд уточняющих вопросов с отрицательной оценкой, к примеру, лексическая единица *сидите* имплицитно указывает на недостаточную активность в процессе и даже в некоторой степени бездействие стороны защиты; совместно с ироничными высказываниями судьи демонстрируют его отрицательный настрой к защитнику, что работает на идею отчуждения, результатом чего является отказ на ходатайство:

Судья: *И.В., Вы сколько лет в этом процессе сидите?*

Адвокат: *Я?*

Судья: *Ну не я же. Я вот только в первый раз.*

Адвокат: *3,5 года.*

Судья: *За 3,5 года можно было постановление почитать?*

Адвокат: *За 3,5 года впервые был вызван эксперт в судебное заседание.*

Судья: *Ну и при чём тут это?*

Адвокат: *Я так быстро сформулировать не могу.*

Судья: *Экспертизу Вы читали за 3,5 года, так?*

Адвокат: *Читала.*

Судья: *Она у Вас есть?*

Адвокат: *Задача Вами поставлена, я немного хочу подумать, какие вопросы я могу задать. Мне оказалось мало часа.*

Судья: *Суд постановил в удовлетворении ходатайства отказать в виду его необоснованности (ССЗА2).*

Нижеприведенный пример показателен тем, что совмещает в себе несколько тактических ходов внутри **стратегии следования регламенту судебного разбирательства**: **тактики самопрезентации (приемы превентивного предупреждения, констатации фактов, конвенциональной вежливости, формулирования логического вывода и апелляции к нормам ведения судебного процесса)**. Частое применение

судьей последнего приема объясняется его институциональным статусом, его положением «над» всеми остальными, с одной стороны, направленным на реализацию категории чуждости к нарушителям порядка – с другой.

Судья: *Поскольку стороны данное обстоятельство прокомментировали, считаю необходимым заявить, что оказание какого-либо давления на участников процесса и на себя лично как на председательствующего по данному делу, считается недопустимым, в связи с чем попрошу стороны воздержаться от данных действий, поскольку это не может способствовать объективности в данном деле и может только навредить, потому что я не уверен, что все будут счастливы, если я заявлю себе самоотвод, понимаете? Придёт такой же судья, только вы все придёте и будете рассматривать это дело с самого начала, вот и всё. Ну и соответственно прошу воздержаться от высказываний, затрагивающих и оскорбляющих кого-либо из участников процесса, несмотря на всю тяжесть, сложность и неоднозначность дела с точки зрения не только общеуголовной и общеправовой оценки, но и других точек зрения. Тем не менее, суд – это не трибуна для политических дискуссий и никак не место для высказываний какого-либо толка типа националистического, либо ущемляющего кого-либо из участников процесса, поэтому прошу быть сдержанными, надеюсь на сотрудничество всех без исключения. Спасибо. Продолжаем судебное заседание, суд принял решение по ходатайству об оглашении постановления об эксгумации. Напоминаю, что решение суда не является окончательным, данное ходатайство может быть заявлено вновь с соответствующими мотивировками. Что необходимо, уважаемый эксперт, для того, чтобы ответить? (ССЗА2).*

Довольно часто судья апеллирует к **тактике критики**, в частности реализуемой через **прием указания на нерелевантность вопроса**, что отражается в начальной реплике речи судьи:

Не надо все вопросы складывать в одну кучу (ССЗА, Л, Е, Д–12).

Еще один случай **тактики критики** отображен в данном фрагменте:

Господин адвокат, я прошу не надиктовывать свидетелю ответ, а дождаться его ответа на Ваш вопрос (ССЗА, Л, Е, Д–4).

Тактика критики, проявляющаяся с помощью замечания защитнику (**прием апелляции к нормам ведения судебного процесса**), показывает внутренне несогласие судьи с действиями защитника.

Эпизод следующего резонансного дела русских офицеров Аракчеева и Худякова, обвиняющихся в убийстве граждан Чечни, имеет достаточное количество противоречий и исключений из правил, представляющих определенный интерес с точки зрения коммуникативного поведения судьи. Несмотря на положенную по регламенту нейтральную позицию, ответные реплики судьи содержат компонент ярко-выраженной личной оценки, напрямую отражающих проявление чуждости. Здесь коммуникативная категория чуждости проявляется в рамках дополнительной линии поведения судьи и, с одной стороны, исходит от судьи по отношению к защитнику, а с другой – направлена на него самого, т.к. нарушая установленный регламент, он становится *чужим* для судебного дискурса. В качестве примера укажем комментарий судьи: *Ну а каким способом, по-вашему, должен был бы быть подорван автомобиль нашими военными?* в котором судья нарушает предписанный нейтралитет, обозначает подсудимых уже как виновных в совершении преступления и даже не допускает возможности признания их невиновности.

Используемая судьей **тактика атаки вопросами через прием переформулирования вопросов** на протяжении всего диалога с защитником, нацелена на получение его личного мнения, поэтому мы полагаем, что такое преднамеренное настаивание именно на личном мнении затем станет причиной обвинений в субъективности суждений, хотя **прием конвенциональной вежливости** скрывает данное намерение агента и создает эффект формального соблюдения регламента поведения на судебном процессе. В конце эпизода, мы наблюдаем явную приверженность суда своему мнению и его непоколебимость во взглядах, заключительная реплика

судьи (*Они все самодельные*) показывает безрезультатность всех предыдущих попыток защитника объяснить действия подзащитного. В итоге, происходит отчуждение адвоката и его подзащитного от судьи и по результатам заседания суд принимает решение в пользу стороны обвинения. Представим рассмотренный выше пример:

Судья: *Т.е. суд Вас правильно понял, что Вы считаете, что можно было просто подорвать гранату и не морочить себе голову изготовлением каких-то взрывных устройств?*

Адвокат: *Я уверен, что профессиональные военные, а тем более сапёры, не стали бы подрывать с помощью кустарно изготовленного взрывного устройства.*

Судья: *Ну а каким способом, по-вашему, должен был бы быть подорван автомобиль нашими военными?*

Адвокат: *Мои домыслы мало кого интересуют.*

Судья: *Ну раз Вы высказали такие сомнения. Кустарно изготовленное взрывное устройство Вы считаете сомнительным, и считаете, что если бы это были военные, они бы подорвали другим способом. Каким конкретно Вы считаете?... раз защитник высказал такую точку зрения, я и выясняю у него, что он имел в виду. Вот по-вашему, что такое кустарно изготовленное взрывное устройство? Что Вы под этим понимаете?*

Адвокат: *Самодельное.*

Судья: *Что такое самодельное? Это что?*

Адвокат: *Собранное из комплектующих, которые первоначально не предназначались для единого взрывного устройства.*

Судья: *Ну т.е. тротиловая шашка и взрыватель – это является кустарно изготовленным взрывным устройством? По-вашему?*

Адвокат: *По-моему? Я ничего в этом не понимаю, для этого есть эксперты и специалисты. Просто из моего опыта общения не с военными, я знаю, что такое кустарно изготовленное взрывное устройство. Это*

устройство, которое может в любой момент подвести, сработать непредсказуемо и которое не изготавливается.

Судья: *Уважаемый Д.В.! Из Вашей речи я понял только одно, что Вам не нравится слово «кустарно». Поэтому я и пытаюсь выяснить, что Вы подразумеваете под этим словом, которое Вас так насторожило.*

Адвокат: *Тут всё просто. У военнослужащего имеются изготовленные на заводе устройства.*

Судья: *Ну гранаты.*

Адвокат: *Например, или ещё какие-то иные. Поэтому профессиональный военнослужащий, обладая фабрично изготовленными взрывными устройствами, не будет делать кустарное взрывное устройство.*

Судья: *Т.е. пояснить, что такое «Кустарное» взрывное устройство Вы не можете?*

Адвокат: *Самодельное.*

Судья: *Они все самодельные (ССЗА1).*

Случай взаимной неприязни между судьей и защитником отражен в следующем эпизоде:

Адвокат: *Ваша честь, дальше может суд нормально происходить? Мы ориентировали свидетелей на завтра.*

Судья: *Я не знаю, что будет происходить. Я вижу, что свидетелей не было и нет.*

Адвокат: *Кстати, дело, которое гос. обвинитель... Я возражаю против рассмотрения дела без присутствия гос. обвинителя С.*

Судья: *Да что вы говорите? Какое основание? Даже если мы по одному останемся, скажем, достаточно...*

Адвокат: *Надо выяснить, почему нет С., сообщить сторонам.*

Судья: *Спросите. Что, вы не можете спросить?*

Адвокат: *А вам не интересно?*

Судья: Мне интересно процесс закончить побыстрее. Чтобы у нас коллегия осталась (ССЗБ).

Нарушителями порядка ведения судебного процесса в данном случае являются одновременно судья и защитник, судья выражает свою *чуждость* при помощи тактик: **атаки вопросами**, приемов **говорения колкостей** и **констатации фактов**, тем самым он отвечает на дерзкие реплики адвоката и подчеркивает свое положение (*Да что вы говорите? Какое основание? Даже если мы по одному останемся, скажем, достаточно...*).

В добавлении к сказанному отметим, что применяя **тактику критики**, судья поддерживает порядок в зале суда и еще раз подчеркивает принадлежность участников к одному пространству судебного дискурса. Поэтому мы предположим, что полномочия судьи включают возможность определять *своих* и *чужих* в зале судебного заседания на основании следования ими установленных норм и ритуала (**прием противопоставления своих и чужих**):

Суд Вам делает замечание, если Вы уж участвуете в процессе, попрошу Вас заблаговременно решать вопросы... понятно, да? (ССЗА2).

Результаты проведенного анализа представлены в таблице (см. Приложение № 7).

II. Судья → обвинитель

Анализ возможных случаев проявления коммуникативной категории чуждости в рамках данного противопоставления показал, что коммуникативное поведение судьи по отношению к обвинителю не характеризуется дискурсивной активностью. Данный факт, скорее всего, обусловлен его ролью и функцией в судебном процессе, направленной на реализацию генеральной стратегии осуществления общего контроля над проведением судебного заседания [Резуненко, 2007]. Поэтому обнаруженные нами примеры коммуникативного поведения судьи по отношению к обвинителю сводятся лишь к реализации тактики **следования регламенту**

судебного процесса, реализуемой в рамках статусно детерминированной стратегии осуществления контроля за проведением судебного заседания.

Применяемые приемы апелляции к нормам ведения судебного процесса, указания на нерелевантность вопроса, указания на несоответствие процессуальным требованиям, конструктивного уточнения, замечания и др. служат конструктивным целям и не являются, на наш взгляд, проявлением коммуникативной категории чуждости:

Не надо надиктовывать ответ (ССЗА, Л, Е, Д–12);

Уважаемый представитель государственного обвинения, оценка проводится в прениях (ССЗА, Л, Е, Д–12);

Государственный обвинитель, составляйте вопросы так, чтобы свидетель не делал своих выводов, а просто показывал, что он может рассказать как свидетель по данному делу (ССЗО2).

Далее перейдем к рассмотрению коммуникативного поведения судьи по отношению к свидетелю.

III. Судья → свидетель

Если в предыдущей диаде коммуникативное поведение судьи нельзя назвать дискурсивно активным, то в диаде «судья – обвинитель» дискурсивная роль судьи более эксплицитна, что обусловлено национальной спецификой, которую отмечают исследователи судебного дискурса. В частности Т.В. Дубровская объясняет склонность к оценочности и использованию тактик интимизации общения у русского судьи чертами русского национального характера [Дубровская, 2010].

Ведущая роль судьи в российском судебном процессе во многом объясняет его активное вмешательство в процедуру допроса и боевой настрой по отношению к свидетелю, отсюда следует характерное поведение в рамках **стратегии психологического воздействия** (12 примеров) и **получения достоверных показаний** (3).

Рассмотрим один из примеров реализации **стратегии психологического воздействия**, в котором судья дает оценку

эмоциональному состоянию допрашиваемого путем прямых формулировок и атакует свидетеля провоцирующими вопросами (**тактика атаки вопросами**). Данная тактика использована для того, чтобы воздействовать на свидетеля и получить подтверждение выдвинутого им хода событий.

Судья: *А почему у Вас вызвало «шок» изменение следователем меры пресечения Ц.?*

Свидетель: *У нас следователи такие вопросы самостоятельно не решают. А здесь получилось еще и тайком: если бы я не спросила, то узнала бы об этом на день позже.*

Судья: *Следователь К., освобождая Ц. из под стражи, нарушил Закон?*

Свидетель: *УПК он не нарушил.*

Судья: *А что тогда нарушил?*

Свидетель: *Должностные инструкции и внутренние приказы.*

Судья: *А что: должностные инструкции противоречат нормам уголовно-процессуального закона?*

Свидетель: *Нет. Но порядок тоже должен быть. Для чего тогда руководство?*

Судья: *Так что: существуют такие инструкции, которые запрещают следователю самостоятельно изменять меру пресечения?*

Свидетель: *Да.*

Судья: *Назовите какую-нибудь такую инструкцию.*

Свидетель: *Имеются должностные инструкции следственного управления.*

Судья: *А точнее? (ССЗА, Л, Е, Д–21).*

Коммуникативная категория чуждости, реализуемая в поведении судьи по отношению к свидетелю в приведенном примере ниже, базируется на **тактике атаки вопросами (прием уточняющих вопросов, формулирование выводов на основе данных материала дела)**, где судья пытается убедить свидетеля признаться в наличии отношений между ним и

обвиняемым, имплицитно указывая на его причастность к совершенному преступлению.

Судья: *Так какие отношения у Вас были с А. на тот период?*

Свидетель: *Знакомые.*

Судья: *Не дружеские?*

Свидетель: *Это понятие субъективное. Я бы сказал, что нет.*

Судья: *Так чем объяснить, что ради простого знакомого Вы потратили время с 13 до 17 часов?*

Свидетель: *Он меня упрасивал. Я решил, что быстрее доехать, чем отказываться.*

Судья: *Вы всегда так?*

Свидетель: *Нет.*

Судья: *Почему тогда именно А.? (ССЗА, Л, Е, Д–13).*

В следующем комментарии судьи **стратегия психологического воздействия** сопровождается **тактикой критики**, с помощью которой судья оценивает действия свидетелей и, следовательно, указывает на неприемлемое поведение на судебном процессе (**прием апелляции к нормам ведения судебного процесса**):

Я вам дал возможность задавать вопросы, но вы даже друг друга не хотите слушать (ССЗКЗ).

Следующий пример является случаем применения **стратегии получения достоверных показаний** посредством **тактики конструктивного уточнения** и **атаки вопросами** через **прием переформулирования вопросов**. Судья, забрасывая свидетеля уточняющими вопросами, добивается каких-либо версий событий с его стороны, что, на наш взгляд, отчуждает судью, во-первых, от свидетеля (демонстрирует его негативный настрой), а во-вторых, от судебного дискурса в целом. Помимо этого данный эпизод нарушает представление о судье как агенте, занимающем нейтральное положение и не имеющем цели давить на допрашиваемых.

Судья: Почему Вы уверены, что рассказанные Вами события произошли именно 15 октября 2003 года?

Свидетель: Во-первых, про это много в отделе милиции говорили.

Судья: Что говорили?

Свидетель: Что инцидент произошел.

Судья: Какой?

Свидетель: Что после задержания этого неприятности случились.

Судья: Неприятности какие?

Свидетель: Для ребят.

Судья: В связи с чем неприятности возникли?

Свидетель: Из-за задержания.

Судья: Что, после каждого задержания неприятности возникают?

Свидетель: Нет.

Судья: А почему после этого?

Свидетель: В отдел приезжали... Ребята рассказывали...

Судья: Так в связи с чем неприятности возникли? <Свидетель думает.

Пауза> (ССЗА, Л, Е, Д–13).

Результаты выделенных стратегий и тактик в данной коммуникативной диаде представлены в таблице (см. Приложение № 8).

IV. Судья → подсудимый

В рамках данной оппозиции коммуникативное поведение судьи выстраивается под воздействием общей статусно детерминированной стратегии следования регламенту судебного разбирательства (17).

Нами обнаружено множество примеров, которые демонстрируют коммуникативное поведение судьи в рамках данной стратегии с помощью применения тактик психологического воздействия, направления допроса в необходимое русло и критики.

В следующем примере мы наблюдаем тактику психологического воздействия (выражена приемом превентивного предупреждения, замечанием), целью которой является оказать влияние на поведение

подсудимого и выявить несоблюдение им процедурных требований, что относит его к *чужим* судебного дискурса:

Кто с места?! Е., еще раз прервете, можете быть удалены из зала. Не знаю, лучше ли Вам от этого будет (ССЗА, Л, Е, Д – 22).

Угроза удаления из зала суда произносится в иронично-снисходительном тоне, выражающим чувство неприязни / недовольствия судьи, что также служит маркером чуждости.

В следующем примере реплики судьи содержат в себе проявление коммуникативной категории чуждости, поскольку весь эпизод исполнен в ироничном тоне, маркирующем проявление категории чуждости, что имплицитно передает неравенство сторон процесса и доминирование судьи. Этому также способствует **тактика направления допроса в необходимое русло (приемы апелляции к нормам ведения судебного процесса и указания на нерелевантность вопросов)**:

Судья: *А., данные вопросы к материалам дела относятся?*

Подсудимый: *Напрямую относятся.*

Судья: *Тогда прошу пояснить суду, потому что суд вашей умной мысли не улавливает.*

Подсудимый: *Ну из-за чего были одеты перчатки? Из-за того, что холодно или из-за того, что что-то другое?*

Судья: *Я и спрашиваю, как это относится к делу?*

Подсудимый: *Напрямую.*

Судья: *Давайте вопросы задавать по делу, а то с таким же успехом можно спрашивать, сколько ворон было на том или ином дереве? Понимаете? (ССЗА4).*

Нижеприведенный эпизод демонстрирует проявление категории чуждости в коммуникативном поведении судьи с помощью **тактики критики** (прием негативного оценивания действий – *внесли в протокол неверные сведения*). Судья делает преждевременные выводы о его

виновности (**прием формулирования логического вывода**), что отчуждает его от судебного дискурса, т.к. он не следует своей фиксированной роли:

Вы осознавали, что уголовное дело было возбуждено на основании документов, которые были составлены и Вами? (подсудимый отвечает) Почему Вы внесли в протокол неверные сведения? (ССЗА, Л, Е, Д–20).

Систематизация выделенных тактик в рамках генеральной статусно детерминированной стратегии следования регламенту судебного разбирательства, работающих на реализацию категории чуждости, представлена в виде таблицы (см. Приложение № 9).

Выводы по второй главе

Основной задачей, решаемой в данной главе, был анализ специфики реализации коммуникативной категории чуждости в судебном дискурсе. Полученные выводы сводятся к следующему.

Уточнив понимание коммуникативной категории чуждости, мы пришли к выводу, что данная категория: а) является обязательной коммуникативной категорией, проявляющейся в разных типах дискурса; б) обладает собственными средствами выражения и имеет собственное содержание, основой формирования которого выступает универсальная архетипическая оппозиция «свой – чужой»; в) связана с прагматическими установками говорящего и реализуется в его стратегическом коммуникативном поведении; г) является сложным образованием, в состав которого включены частные категории, служащие одним из способов ее проявления в дискурсе.

Коммуникативная категория чуждости в судебном дискурсе способна проявляться эксплицитно, с помощью системы собственных регулярных средств языкового выражения (вербальных и невербальных), и имплицитно – с помощью других, конституирующих ее коммуникативных категорий и маркирующих ее проявление в дискурсе.

В результате проведенного анализа материалов стенограмм судебных заседаний были выделены основные вербальные маркеры чуждости: 1) дейктические и полнозначные знаки, содержащие компонент дистанцирования; 2) ядерные средства реализации оппозиции «свой – чужой» – местоименные слова, основной набор которых сводится к следующим парам противопоставления сфер «свое – чужое»: *я – ты; мы – вы* и др.; 3) показатели умаления значимости, относимые к идентификаторам нижнего уровня тимиологической оценки: *какой-нибудь там* и пр.; 4) показатели недоверия к оппоненту, сомнения в достоверности его слов: *якобы* и пр.

Среди основных невербальных знаков, непосредственно коррелирующих с коммуникативной категорией чуждости в судебном дискурсе, были выделены искусственные знаки – семиотика одежды, цвета, символические артефакты, семиотика пространства; естественные невербальные знаки, среди которых релевантными для ситуации судебного дискурса являются: кинетические, фонационные, мимические, а также актонические средства, являющиеся знаками агональной борьбы.

Агональность и ритуальность судебного дискурса базируются на универсальной оппозиции «свой – чужой», олицетворяющей противостояние двух сторон (защиты – обвинения / адвоката – прокурора), статус судебного процесса как ритуального события полностью оправдывается такими его характеристиками как сценарность, ролевая структура и символичность.

Коммуникативноорганизующая роль коммуникативной категории чуждости эксплицируется в ряде стратегий и тактик, реализуемых участниками судебного дискурса в их коммуникативном поведении. Анализ коммуникативного поведения основных агентов судебного дискурса, а именно защитника, обвинителя и судьи, позволил выявить две линии их поведения: обязательную и дополнительную, в рамках которых они проявляют чуждость по отношению к другим участникам судебного процесса.

Практический материал исследования показал, что коммуникативная категория «чуждость» наиболее активно проявляется в коммуникативном поведении защитника по отношению к его основному дискурсивному оппоненту – обвинителю в рамках общей статусно детерминированной стратегии защиты в используемых им вспомогательных стратегиях дискредитации и психологического воздействия. При взаимодействии с судьей коммуникативную категорию «чуждость» защитник выражает посредством стратегии дискредитации процессуальных действий и психологического воздействия. В диаде «защитник → свидетель» реализация категории чуждости, направленная на свидетеля стороны обвинения, выражается посредством стратегии психологического воздействия и дискредитации.

В рамках облигаторной линии поведения обвинителя наибольшая степень его дискурсивной активности проявляется в диаде «обвинитель → защитник при использовании стратегий психологического воздействия и дискредитации. По отношению к подсудимому коммуникативная категория чуждости эксплицируется в рамках основной статусно детерминированной стратегии обвинения стратегией психологического воздействия. В диаде «обвинитель → свидетель» проявление коммуникативной категории чуждости направлено на свидетеля стороны защиты через стратегии психологического воздействия и дискредитации. В рамках оппозиционной пары «обвинитель → судья» проявления категории чуждости выявлено не было.

Исследование чуждости в коммуникативном поведении судьи показало что, несмотря на институциональность судебного дискурса в целом и предписанную нейтральную позицию данного агента, коммуникативная категория чуждости может проявляться как в рамках основной линии поведения судьи (институциональной роли, в которой он предстает чужим для всех нарушителей закона), так и дополнительной (в которой судья, выражая свое личное отношение, предстает в качестве обычного человека).

По отношению к защитнику «чуждость» выражается через стратегию психологического воздействия и стратегию следования регламенту судебного разбирательства. При взаимодействии судьи с непрофессиональным клиентом судебного дискурса – свидетелем, нами были выявлены две активно применяемые стратегии: психологического воздействия и получения достоверных показаний. Оппозиция «судья → подсудимый» отличается частым использованием стратегии следования регламенту судебного разбирательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью диссертационного исследования было выявление специфики реализации коммуникативной категории «чуждость» в судебном дискурсе.

В результате было установлено, что категория «чуждость» является обязательной коммуникативной категорией, проявляющейся в разных типах дискурса; обладающей собственными средствами выражения и имеющей характерное содержание, основой формирования которого выступает универсальная архетипическая оппозиция «свой – чужой».

Коммуникативная категория «чуждость» всегда связана с прагматическими установками говорящего и реализуется в его стратегическом коммуникативном поведении. В рамках судебного дискурса она выполняет две основные функции – смыслоорганизующую, связанную с предметом обсуждения (тематика отчуждения), и коммуникативноорганизующую функцию, проявляющуюся с помощью специфического набора стратегий и тактик говорящего.

При реализации задачи рассмотрения многообразия существующих в гуманитарных дисциплинах научных взглядов на противопоставление «свой – чужой», как основы категории чуждости, мы выделили три основные исследовательские позиции, изучающие «свой – чужой» как универсальную бинарную оппозицию, как концепт и как категорию. Общим для всех этих подходов остается идея о базовом принципе бинаризма оппозиции «свой – чужой», который подтверждает ее ядерную позицию в анализируемой коммуникативной категории чуждости и объясняет категоризирующую деятельность человека.

Задача выявления философских, социопсихологических и лингвокультурологических характеристик оппозиции «свой – чужой» позволила описать истоки становления научных взглядов на данную оппозицию, продемонстрировать природное начало противопоставления «свой – чужой», механизмы становления поведенческих стереотипов;

источники формирования противопоставления «свой – чужой» в философии – дуальность восприятия, свойственное архаическому сознанию «состояние собственного имени»; закон единства и борьбы противоположностей, лежащий в основе мироздания, актуализацию которого можно наблюдать во всех социальных полях; связь диады «свой – чужой» с проблемой (само-)идентификации и (само-)идентичности, выступающих в качестве важных защитных механизмов психики человека и обусловленных многочисленными процессами жизни современного мира. Социопсихологический аспект рассматриваемой диады также сопряжен с вопросом межгрупповых отношений, с феноменом внутренней кооперации и с понятиями межгрупповой враждебности, внутригрупповыми и внешними конфликтами. «Свой – чужой» как культурная универсалия имеет архетипическое проявление и пронизывает всю культуру, более того, данное противопоставление является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения, предопределяет существование этничности в целом и, как следствие, выступает базовым при формировании этнических стереотипов.

Систематизация имеющихся средств объективации оппозиции «свой – чужой», наблюдения над лексико-фразеологическими, морфемными и синтаксическими единицами, вербализирующими чуждость, показали множество потенциальных средств ее экспликации. К ядерным средствам относятся лексические единицы с семантикой 'свое' – 'чужое'; местоименные слова (*я – ты; мы – вы; мы – они; мой – твой; наш – ваш; наш – их; этот – тот; здесь, тут – там; сейчас, теперь – тогда*); неопределенные местоимения с *–нибудь*; определительные местоимения *всякий* и *какой-то*; дейктические и полнозначные знаки, содержащие компонент дистанцированности (*эти, и уже с ними, там, заморские, заграничные*); номинативные единицы, являющиеся показателями недоверия (*якобы, так называемый, пресловутый*).

Анализ сущности институциональных дискурсов и выявления в них особенностей реализации оппозиции «свой – чужой» позволил сделать вывод, что наиболее ярко оппозиция «свой – чужой» как основа формирования категории «чуждость» проявляется в политическом, массмедийном, религиозном и юридическом дискурсах, что обусловлено, во-первых, структурой дискурсов, во-вторых, противопоставленностью участников / оппонентов дискурса, наконец, сложившейся терминологической системой и особенностями языка, не доступными для внешних представителей. В политическом дискурсе вся суть процесса борьбы за власть основывается на противопоставлении «свой – чужой», которое определяет выбор линии поведения любого политика и объясняет его позицию, соотносится с особенностями агональной природы дискурса, характеризуется подвижностью, вариативностью на различных уровнях дискурса. Конститутивным признаком религиозного дискурса является отделение «своего», что приносит спокойствие, умиротворение от «чужого», беспокоящего, терзающего. Массмедийный дискурс, выступающий медиатором, опосредующим многие дискурсы, также нацелен на отстранение «чужих» от «своих», под «чужим» здесь понимается заведомо ложная, субъективная информация. Суть юридического дискурса заключается в установлении законности или границы, преступая которую член социума определенно становится «чужим».

В политической дискурсе явно противопоставлены «агент – агент», «агент – клиент», а также «клиент – клиент», разделяющие разные политические взгляды; в религиозном дискурсе ярко противопоставлены приверженец какого-либо религиозного течения (свой) – его противник (чужой); соблюдающий суперморальные и моральные нормы / ценности (следующий заповедям) – не следующий заповедям. В массмедийном дискурсе противопоставленными оказываются: 1) журналист – государство; 2) журналист – адресат; 3) журналист – журналист; 4) адресат СМИ1 – адресат СМИ2. Каждый из участников массмедийного дискурса (агент или

адресат) может занимать позицию своего или чужого как по отношению друг к другу, так и к потенциально своему (агент – агент или адресат – адресат). В юридическом дискурсе в качестве оппонентов выступают: 1) соблюдающий закон (свой) – не соблюдающий закон (чужой); 2) специалист (вхожий в систему, владеющий терминологической базой) – не специалист (обыватель, не принадлежащий к данной системе); 3) агент – клиент, по отношению к клиенту агент может выступать в качестве «своего» – адвокат (защитник) и в качестве «чужого» – прокурор (обвинитель); 4) агент – агент, где противопоставляется один агент другому в рамках институциональной ситуации общения: обвинитель – защитник (свой – чужой); обвинитель – судья, защитник – судья (ни свой – ни чужой); 5) клиент – клиент, т.е. клиент дискурса может разделять мнение другого клиента, в результате чего они становятся своими или, напротив, противостоять ему, тогда они вступают в отношения «свой – чужой».

Судебный дискурс, как одна из разновидностей юридического дискурса, является самым репрезентативным с точки зрения корреляции с чуждостью. Данный вывод подтверждается, во-первых, фактом постоянного наличия двух противоборствующих сил внутри судебного дискурса – защиты и обвинения, законности и беззакония, противостоящих друг другу подобно базовой оппозиции «свой – чужой», и, во-вторых, набором средств ее экспликации. Коммуникативная категория чуждости в судебном дискурсе проявляется эксплицитно, с помощью маркеров чуждости – вербальных и невербальных знаков, и имплицитно – с помощью конституирующих ее коммуникативных категорий агональности и ритуальности, маркирующих ее проявление в дискурсе.

Анализ категории ритуальности как способа реализации коммуникативной категории «чуждость» в судебном дискурсе показал, что архитектура судебного дискурса всегда базируется на противостоянии двух чужих сторон (защиты – обвинения / адвоката – прокурора), имеющих неравные статусные позиции и борющихся за торжество истины. Ритуал

дискурса обязывает его участников перейти в новый статус, в результате чего происходит их отчуждение от своих личных позиций и следование установленным правилам дискурса.

Анализ категории агональности позволил выделить знаки агональности, актуализирующие проявление чуждости в судебном дискурсе: показатели дистанцирования, умаления значимости, недоверия; индикаторы личного дейксиса (*МЫ - ВЫ*); номинации противоположающихся сторон (*оппонент*); устойчивые клишированные словосочетания перформативного характера, служащих осуществлением агональных коммуникативных действий (*возражаю против*), и др.

Ролевая структура судебного дискурса подразумевает строго фиксированный состав участников судебного заседания и следование своей роли: от адвоката ожидается защита обвиняемого, от прокурора – доказательство вины подсудимого, от свидетеля – правдивые показания, от судьи – справедливое решение. Каждый из обозначенных агентов придерживается своей правды, и все участники процесса противопоставлены друг другу. Выявление специфики проявления категории чуждости в коммуникативном поведении агентов судебного дискурса, а именно защитника, обвинителя и судьи, позволило прийти к следующим выводам.

Реализация категории чуждости в коммуникативном поведении защитника соотносится с двумя аспектами его дискурсивного поведения. Первый – облигаторный, который обусловлен агональным характером судебного процесса, где защитник противостоит своему (ритуально закрепленному) противнику, обобщенно обозначенному нами как «обвинитель», в качестве которого могут выступать прокурор; следователь, представляющий сторону обвинения и представитель истца / ответчика. Помимо указанных агентов судебного дискурса мы выделили еще две дополнительные диады «защитник → судья» и «защитник → свидетель», по отношению к которым адвокат также способен проявлять коммуникативную категорию «чуждость». В рамках гражданского процесса мы выделили диаду

«защитник → адвокат», взаимоотношения которых также пронизаны чуждостью.

Второй аспект – факультативный: «чуждость» в вербальном поведении адвоката реализуется а) как рассогласование между закрепленной за адвокатом институциональной ролью защитника и невыполнением своих профессиональных обязанностей, когда адвокат не соответствует ожиданиям и не защищает права подзащитного и б) как рассогласование между внутренним отношением к подзащитному и / или его деяниям и внешним исполнением своих обязанностей, когда адвокат вынужден выполнять действия по защите доверителя / подзащитного, испытывая чувство глубокого сожаления, а иногда острого несогласия и внутреннего отчуждения, внутренней отстраненности от него и его действий.

Анализ реализации чуждости в коммуникативном поведении адвоката и применяемых им стратегиях и тактиках показал, что по отношению к обвинителю защитник выражает «чуждость» в рамках его общей статусно детерминированной стратегии защиты в используемых им вспомогательных стратегиях дискредитации и психологического воздействия. В диаде «защитник → судья» были выявлены стратегии дискредитации процессуальных действий и психологического воздействия. При взаимодействии со свидетелем реализация категории чуждости, направленная на свидетеля стороны обвинения, выражается посредством стратегии психологического воздействия и дискредитации.

Коммуникативная категория «чуждость», реализуемая в коммуникативном взаимодействии обвинителя с другими участниками, связана с двумя аспектами его дискурсивного поведения. Первый аспект представлен в виде обязательной линии поведения, которая задается агональным характером судебного процесса, т.е. обязательным наличием оппонента (защитника / адвоката), по отношению к которому обвинитель реализует «чуждость». Вторым аспектом – факультативным: следуя данной линии поведения, обвинитель потенциально способен проявить «чуждость»

по отношению к судебному дискурсу, в частности, в случаях невыполнения своих дискурсивно закрепленных функций или служебного долга. В диаде «обвинитель → защитник» используются стратегии психологического воздействия и дискредитации; по отношению к подсудимому «чуждость» проявляется в рамках основной статусно детерминированной стратегии обвинения и психологического воздействия; в диаде «обвинитель → свидетель» исследуемая категория реализуется с помощью стратегий психологического воздействия и дискредитации. В рамках оппозиционной пары «обвинитель → судья» проявления категории чуждости выявлено не было.

Институциональный характер судебного дискурса и социальная роль во многом сдерживают коммуникативное поведение судьи, именно это служит причиной его наименьшей дискурсивной активности и менее эксплицитной речи по сравнению с остальными участниками судебного процесса. Категория чуждости вербализуется в рамках двух линий поведения судьи: 1) основной (где «судья – институциональная роль» и определенно чуждой для всех нарушителей закона) и 2) дополнительной (где допускается проявление такой стороны языковой личности как «судья – обычный человек», выражающей свое личное отношение). В отношении дополнительной линии, отметим, что она представляет собой случай исключения из правил и не является нормой. Как показал анализ исследования, судья может проявлять «чуждость» в рамках обеих линий поведения. При взаимодействии с защитником судья выражает «чуждость», используя стратегию психологического воздействия и стратегию следования регламенту судебного разбирательства. В коммуникативном взаимодействии судьи с непрофессиональным клиентом судебного дискурса – свидетелем нами были выявлены две активно применяемые стратегии: психологического воздействия и получения достоверных показаний. Диада «судья → подсудимый» отличается частым использованием стратегии следования регламенту судебного разбирательства.

Перспективы исследования нам видятся в возможности дальнейшего изучения категории чуждости в системе других коммуникативных категорий, в пространстве юридического дискурса, а также в сопоставлении чуждости с категорией свойственности в ситуациях как институционального общения, так и повседневного бытового дискурса.

Библиография

1. Абдуллина, Е.Э. Прямые средства выражения категории чуждости в газетном тексте (на материале газеты «Томская неделя» / Е.Э. Абдуллина // Молодой ученый — №5 (16). — Т. 2. — 2010. — С. 7—9.
2. Абишева, Н., Никитина, С. Общие особенности юридического дискурса / Н. Абишева, С. Никитина. — Режим доступа: http://www.rusnauka.com/7_NMIW_2011/Philologia/3_80847.doc.htm.
3. Абрамова, Н.А., Беньяминова, З.Я. Судебная оратория: учебное пособие / Н.А. Абрамова, З.Я. Беньяминова. — М.: Российская Академия адвокатуры и нотариата, 2008. — 170 с.
4. Агеев, В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально—психологические проблемы / В.С. Агеев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 240 с.
5. Акимова, В.И. Стереотипы общественно-политической концептосферы начала 20-х годов / В.И. Акимова // Вестник КазНУ. Сер. Филологическая. — 2004.— № 7. — С. 3—6.
6. Александров, А.С. О природе аргументации в уголовном процессе [Электронный ресурс] / А.С. Александров. — Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/aleksandrov_a_s_o_prirode_argumentacii_v_ugolovnom_processe/5-1-0-97.
7. Александров, Д.С., Лукьянов, Г.И. Поиски идентичности как процесс формирования национального сознания / Д.С. Александров, Г.И. Лукьянов // Вестник Пятигорского Лингвистического университета. — 2012. — № 3. — С. 256—258.
8. Алексеев, С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. — М.: НОРМА, 2001. — 752 с.
9. Алефиренко, Н.Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта / Н.Ф. Алефиренко // Вестник ВГУ. Серия гуманитарные науки. — 2004. — № 2. — С. 60—66.

10. Алиева, Т.В. ИмPLICITные языковые средства, участвующие в формировании концептуальной оппозиции «свой — чужой» в политическом дискурсе англоязычной прессы / Т.В. Алиева // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». — 2010. — № 1. — С. 86—90.
11. Аншакова, С.Ю. Языковая картина мира в системе антонимических оппозиций русских былинных текстов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Светлана Юрьевна Аншакова. — Тамбов, 2004. — 195 с.
12. Аристотель. Категории [Электронный ресурс] / Аристотель. — Режим доступа: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/kategorii.txt>.
13. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. — М.: Наука, 1993. — С. 3—6.
14. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5—33.
15. Астафурова, Т.Н., Олянич, А.В. Лингвосемиотика цвета в институциональной коммуникации / Т.Н. Астафурова, А.В. Олянич // Вестник Волгу. — 2014. — Сер. 2. — № 1 (20). — С. 34—45.
16. Балясникова, О.В. «Свой — чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Вениаминовна Балясникова. — Москва, 2003. — 224 с.
17. Барабанщиков, В.А. Экспрессии лица и их восприятие / В.А. Барабанщиков. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. — 341 с.
18. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 360 с.
19. Барщевский, М.Ю. Адвокатская этика [Электронный ресурс] / М.Ю. Барщевский. — Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/kodex-9/11.htm>.
20. Безвершенко, Д.А. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве РФ / Д.А. Безвершенко // Молодой ученый. — 2013. — № 1. — С. 256—258.

21. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 448 с.
22. Бехтерев, В.М. Объективная психология / В.М. Бехтерев. — М.: Наука, 1991. — 457 с.
23. Бобырева, Е.В. Религиозный дискурс в системе типов общения [Электронный ресурс] / Е.В. Бобырева. — Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/006/section_3_6/3_4_6.htm.
24. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. — Изд-во ЛГУ, 1990. — 87 с.
25. Вальденфельс, Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» [Электронный ресурс] / Б. Вальденфельс. — Режим доступа: <http://anthropology.rinet.ru/old/6/wald.htm>.
26. Василик, М.А. Политология. Учебник под редакцией профессора М.А. Василика [Электронный ресурс] / М.А. Василик. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-366883.html?page=16>.
27. Васильева, С.Л. Специфика актуализации архетипического конструкта «свой — чужой» в политическом дискурсе XX века / С.Л.Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 2 (6). — С. 33—40.
28. Васильянова, И.М. Особенности аргументации в судебном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Инна Михайловна Васильянова. — Калуга, 2007. — 206 с.
29. Вершинина, Е.В. Актуализация категории «свойственности — чуждости» в имиджевом образовательном дискурсе / Е.В. Вершинина // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 381. — С. 11—17.
30. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. — Волгоград: Перемена, 1997. — 139 с.
31. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. — М.: Изд-во РУДН, 2008. — 336 с.

32. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. — М.: Педагогика — Соч. Т. 2., 1982. — 352 с.
33. Выходцева, И.С. Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре (20-30-е гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Сергеевна Выходцева. — Саратов, 2006. — 187 с.
34. Гаврилова, М.В. Активные процессы в русском политическом дискурсе начала XXI века / М.В. Гаврилова // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка, Москва, 20—23 марта 2010 г. — М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2010. — 875 с.
35. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
36. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики [Электронный ресурс] / Г.В.Ф. Гегель. — Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/hegel/logic.html>.
37. Горбачева, Е.Н. Концепт «спор» в русском и английском научно-философском дискурсе / Е.Н. Горбачева // Известия ВГПУ, Сер. Филологические науки. — 2006. — №5 (18) — С. 64—68.
38. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов / Отв. ред. В.Н. Ярцева; Предисл. В.И. Карасика. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 112 с.
39. Гришаева, Л.И. Аккультурация как трансформация оппозиции «свой» — «чужой» / Л.И. Гришаева. — Волгоград: Перемена, 2003. — 36 с.
40. Губик, С.В. Когнитивно-дискурсивное исследование английского экономического массмедийного дискурса (на материале журнала "The Economist"): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Светлана Викторовна Губик. — Уфа, 2006. — 25 с.
41. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. — М.: Искусство, 1972. — 318 с.
42. Даулетова, В.А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе (на материале русской и английской биографической

прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Виктория Александровна Даулетова. — Краснодар, 2004. — 22 с.

43. Дешеева, В.В. Агональность в телевизионном дискурсе (на материале современных российских телешоу): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Вера Викторовна Дешеева. — Волгоград, 2010. — 222 с.

44. Дейк, Т.А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк; пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.

45. Дженкова, Е.А., Тютюнова, О.Н. Ритуальные характеристики судебного заседания (на материале ассоциативного эксперимента) / Е.А. Дженкова, О.Н. Тютюнова // Гуманитарные и социальные науки: Мат. Всерос. научно-практической конференции г. Ростов-на-Дону, 27 фев. 2014 г. — Ростов-на-Дону, 2014. — № 2. — С. 531—534.

46. Дзе, М. Мироззрение свой чужой [Электронный ресурс] / М. Дзе. — Режим доступа: <http://www.proza.ru/2010/11/13/384>.

47. Дмитриук, Н.В., Кадеева, М.И. Аксиологический и этнокультурный аспект оппозиций «норма — не норма», «свой — чужой»: Сборник статей / Н.В. Дмитриук, М.И. Кадеева; под ред. Н.В. Уфимцевой. — М.: ИЯз РАН — МИЛ, 2012. — 268 с.

48. Дубровская, Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Викторовна Дубровская. — Саратов, 2010. — 509 с.

49. Енина, Л.В. Этническая толерантность в отражении уральских газет / Л.В. Енина // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная моногр.; Отв. ред. Н.А. Купина и О.А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. — С. 150—164.

50. Зайцев, Е.А., Киселев, Я.С., Корневский, Ю.В., Строгович, М.С. Проблемы судебной этики / Е.А. Зайцев, Я.С. Киселев, Ю.В. Корневский, М.С. Строгович; Под ред. М.С. Строговича. — М., Наука, 1974. — 272 с.

51. Заковоротная, М.Ф. Идентичность человека социально-философские аспекты / М.Ф. Заковоротная. — Ростов-на-Дону, Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. — 200 с.
52. Захарова, Е.П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения / Е.П. Захарова // Вопросы стилистики: Межвуз. Сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во Саратовского гос. университета, 1998. — Вып. 27. — С. 87—94.
53. Захарова, Е.П. Типы коммуникативных категорий / Е.П. Захарова // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: Изд-во Саратовского гос. университета, 2000. — с. 12—19.
54. Зуев, В.А. Невербальные средства и их аспекты в деятельности журналиста: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Валерий Александрович Зуев. — Краснодар, 2004. — 230 с.
55. Ивакина, Н.Н. Совмещение элементов научной и официально-деловой речи в синтаксисе юридических документов / Н.Н. Ивакина // Язык и стиль научного изложения. — М., 1983. — С. 45—59.
56. Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Исследования в области славянских древностей / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. — М.: Наука, 1974. — 334 с.
57. Иванова, Н.Л. Проблема социальной идентичности в психологических исследованиях / Н.Л. Иванова // Мир Психологии. — 2012. — № 1. — С. 18—27.
58. Иванова, С.В. Лингвокультурологический потенциал текста / С.В. Иванова // Лексические и грамматические категории в свете типологии языков и лингвокультурологии: Мат. всерос. научной конференции. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. — С. 17—19.
59. Иванова, С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии [Электронный ресурс] / С.В. Иванова // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1 (24). — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/ivanova-08.htm>.

60. Извекова, М.Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Марина Геннадьевна Извекова. — Волгоград, 2006. — 20 с.
61. Илиополова, К.В. Противоречие «Свой — Чужой» в социокультурной коммуникации (социально — философский анализ): дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Кристина Сергеевна Илиополова. — Ростов-на-Дону, 2010. — 148 с.
62. Ильинский, И.М. Воспитание в индивидуализированном обществе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2011/4/Ilinskiy_Upbringing-in-Individualized-Society/1_2011_4.pdf.
63. Иорданский, В.Б. Хаос и гармония / В.Б. Иорданский. — М.: Наука, 1982. — 343 с.
64. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.
65. Йорданова, П.Й. Диалог культур и процесс идентификации / П.Й. Йорданова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 3. — С. 269—273.
66. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2004 — 390 с.
67. Карасик, В.И. О типах дискурса [Электронный ресурс] / В.И. Карасик. — Режим доступа: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>.
68. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. — Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5—20.
69. Карасик, В.И. Структура институционального дискурса / В.И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов: Изд-во СГУ, 2000. — С. 25—33.

70. Карасик, В.И. Дискурсивная персонология / В.И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. — Воронеж: ВГУ, 2007. — Вып. 5. — С. 84.

71. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю.Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. — М.: Русский язык, 1986. — С. 105—126.

72. Киричек, П.Н., Федотова О.В. Этика журналиста [Электронный ресурс] / П.Н. Киричек, О.В. Федотова. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-96767.html>.

73. Кишина, Е.В. Категория «свойственность — чуждость» в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Елена Валерьевна Кишина. — Кемерово, 2006. — 188 с.

74. Климович, О.В. Судебный дискурс как вид речевой деятельности / О.В. Климович // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1 (68). — С. 175—176.

75. Климович, О.В. Средства речевого воздействия в судебном дискурсе [Электронный ресурс] / О.В. Климович. — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/pdf/16729.pdf>.

76. Ковалева, Н. Интеркультурные измерения отношений «свой — чужой» в философии Б. Вальденфельса [Электронный ресурс] / Н. Ковалева. — Режим доступа: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa14/269-278.pdf>.

77. Кожемякин, Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование [Электронный ресурс] / Е.А. Кожемякин. — Режим доступа: http://konference.siberiaexpert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeni_em_na_sajte/kozhemjakin_e_a_juridicheskij_diskurs_kak_kulturnyj_fenomen_struktura_i_smysloobrazovanie/2-1-0-28.

78. Кокорев, Л.Д., Котов, Д.П. Этика уголовного процесса. Учебное пособие / Л.Д. Кокорев, Д.П. Котов. — Воронеж, 1993. — 176 с.

79. Колесникова, Л.В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лилия Викторовна Колесникова. — Ставрополь, 2007. — 166 с.

80. Колесов, В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. — Л.: Издательство ЛГУ, 1986. — 312 с.

81. Кормилицына, М.А., Сиротинина, О.Б. Исследование реального функционирования русского языка в трудах ученых Саратовской лингвистической школы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://uapryal.com.ua/scientific-section/kormilitsyina-m-a-sirotinina-o-b-saratov-issledovanie-realnogo-funktsionirovaniya-russkogo-yazyika-v-trudah-uchenyih-saratovskoy-lingvisticheskoy-shkolyi/>.

82. Корчак, А.С. Философия Другого Я: История и современность / А.С. Корчак. — М.: ЛЕНАНД, 2006. — 152 с.

83. Кранышева, Л.А. Лингвокультурная ситуация 1950-х годов XX века (на материале рассказов советских русских писателей): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лилия Алексеевна Кранышева. — Елец, 2008. — 200 с.

84. Крапивкина, О.А. Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ольга Александровна Крапивкина. — Иркутск, 2011. — 200 с.

85. Красных, В.В. Культурная идентификация и самоидентификация: взгляд филолога: Сборник статей / В.В. Красных; под ред. Н.В. Уфимцевой. — М.: ИЯз РАН—МИЛ, 2012. — 268 с.

86. Красных, В.В. Свой среди чужих: миф или реальность? / В.В. Красных. — М.: Гнозис, 2003. — 375 с.

87. Красовская, О.В. Судебный диалог как конвенциональная коммуникативная форма / О.В. Красовская // Вопросы языкознания. — 2006. — № 5. — С. 92—195.
88. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика / Г.Е. Крейдлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 581 с.
89. Крейдлин, Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г.Е. Крейдлин. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 224 с.
90. Крысин, Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка / Л.П. Крысин // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. — М.: Наука, 1996. — С. 135—138.
91. Кубрякова, Е.С. О новых путях исследования значения (теория айсберга) / Е.С. Кубрякова // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Материалы междунар. науч. конф. — Мн.: МГЛУ, 1998. — Ч. 1. — 241 с.
92. Курбатов, В.И. Искусство управлять общением / В.И. Курбатов. — Ростов-на-Дону. Феникс, — 1997. — 352 с.
93. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып: XXIII. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимов. — М.: Прогресс, 1988. — С. 12—51.
94. Лаптева, М.Л. «Свое» и «чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Мария Леонидовна Лаптева. — Астрахань, 2013. — 37 с.
95. Лассан, Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ / Э. Лассан // Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995. — 232 с.
96. Леонтович, О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. — М.: Гнозис, 2011. — 224 с.

97. Леонтович, О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Учеб. пособие / О.А. Леонтович. — Волгоград: Перемена, 2003. — 399 с.
98. Лидак, Л.В., Грищенко, Е.А. Психолого-педагогическая характеристика особенностей проявления корпоративной культуры бойцами ОМОН / Л.В. Лидак, Е.А. Грищенко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 3. — С. 225—229.
99. Лоренц, К. Человек находит друга / К. Лоренц. — Изд—во «Захаров», 2001. — 176 с.
100. Лунцова, О.М. Градиент – концепт дружба— мир— вражда в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ольга Михайловна Лунцова. — Волгоград, 2008. — 260 с.
101. Лурье, С.В. Историческая этнология: Сборник статей / С.В. Лурье; под ред. Н.В. Уфимцевой. — М.: ИЯз РАН — МИЛ, 2012. — 268 с.
102. Любимов, А.Ю. Мастерство коммуникации / А.Ю. Любимов. — СПб.: Питер, — 2003. — 224 с.
103. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
104. Максимова, Н.В. Коммуникативные доминанты речевого поведения (на примере оппозиции «своё — чужое») / Н.В. Максимова // Вестник ОГУ. — 2005. — № 11. — С. 95—105.
105. Марковина, И.Ю. Элиминирование лакун как действие социально-психологических механизмов межэтнического взаимодействия / И.Ю. Марковина // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: Сб. науч. тр. Под ред. Е.Ф. Тарасова. — М., 2006. — С. 184—186.
106. Матвеева, А.А. Оценочная параметризация лингвокультурологической категории «свой — чужой» (на материале

современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Анна Анатольевна Матвеева. — Уфа, 2011. — 228 с.

107. Маслова, В.А. Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста: дис... д-ра филол. наук / Валентина Авраамовна Маслова. — Минск, 1992. — 451 с.

108. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. — Акад., 2001. — 202 с.

109. Матьяш, О.И. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая; под науч. ред. О.И. Матьяш. — СПб.: Речь, 2011. — 560 с.

110. Медведева, Л.В. Лингвоструктурные характеристики судебного разбирательства / Л.В. Медведева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2007. — № 44 — Том 18. — С. 167—170.

111. Мельник, В.В., Решетова, Н.Ю. Судебная речь государственного обвинителя [Электронный ресурс] / В.В. Мельник, Н.Ю. Решетова. — Режим доступа: http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=801&pub_name=%D1%F3%E4%E5%E1%ED%E0%FF+%F0%E5%F7%FC+%E3%EE%F1%F3%E4%E0%F0%F1%F2%E2%E5%ED%ED%EE%E3%EE.

112. Мельниченко, Р.Г. Видеолекция «Дискурс-анализ текстов» [Электронный ресурс] / Р.Г. Мельниченко. — Крым: Интеллектуальные среды, 2013. — Режим доступа: http://melnichenko.net/_p_name173.html.

113. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. — М.: Аспект Пресс, 1994. — 207 с.

114. Микляева, А.В., Румянцева, П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования [Электронный ресурс] / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. — Режим доступа: http://www.humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02.

115. Михалёва, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Леонидовна Михалёва. — Иркутск, 2004. — 289 с.
116. Михальская, А.К. Русский Сократ: лекции по сравнительно-исторической риторике / А.К. Михальская. — М.: Academia, 1996. — 192 с.
117. Молодыхенко, Е.Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингвопрагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1960-2008 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Евгений Николаевич Молодыхенко. — Архангельск, 2010. — 245 с.
118. Мордасова, Т.П. Категориальная и функциональная сущность косвенной засвидетельствованности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татьяна Петровна Мордасова. — Липецк, 2005. — 170 с.
119. Налчаджян, А.А. Этнопсихология / А.А. Налчаджян. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2004. — 381 с.
120. Неёлов, Е.М. К интерпретации оппозиции «свой / чужой» (*примирение непримиримого*) [Электронный ресурс] / Е.М. Неёлов. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-216103.html?page=2#5606199>.
121. Никифорова, Э.Ш. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 66. — 2012. — № 17 (271). — С. 100—103.
122. Никифорова, Э.Ш. Стратегии коммуникативного воздействия в аргументативно-суггестивных текстах (на примере текстов судебного дискурса английского, русского и казахского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Эльмира Шавкатовна Никифорова. — Челябинск, 2013. — 222 с.
123. Новиков, А.А. Оппозитивный метод в поэтике / А.А. Новиков // Структура и семантика художественного текста: Доклад VII-ой Международной конференции. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 352 с.

124. Новиков, Л. А. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Проблемы языкового значения / Л. А. Новиков. — М.: Изд-во РУДН, 2001. — 672 с.
125. Обвинительная речь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vsempomogu.ru/urist/ritorika/433-4.html>.
126. Овчинникова, Н.В. Коммуникативно-прагматическая специфика судебного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Наталья Владимировна Овчинникова. — Тула. — 2006. — 154 с.
127. Палашевская, И.В. Жанровая организация юридического дискурса / И.В. Палашевская // Вестник удмуртского университета. История и филология. — 2012. — Вып. 2 — С. 256—258.
128. Палашевская, И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография / И.В. Палашевская — Волгоград: Изд-во Парадигма, 2012. — 346 с.
129. Пальчун, М.И. «Свое» и «чужое» в представлениях о загробном мире некоторых народов европейского севера [Электронный ресурс] / М.И. Пальчун. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-216103.html?page=4#5606208>.
130. Панченко, Н.Н. Достоверность как коммуникативная категория: монография / Н.Н. Панченко. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. — 322 с.
131. Паршина, О.Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) / О.Н. Паршина // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. — 2004. — № 3. — С. 85—94.
132. Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Николаевна Паршина. — Саратов, 2005. — 325 с.
133. Пахолова, И.В. Социокультурный опыт «чужого»: дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Ирина Викторовна Пахолова. — Самара, 2010. — 173 с.

134. Пелипенко, А.А. Яковенко, И.Г. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. — М.: Издательство «Языки русской культуры», 1998. — 376 с.
135. Пеньковский, А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А.Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987 гг. — М.: Наука, 1989. — С. 54—82.
136. Петрова, М.Л. Концепт «свой / чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX-XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Мария Леонидовна Петрова. — Москва, 2006. — 197 с.
137. Петроченко, М.Н. Семантический компонент «свой / чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ Мария Николаевна Петроченко. — Томск, 2005. — 227 с.
138. Пиевская, И.М. Системные отношения религиозного дискурса (на материале английского и русского переводов «Книги Псалмов»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ирина Михайловна Пиевская. — Воронеж, 2006. — 171 с.
139. Пиз, А.В. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам / А.В. Пиз. — М.: Эксмо-Пресс, 2000. — 107 с.
140. Пинтова, А.А. Универсальная бинарная оппозиция старый / молодой в английской и русской пословичных картинах мира / А.А. Пинтова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 77. — С. 144—146.
141. Полетаев, А.Б. Иммунофизиология и иммунопатология / А.Б. Полетаев. — М.: МИА, 2008. — 208 с.
142. Понятие концепта [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika/ponyatie-koncepta>.
143. Попова, Л.Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций: (семантический и прагматический аспект): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Лариса Евгеньевна Попова. — Краснодар, 2005. — 166 с.

144. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Лексическая система языка. Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж. Издательство Воронежского университета, 1984. — 145 с.
145. Поршнева, Б.Ф. Мыслима ли вообще коллективная психология / Б.Ф. Поршнева; сост. Е.Б. Шестопаля // Политическая психология: Хрестоматия — М.: Аспект Пресс, 2007. — С. 5—14.
146. Порядина, Р.Н. О семантической категории «свойственности» в русском языке / Р.Н. Порядина // Картина мира: модели, методы, концепты: Мат. Всерос. междисциплинарной шк. мол. ученых. — Томск: Изд-во ТГУ, 2002. — С. 74—80.
147. Потсар, А. Птичий язык корпораций [Электронный ресурс] / А. Потсар. — Режим доступа: http://www.russia.ru/video/potsar_5509/.
148. Право блог. Словарь юридического сленга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://blog.pravo.ru/blog/etc/1606.html>.
149. Пригарина, Н.К. Аргументация судебного дискурса: риторический аспект: монография / Н.К. Пригарина. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. — 310 с.
150. Пригарина, Н.К. Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Наталья Константиновна Пригарина. — Волгоград, 2010. — 399 с.
151. Психология ксенофобии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.diagora.ru/article_ksenofobia.php.
152. Рахимбергенова, М. Х. Лингвокогнитивные стратегии отражения образа этнически «чужого» в российской прессе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Майра Хаджимуратовна Рахимбергенова. — Екатеринбург, 2008. — 192 с.
153. Резанова, З.И. Деминутивное словообразование как одно из средств выражения категории свойственности / чуждости / З.И. Резанова //

Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. — Томск: Изд-во ТГУ, 1996. — С. 192—197.

154. Резуненко, М.Ф. Стратегии и тактики речевого поведения судей, государственных обвинителей и адвокатов в судебном-процессуальном дискурсе: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Мария Федоровна Резуненко. — Ставрополь, 2007. — 292 с.

155. Романенко, Е.Л. Категория противоположность в английском языке [Электронный ресурс] / Е.Л. Романенко. — Режим доступа: <http://www.referat.ru/referats/view/9932>.

156. Ромашова И.П. Корпоративная языковая политика [Электронный ресурс] / И.П. Ромашова. — Режим доступа: <http://rfp.psu.ru/archive/3.2011/romashova.pdf>.

157. Российское законодательство X—XX веков: в 9т. Т. 8: Судебная реформа / под общ. ред. О.И. Чистякова. — М.: 1984. — 432 с.

158. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда: коллективная монография. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. — 389 с.

159. Рудацкая, Е.А. Запретить адвокату защищать двух обвиняемых по одному делу / Е.А. Рудацкая // Российская юстиция. — 2002. — № 9. — С. 38.

160. Русакова, О.Ф. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. — Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. — 340 с.

161. Садохин, А.П., Грушевицкая, Т.Г. Этнология. Учебник для студентов высших учебных заведений/ А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. — М.: Академия, 2003. — 320 с.

162. Сахно, С.Л. «Свое — чужое» в концептуальных структурах / С.Л. Сахно // Логический анализ языка: культурные концепты. — М., 1991. — С. 95—101.

163. Свендсен, Л. Философия моды / Л. Свендсен. — М.: Прогресс-традиция, 2004. — 219 с.
164. Седов, К.Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. — М.: ГНОЗИС, 2004. — 320 с.
165. Серебренникова, А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности»- «чуждости» коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анна Николаевна Серебренникова. — Томск, 2004. — 213 с.
166. Синельникова, Л.Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса [Электронный ресурс] / Л.Н. Синельникова // Политическая лингвистика. — 2010. — № 1 (31). — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sinelnikova-10.htm>.
167. Скрыльникова, А.Ю. Категориальная и лингвокультурологическая сущность чуждости в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Анна Юрьевна Скрыльникова. — Липецк, 2008. — 293 с.
168. Славкина, И.А. Динамика лексического выражения понятия «чужой» в истории русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Инга Анатольевна Славкина. — Красноярск, 2003. — 229 с.
169. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
170. Солдатова, Г.У., Макаrchук, А.В. Я, Мы и Другие: тренинг профилактики ксенофобии / Г.У. Солдатова, А.В. Макаrchук. — Центр СМИ МГУ им. М.В. Ломоносова Москва, 2004. — 135 с.
171. Солдатова, А.А. Речевые стратегии и тактики адвокатского дискурса в уголовных процессах: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Анастасия Анатольевна Солдатова. — Тверь, 2013. — 155 с.
172. Сотрудники прокуратуры называют цвет своей формы «цветом истины» [Электронный ресурс] // Амур.Инфо. — Режим доступа: <http://www.amur.info/news/2007/01/12/30604>.

173. Социопрагматика корпоративного дискурса (на примере текстов корпоративных кодексов американских компаний) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pandia.ru/448791>.

174. Стернин, И.А. Модель русского невербального коммуникативного поведения / И.А. Стернин // Русское и финское невербальное коммуникативное поведение. — СПб.: Изд-во РГПУ им А.И. Герцена, 2001. — Вып. 2. — С. 14—25.

175. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. — Воронеж. Издательство Воронежского университета, 1985. — 160 с.

176. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. — Воронеж. Издательство Воронежского университета, 1979. — 155 с.

177. Степанов, Ю.С. Номинация, семантика, семиология / Ю.С. Степанов // Языковая номинация: общие вопросы. — М.: Наука, 1977. — С. 294—558.

178. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3 — е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. — М.: Академический проект, 2004. — 991 с.

179. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология. Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 368 с.

180. Столин, В.В. Самосознание личности / В.В. Столин. — М.: Издательство Московского Университета, 1983. — 284 с.

181. Судейская мантия как лицо правосудия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://fashiony.ru/page.php?id_n=58369.

182. Супрун, А.Е. Лекции по теории речевой деятельности / А.Е. Супрун. — Минск: Белорус. фонд. Сороса, 1996. — 287 с.

183. Тейтельбаум, Е.С. Дихотомия «свое/чужое» в феноменологии Б. Вальденфельса: проблема определения, восприятия и осмысления «инаковости» / Е.С. Тейтельбаум // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. — 2011. — № 3 (94). — С. 148—156.

184. Торгашева, М.В. Функционально-стилистические особенности юридического дискурса [Электронный ресурс] / М.В. Торгашев. — Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2010/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/torgasheva_m_v_funkcionalno_stilisticheskie_osobennosti_juridicheskogo_diskursa/2-1-0-79.
185. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 352 с.
186. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии. Логическая классификация смыслоразличительных оппозиций [Электронный ресурс] / Н.С. Трубецкой. — Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/printer_130.html.
187. Тютюнова, О.Н. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса (на материале немецких и русских телевизионных передач): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 / Олеся Николаевна Тютюнова. — Волгоград, 2008. — 247 с.
188. Уфимцева, Н.В. Россия и русские в исторической перспективе: взгляд европейцев. Сборник статей / Н.В. Уфимцева; под ред. Н.В. Уфимцевой. — М.: ИЯз РАН—МИЛ, 2012. — 268 с.
189. Фромм, Э. Бегство от свободы [Электронный ресурс] / Э. Фромм. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fromm/_Beg.php.
190. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. — М.: Праксис, 2002. — 384 с.
191. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Его же. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: (Работы разных лет) / пер. с франц. С. Табачниковой. — М.: Касталь, 1996. — С. 47—96.
192. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Электронный ресурс] / М. Фуко. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_Slova/.

193. Хагба, Л.Р. Базовые лингвокультурные концепты в абхазском и абазинском языках (на материале идиоматики): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.02, 10.02.19 / Лили Ризовна Хагба. — Нальчик, 2006. — 260 с.
194. Храмова, Ю.А. Концептуальная диада «лицемерие — искренность» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Юлия Александровна Храмова. — Волгоград, 2010. — 25 с.
195. Цивьян, Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Ин-т славяноведения и балканистики. Отв. ред. В.Н. Топоров. — М.: Наука, 1990. — 207 с.
196. Чагин, Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии Пермь / Г.Н. Чагин. — Пермь, 2002. — 123 с.
197. Чайковский, Ю.В. Юбилей Ламарка—Дарвина и революция в иммунологии / Ю.В. Чайковский // Наука и жизнь. — 2009. — № 4. — С. 34—43.
198. Чашин, А.Н. Стратегия и тактика адвокатской деятельности. Учебное пособие / А.Н. Чашин. — Саратов: Вузовское образование, 2012.— 298 с.
199. Чельцов, М.П. Религия, ее сущность и происхождение [Электронный ресурс] / М.П. Чельцов. — Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/23ch/chelsov/contemplate/24.html>.
200. Чепкина, Э.В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации / Э.В. Чепкина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bookzie.com/book_179_glava_64_zhurnalist_kak_mediator_v_mezh.html.
201. Шафиков, С.Г. Категории и концепты в лингвистике / С.Г. Шафиков // Вопросы языкознания. — 2007. — № 2. — С. 3—17.
202. Шаховский, В.И., Сорокин, Ю.А., Томашева, И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология) / В.И. Шаховский, Ю.А. Сорокин, И.В. Томашева. — Волгоград: Перемена, 1998 (б). — 148 с.

203. Шейгал, Е.И., Дешевова, В.В. Агональность в коммуникации: структура понятия / Е.И. Шейгал, В.В. Дешевова // Вестник Челябинского государственного университета. — Филология. Искусствоведение. Вып. 36. — 2009. — № 34 (172). — С. 145—148.
204. Шейгал, Е.И. Концепты и категории дискурса / Е.И. Шейгал // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: Парадигма, 2006. — С. 24—39.
205. Шейгал, Е.И. Невербальные знаки политического дискурса [Электронный ресурс] / Е.И. Шейгал. — Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-01.htm>.
206. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. — Волгоград: Перемена, 2000. — 386 с.
207. Шендерович, В. Официальный сайт [Электронный ресурс] / В. Шендерович. — Режим доступа: [www. http://shender.ru/](http://shender.ru/).
208. Шестаков, А.А. Контроверзы идентичностей: родина и отечество в российской посткоммунистической культуре [Электронный ресурс] / А.А. Шестаков. — Режим доступа: <http://www.ssu.samara.ru/research/philosophy/vjpps/htm>.
209. Шипилов, А.В. «Свои», «чужие» и другие / А.В. Шипилов. — М.: Прогресс — Традиция, 2008. — 568 с.
210. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба — М., 1957. — 119 с.
211. Chilton, P.A., Schaeffner, C. Discourse and Politics / P.A. Chilton, C. Schaeffner // Discourse Studies: A multidisciplinary introduction. T.A. van Dijk (Ed.). — London, 1997. — Vol. 2: Discourse as Social Interaction. — P. 206—230.
212. Ducrot, O. L'Argomentazione per autorità [Text] / O. Ducrot // S. Airoldi ed. La lingua attivata: Pragmatica, enunciazione, discorso. — Milano: Angeli, 1982. — P. 7—25.

213. Jackendoff, R. *Consciousness and the computational mind* / R. Jackendoff. — London: the MIT press, cop., 1987. XVI — 356 p.
214. Lifton, R.J. *The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation* / R.J. Lifton. — Chicago: University of Chicago Press, 1993. — P. 11—12.
215. Nöth, W. *Handbook of semiotics* / W Nöth. — Indiana University Press, 1990. — P. 387—420.
216. Skinner, B.F. *Beyond freedom and dignity* / B.F. Skinner. — Hacket Publishing Company, 1971. — 234 p.

Лексикографические источники и принятые сокращения

1. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. — пер. с фр. / Общ. ред. и вступ.ст. Ю.С. Степанова. — М.: Прогресс — Универс, 1995. — 456 с.
2. ВС — Вершининский словарь: В 7 т. / Гл. ред. О.И. Блинова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. — 2002.
3. Википедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
4. Грамота. ру [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?all=x&word=%25EE%25E1%25FB%25F7%25E0%25E>.
5. Кондаков, Н.И. Логический словарь справочник / Н.И. Кондаков. — М.: Наука, 1975. — 486 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов. Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/849>.
7. Новиков, Л.А. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Проблемы языкового значения / Л.А. Новиков — М.: Изд-во РУДН, 2001. — 672 с.
8. Словопедия. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/6/202/770609.html>.
9. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Р — Я. Дополнения / И.И. Срезневский. — СПб.: Типография императорской Академии наук, 1912. — 1684 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adverbium.org/ru/sreznevsky-materialy-dla-slovaria3>.
10. Толстой, Н.И. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Н.И. Толстой. — Т.1. — М.: Институт славяноведения РАН, 1995. — 2083 с.

11. Фасмер, М. Russisches etymologisches Wörterbuch / перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева / М. Фасмер. — 2-е, стереотипное. — М.: Прогресс, 1986. — Т. 1—4.
12. ФЭ — Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: dic.academic.ru.
13. Фролова, И.Т. Философский словарь / И.Т. Фролова. — М.: Политиздат, 1991. — 371 с.
14. ЭК — Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/IDENTICHNOST.html.
15. ЭС — Энциклопедии и словари [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://enc-dic.com/sociology/Socialnaja-Identichnost-8721.html>.
16. Яндекс словари [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>.

Источники примеров и принятые сокращения

1. ГПК РФ —Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/gpkrf/>.
2. Закон бессилён [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://vip.karelia.pro/zakon-bessilen-t60148.html-sid=3d309cfd5d23263b32287e0d9a478974>.
3. В Украине стали больше запугивать журналистов [Электронный ресурс] // Херсонские вести. — Режим доступа: <http://www.visti.ks.ua/novosti/v-ukraine/5093-v-ukraine-stali-bolshe-zapugivat-zhurnalistov.html>.
4. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>.
5. Ответы@mail.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://otvet.mail.ru/question/70982774>.
6. Ответы@mail.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://otvet.mail.ru/question/21050063>.
7. Ответы@mail.ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://otvet.mail.ru/question/172196656>
8. ПСЗК — Протокол судебного заседания Коростелева А.А. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kp.ru/f/13/attached_file/77/57/2815777.doc.
9. ССЗА — Стенограмма судебного заседания Аракчеева С.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.arakcheev.info/node/217>.
10. ССЗА1 — Стенограмма судебного заседания Аракчеева С.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.arakcheev.info/node/218>.
11. ССЗА2 — Стенограмма судебного заседания Аракчеева С.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.arakcheev.info/node/219>.
12. ССЗА3 — Стенограмма судебного заседания Аракчеева С.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.arakcheev.info/node/221>.

13. ССЗА4 — Стенограмма судебного заседания Аракчеева С.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.arakcheev.info/node/225>.
14. ССЗА, Л, Е, Д-4 — Стенограмма судебного заседания Агаркова М., Лукьянчикова С., Егорова Д., Дмитриева Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.narcom.ru/law/system/agarkov/stenogramus/04_10_05.htm.
15. ССЗА, Л, Е, Д-12 — Стенограмма судебного заседания Агаркова М., Лукьянчикова С., Егорова Д., Дмитриева Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.narcom.ru/law/system/agarkov/stenogramus/12_10_05.htm.
16. ССЗА, Л, Е, Д-13 — Стенограмма судебного заседания Агаркова М., Лукьянчикова С., Егорова Д., Дмитриева Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.narcom.ru/law/system/agarkov/stenogramus/13_10_05.htm.
17. ССЗА, Л, Е, Д-14 — Стенограмма судебного заседания Агаркова М., Лукьянчикова С., Егорова Д., Дмитриева Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.narcom.ru/law/system/agarkov/stenogramus/14_10_05.htm.
18. ССЗА, Л, Е, Д-20 — Стенограмма судебного заседания Агаркова М., Лукьянчикова С., Егорова Д., Дмитриева Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.narcom.ru/law/system/agarkov/stenogramus/20_09_05.htm.
19. ССЗА, Л, Е, Д-21 — Стенограмма судебного заседания Агаркова М., Лукьянчикова С., Егорова Д., Дмитриева Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.narcom.ru/law/system/agarkov/stenogramus/21_10_05.htm.
20. ССЗА, Л, Е, Д-22 — Стенограмма судебного заседания Агаркова М., Лукьянчикова С., Егорова Д., Дмитриева Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.narcom.ru/law/system/agarkov/stenogramus/22_09_05.htm.

21. ССЗА, Л, Е, Д–27— Стенограмма судебного заседания Агаркова М., Лукьянчикова С., Егорова Д., Дмитриева Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.narcom.ru/law/system/agarkov/stenogramus/27_09_05.htm.

22. ССЗА, Л, Е, Д–28 — Стенограмма судебного заседания Агаркова М., Лукьянчикова С., Егорова Д., Дмитриева Р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.narcom.ru/law/system/agarkov/stenogramus/28_10_05.htm.

23. ССЗБ — Стенограмма последнего дня судебного заседания по делу об убийстве Буданова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tverdyi-znak.livejournal.com/1211638.html>.

24. ССЗГ — Стенограмма судебного заседания Грошева И.Л. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ssa-rss.ru/files/File/court15_09_09.pdf.

25. ССЗ — Стенограмма судебного заседания [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://spasipiter.ru/documents/russprocess_flat_artemyev.htm.

26. ССЗК2 — Стенограмма судебного заседания Кулаева Н.А. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravdabeslana.ru/stenindex.htm> (2 заседание, 19 мая 2005 г.).

27. ССЗК3 — Стенограмма судебного заседания Кулаева Н.А. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravdabeslana.ru/stenindex.htm>. (3 заседание, 31 мая 2005 г.).

28. ССЗК4 — Стенограмма судебного заседания Кулаева Н.А. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravdabeslana.ru/stenindex.htm> (4 заседание, 2 июня 2005 г.).

29. ССЗК61 — Стенограмма судебного заседания Кулаева Н.А. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravdabeslana.ru/stenindex.htm>. (61 заседание, 16 февраля 2006 г.).

30. ССЗЛ1 — Стенограмма судебного заседания Ласточкина Ю.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakonia.ru/site/257804/sudebnye-zasedanija>. (часть 1).
31. ССЗЛ2 — Стенограмма судебного заседания Ласточкина Ю.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakonia.ru/site/257804/sudebnye-zasedanija>. (часть 2).
32. ССЗЛ3 — Стенограмма судебного заседания Ласточкина Ю.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakonia.ru/site/257804/sudebnye-zasedanija>. (часть 3).
33. ССЗЛ4 — Стенограмма судебного заседания Ласточкина Ю.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zakonia.ru/site/257804/sudebnye-zasedanija>. (часть 4).
34. ССЗМ — Стенограмма судебного заседания по рассмотрению иска Минцева В.В. к телекомпании ВГТРК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.religiopolis.org/documents/7315-stenogramma-sudebnogo-zasedanija-po-rassmotreniju-iska-gr-mintseva-vv-k-telekompanii-vgtrk-31-janvarja-2014-goda-savelovskij-rajonnyj-sud-g-moskva.html>.
35. ССЗПК — Стенограмма судебного заседания Пулялина А.А. и Коростелева А.А. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kp.ru/f/13/attached_file/77/57/2815777.doc.
36. ССЗО — Стенограмма судебного заседания Орлова О. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.memo.ru/2011/05/24/2405111.htm>.
37. ССЗО1 — Стенограмма судебного заседания Орлова О.П. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.memo.ru/2011/05/20/2005111.htm>.
38. ССЗО2 — Стенограмма судебного заседания Орлова О.П. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.memo.ru/2010/09/24/2409101.htm>.

39. ССЗОЗ — Стенограмма судебного заседания Орлова О.П. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/176327/>.
40. УДКВ — Уголовное дело Камалдинова В.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=0i7zk5782eE>.
41. УДК — Уголовное дело Кучеренко В.В. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=CV15FVtDWsM>.
42. УДС — Уголовное дело Самуцевич Е.С. Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=O7_eOz7-K_8.
43. УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/>.
44. УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/>.
45. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 03.12.2012) «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=133796>.
46. Recommend. ru [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.irecommend.ru/content/zhenshchina-obitaet-v-parallelnoi-realnosti>.

Анализ проявления чуждости в речевом поведении «защитник → обвинитель»

Стратегии	Кол-во	Тактики	Приемы
Стратегия дискредитации	17	Тактика критики	Прием противопоставления своих и чужих
			Негативная оценка аргументов оппонента
			Негативная оценка действий оппонента
			Колкость, насмешка
			Апелляция к прецедентному тексту
		Тактика обвинения	Прием противопоставления своих и чужих
			Отрицательная оценка нарушения закона
Стратегия психологического воздействия	9	Тактика атаки вопросами	Прием формулирования логического вывода
			Прием противопоставления своих и чужих
			Повторяющиеся вопросы
			Переформулирование вопросов
			Конструктивное уточнение
			Уточняющие вопросы

Приложение 2

Анализ проявления чуждости в речевом поведении «защитник → судья»

Стратегии	Кол-во	Тактики	Приемы
Стратегия дискредитации процессуальных действий	12	Тактика критики	Прием апелляции к правилам ведения судебного разбирательства
			Прием противопоставления своих и чужих
		Тактика обвинения	Прием ссылки на прецедентный текст
			Прием констатации фактов
			Прием цитирования
			Прием противопоставления своих и чужих
Негативное оценивание процессуальных действий			
Стратегия психологического воздействия	5	Тактика перевода внимания на действия третьего лица	Прием противопоставления своих и чужих
		Тактика самопрезентации	Положительная самохарактеристика

			Прием противопоставления своих и чужих
		Тактика создания эмоционального обсуждения	Аллюзия к смешному, комичному
			Прием противопоставления своих и чужих

Анализ проявления чуждости в речевом поведении «защитник → свидетель»

Стратегии	Кол-во	Тактики	Приемы
Стратегия психологического воздействия	27	Тактика атаки вопросами	Прием переформулирования вопросов
			Прием конструктивного уточнения
			Прием констатации факта в форме вопроса
			Риторические вопросы
			Уточняющие вопросы
		Тактика убеждения	Прием цитирования
			Апелляция к моральному аспекту
			Прием формулирования логического вывода
			Прием констатации фактов
			Прием формулирования логического вывода
		Тактика получения достоверных показаний	Прием конструктивного уточнения
			Прием настаивания на припоминании
		Тактика перевода внимания на третье лицо	Прием апелляции к реальной общественной практике
			Апелляция к авторитету
		Тактика контратаки	Прием самопрезентации

			Прием переформулирования вопросов
Стратегия дискредитации	9	Тактика атаки вопросами	Прием переформулирования вопросов
			Прием конструктивного уточнения
			Прием формулирования логического вывода
		Тактика убеждения	Прием цитирования
			Прием констатации фактов
			Прием формулирования логического вывода
			Прием переформулирования вопросов

*Анализ проявления чуждости в речевом поведении обвинитель →
защитник*

Стратегии	Кол -во	Тактики	Приемы
Стратегия психологического воздействия	12	Тактика убеждения	Прием апелляции к дополнительному аргументу
			Прием формулирования логического вывода
			Прием констатации факта
		Тактика критики	Прием констатации факта
			Прием негативного оценивания
		Тактика контратаки	Тактика апелляции к дополнительному аргументу
			Прием создания эмоционального обсуждения
			Прием говорения колкостей
		Тактика атаки вопросами	Прием повторяющихся вопросов
		Тактика нападения	Прием говорения колкостей
			Прием противопоставления свой – чужой
		Стратегия дискредитации	5
Прием цитирования			
Прием формулирования логического вывода			
Прием негативного оценивания			

Анализ проявления чуждости в речевом поведении «обвинитель → подсудимый»

Стратегии	Кол-во	Тактики	Приемы
Стратегия психологического воздействия	16	Тактика атаки вопросами	Прием переформулирования вопросов
			Прием констатации фактов в виде вопроса
			Прием цитирования
			Прием повтора однотипных вопросов
		Тактика получения достоверных показаний	Прием конструктивного уточнения
			Прием напоминания уже данных ранее показаний
			Прием настаивания на припоминании
			Прием апелляции к фактам
		Тактика уличения во лжи	Прием констатации несоответствия действительности
			Указание на неполноту информации
			Констатация факта

Приложение № 6

Анализ проявления чуждости в речевом поведении «обвинитель → свидетель»

Стратегии	Кол-во	Тактики	Приемы
Стратегия психологического воздействия	15	Тактика атаки вопросами	Многократный повтор вопроса
			Прием переформулирования вопроса
			Прием направления допроса в необходимое русло
			Прием перебива нерелевантной речи допрашиваемого
		Тактика критики	Негативная оценка незнания закона
		Тактика получения достоверных показаний	Прием конструктивного уточнения
			Прием ссылки на прецедентный текст
Уточняющие вопросы			
Стратегия дискредитации	7	Тактика атаки вопросами	Прием переформулирования вопросов
			Прием формулирования логического вывода
			Прием конструктивного уточнения

*Анализ проявления чуждости в речевом поведении «судья →
защитник»*

Стратегии	Кол- во	Тактики	Приемы
Стратегия психологического воздействия	7	Тактика критики	Прием апелляции к нормам ведения судебного процесса
			Отрицательное оценивание
			Указание на нерелевантность вопроса
		Тактика атаки вопросами	Прием противопоставления своих и чужих
			Прием переформулирования вопросов
			Говорение колкостей
			Констатация фактов
Стратегия следования регламенту судебного разбирательства	3	Тактика направления допроса в необходимое русло	Прием формулирования логического вывода
			Апелляция к нормам ведения процесса
			Констатация факта
			Прием ссылки на прецедентный текст
			Прием перебива нерелевантной речи
			Прием превентивного предупреждения
		Тактика самопрезентации	Прием конвенциональной вежливости

Анализ проявления чуждости в речевом поведении «судья → свидетель»

Стратегии	Кол-во	Тактики	Приемы
Стратегия психологического воздействия	12	Тактика атаки вопросами	Прием переформулирования вопросов
			Провоцирующие вопросы
		Тактика критики	Прием апелляции к нормам ведения судебного процесса
			Прием формулирования логического вывода
Стратегия получения достоверных показаний	3	Тактика конструктивного уточнения	Предупреждение
			Замечания в конструктивной форме
		Тактика атаки вопросами	Уточняющие вопросы
			Прием переформулирования вопросов

*Анализ проявления чуждости в речевом поведении «судья →
подсудимый»*

Стратегии	Кол- во	Тактики	Приемы
Стратегия следования регламенту судебного разбирательства	17	Тактика психологического воздействия	Замечания
			Прием превентивного предупреждения
		Тактика критики	Негативная оценка действий
		Тактика направления допроса в необходимое русло	Прием указания на нерелевантность вопроса Апелляция к нормам ведения судебного процесса